

ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2020

№3(32)

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2020, № 3 (32)

JOURNAL INCLUDED IN

Database (European Database) of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS),
The list of Russian reviewed scientific journals in which should be published the main scientific
results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science

Founder

**FSBIS Federal Research Centre "The Yakut Scientific Centre
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences" (FRC YaSC SB RAS)**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Golomareva Iu.Iu.*, executive secretary (IHRISN SB RAS); *Antonov Ye.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History, (ILS RAS, St. Petersburg); *Vasilieva N.M.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyshcheva L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Illarionov V.V.*, Doctor in Philology, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.*, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.*, Doctor in History (M.K. Ammosov NEFU); *Sivtseva-Maksimova P.V.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Khazankovich U.G.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2020, № 3 (32)

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
базу данных (БД) Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS),
Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубли-
кованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней канди-
дата наук и доктора наук

Учредитель:

**ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Голомарева Ю.Ю.*, отв. секретарь (ИГИИПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурыкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Васильева Н.М.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Илларионов В.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИИПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.*, д. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Сивцева-Максимова П.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Хазанкович Ю.Г.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Academician of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Academician of RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *E.N. Romanova*

Editors: *N.Yu. Pechetova*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГиИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Е.Н. Романова*

Редактор: *Н.Ю. Печетова*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Романова Е.Н.</i> 85 лет ИГиПМНС СО РАН!	8
---	---

История и археология

<i>Октябрьская И.В., Романова Е.Н.</i> Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности	9
<i>Дьяченко В.И.</i> Сюжетные особенности фотоиллюстративных материалов Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. в коллекции МАЭ (Кунсткамера)	21
<i>Добжанская О.Э.</i> Роль якутских исследователей XX века в изучении фольклора и этнографии народов Таймыра	31
<i>Иванова-Унарова З.И.</i> Репинская школа искусствоведения в Якутске (памяти И.А. Потапова, В.Х. Иванова)	37
<i>Сем Т.Ю.</i> Вещный мир дальневосточного шаманства как отражение центральноазиатских связей	47
<i>Жамбалова С.Г.</i> Ольхон в XXI в.: традиции и инновации в системе жизнеобеспечения населения	57
<i>Антонов Е.П.</i> Интеллектуальная биография «якутского националиста» и историка Егора Егоровича Алексея	66

Языкознание

<i>Данилова Н.И., Попова Н.И.</i> Якутское языкознание в контексте научной парадигмы российской тюркологии	77
<i>Филиппов Г.Г.</i> Развитие форм спряжений причастий якутского языка по именному типу предикации предложения	88
<i>Петров А.А.</i> Оленеводческая лексика эвенского и долганского языков: опыт сравнительного анализа	99
<i>Андреева Т.Е., Афанасьева Е.Ф.</i> Экспериментально-фонетические исследования эвенкийского языка	109
<i>Курилов Г.Н.</i> О лексеме хонмэрау ‘карус’ в тундрном диалекте юкагирского языка	119
<i>Атаев Б.М., Ибрагимова М.О.</i> Национально-языковая политика в Дагестане: современное состояние и перспективы	126

Литературоведение и фольклористика

<i>Кириллина М.А.</i> Мифопоэтические особенности стихотворной драмы И.М. Гоголева «Дыхание железного века»	133
Сведения об авторах	140
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	144

CONTENT

<i>Romanova E.N.</i> 85th Anniversary of IHRISN SB RAS	8
--	---

History and Archaeology

<i>Oktyabrskaya I.V., Romanova E.N.</i> Northern studies in the history of Russian ethnography: from describing peoples to constructing ethnicity	9
<i>Dyachenko V.I.</i> Plot features of photographic materials of the Tungus expedition 1927–1928 in the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Kunstkamera)	21
<i>Dobzhanskaya O.E.</i> The role of the XX century Yakut researchers in the study of folklore and ethnography of the Taimyr peoples	31
<i>Ivanova-Unarova Z.I.</i> Repin's Art History school in Yakutsk	37
<i>Sem T.Yu.</i> The things world of Far Eastern shamanism as a reflection of the Central Asian relations	47
<i>Zhambalova S.G.</i> Olkhon in the XXI century: traditions and innovations in the life support system of the population	57
<i>Antonov Ye.P.</i> Intellectual biography of the “Yakut nationalist” and historian Yegor Yegorovich Alekseev	66

Linguistic

<i>Danilova N.I., Popova N.I.</i> Yakut linguistics within the scientific paradigm of Russian Turkology	77
<i>Filippov G.G.</i> The development of participle conjugation forms of the Yakut language in the nominal type of sentence predicate	88
<i>Petrov A.A.</i> Reindeer-breeding vocabulary of the Even and Dolgan languages: comparative analysis experience	99
<i>Andreeva T.Ye., Afanasyeva E.F.</i> Experimental – phonetic studies of the Evenk language	109
<i>Kurilov G.N.</i> About the lexeme honmeraw ‘kamus’ in the tundra dialect of the Yukagir language	119
<i>Ataev B.M., Ibragimova M.O.</i> National language policy in Dagestan: current state and prospects	126

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Kirillina M.A.</i> Mythopoetic features of the I.M. Gogolev's poetic drama “The Breath of the Iron Age”	133
Information about authors	142
The manuscripts rules	144

85 лет ИГиЛМНХ СО РАН!

Настоящий номер посвящен юбилею Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Долгий путь длиной в 85 лет – путь поисков, дискуссий и стратегий по сохранению уникального языкового наследия и развитию северных культур единственного на Северо-Востоке России национального института, ставшего сегодня неотъемлемой частью современного мирового гуманитарного пространства.

Восприимчивость к глобальным идеям, преемственность академических европейских традиций интеллектуальной элиты первой якутской интеллигенции, деятельность научно-краеведческих обществ, активная позиция акторов «нового мира» и конструктивный диалог науки и власти – все это привело в 1935 году к организации масштабного проекта по созданию Института языка и культуры при СНК ЯАССР. Жизненные маршруты ученых раздвигали границы исследовательских территорий, а следовательно, расширяли сферу научных направлений и программ первого гуманитарного института. В основе научных программ на протяжении многих лет лежали ареальные сравнительные исследования: Алтай, Тува, Хакасия, Бурятия, Таймыр, Красноярский край, Иркутская область, Приамурье, Сахалин. Полевые маршруты северных экспедиций по Якутии, Чукотке, Камчатке формировали арктическую стратегию института.

Концепция номера посвящена интеллектуальной истории института, что дает возможность по-новому оценить вклад якутских ученых, их «мир идей» через призму исторических событий, культуры, биографии, практик исследовательской деятельности и сетевых коммуникаций с учеными и институтами России.

Среди иногородних авторов статей наши давние партнеры по совместным проектам и экспедициям – ученые из Улан-Удэ и Новосибирска. Большой интерес представляют социолингвистические материалы коллег-тюркологов из республики Дагестан, впервые представивших результаты своих исследований в этом номере журнала. Институт продолжает научную традицию сотрудничества с ведущими музейными центрами – знаменитой Кунсткамерой и Российским этнографическим музеем. Институт народов Севера РГПУ им.А.И. Герцена сыграл огромную роль в подготовке талантливых исследователей-североведов института. В современных условиях якутское североведение реализует как академические, так и просветительские проекты по экологии миноритарных языков КМНС.

Юбилейный выпуск собрал ученых-единомышленников, кому не безразличны судьбы этнических и национальных культур в эпоху перемен. Статьи журнала объединяет история и развитие научных идей, программных действий во имя возрождения, сохранения и развития народов России.

Е.Н. Романова, д.и.н.

И.В. Октябрьская, Е.Н. Романова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.001

УДК 39(=1.571)

Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности

Статья посвящена истории российской этнографии – становлению ее теории и осмыслению концепта «народ–этнос–этничность» в контексте социально-политических и интеллектуальных трансформаций. На фоне развития общественно-политического движения России в конце XIX – начале XX вв. происходило становление фундаментальных критериев понятия «народ». В фокусе авторского исследования находятся академические проекты XX в., посвященные коренным и малочисленным народам Севера. Предметом изучения является научное наследие российских ученых-североведов – их прикладные и теоретические изыскания, связанные с реконструкцией и оценкой процессов этногенеза и этнической истории Северной Азии. В работе выделяются и анализируются этапы развития отечественного североведения, а также определяется значительная роль североведов в становлении методологии и методов этноисторических и этногенетических исследований коренных и малочисленных народов Сибири и Севера. Отмечается, что в ходе реорганизации науки постсоветского периода в качестве основного тренда российской этнологии утвердилась методология конструктивизма. На первый план была выведена категория этничности, которая рассматривалась как динамичное иерархическое явление в сложном переплетении системообразующих факторов. Современное североведение характеризуют междисциплинарные стратегии в осмыслении этнической реальности XXI в.

Ключевые слова: народоведение, трансформация, теория этноса, этноисторические и этногенетические исследования народов Севера, советская этнография, российская этнология и «методологический» поворот, этническая идентичность, социальный конструктивизм.

Описание народов России, расширявшей свои пределы и формирующей границы, стало важной стратегической задачей Академии наук, созданной в начале XVIII века. Усилиями исследователей – участников первых академических экспедиций – закладывались основы народоведения, которое формировалось на основе погру-

жения в реалии полиэтнической империи с опорой на историко-архивные изыскания с учетом актуального социокультурного и политического контекста [Ширина, 2001].

В числе тех, кто обосновывал его принципы, был один из немецких ученых, приглашенных для службы в России, А. Шлёцер. В работе

«Всеобщая история Севера» («Allgemeine Nordische Geschichte») (1771) он ввел категорию «народ» /«Volk». Народы А. Шлёцер считал основными субъектами мировой истории, которые нуждались в описании. Эта парадигма определяла перспективы отечественного народоведения и была реализована в исследовательских и издательских проектах, в том числе в первом обобщающем сочинении И. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» (1776–1780). Созданный в этом издании образ России как многонародной страны стал основой ее самоопределения и важным фактором обустройства [Головнев, 2008, с. 7–10].

На протяжении XVIII–XIX вв. народоведение являлось одним из инструментов систематизации человеческих ресурсов Российской империи. Его институализация в формате этнографии произошла в середине XIX в. На протяжении XIX в. усилиями ученых и практиков, представляющих государственные структуры, университетские и музейные центры, земскую и «ссылную науку» и т.д. был сформирован огромный свод материалов и сделаны первые обобщения. Сложилось представление о комплексном подходе к описанию народов, о целостном характере традиционных культур, о взаимосвязи человеческих сообществ и природы и об их исторических трансформациях.

Становление этнографической науки, имевшей прикладное значение в многонародной империи, сопровождалось осмыслением собственного опыта и мировых трендов. Российская этнография/этнология развивалась в общеевропейском контексте, осваивая достижения естественных и гуманитарных наук, а также идеи философов и политиков XIX в., согласно которым развитие общества было связано с исторической деятельностью народных масс. В середине XIX в. в логике диалектического материализма основоположники коммунистического движения в Германии К. Маркс и Ф. Энгельс с классовых позиций сформулировали закон возрастающей роли народных масс в истории. Одновременно с категорией «народ» в мировой науке разрабатывался цивилизационный подход и представления об эволюции и типологии куль-

тур и обществ. К концу XIX в. в России были освоены концепции эволюционизма, антропогеографии, марксизма и проч.

Антропогеографические исследования предполагали пересечение историко-культурного и географического подходов к оценке народов и цивилизаций. При эволюционном подходе категории «народ» и «культура» рассматривались в контексте разделенной на стадии (в соответствии с развитием социальных и культурных технологий) глобальной эволюции. В теории марксизма народ рассматривался сквозь призму социально-классовых отношений.

При всех различиях в идейно-политических и методологических установках российских ученых конца XIX – начала XX вв. (в том числе Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораза, Д.Н. Анучина, Н.Н. Харузина, Д.А. Клеменца, Г.Н. Потанина, Б.Э. Петри, Г.В. Ксенофонтова и др.), пафос их этнографических/этнологических исследований заключался в том, чтобы, выявив универсальные типические закономерности в развитии культур и социальных институтов народов империи, включить сообщества огромной страны (и центра, и периферии) в мировой исторический процесс.

В процессе научных поисков, в контексте развития общественно-политического движения России в конце XIX – начале XX вв. проходила онтологизация понятия «народ». Так, в имперском общественном и академическом дискурсе «народ» все чаще рассматривался как субъект культуры и политики, от социального и духовного самочувствия которого зависела судьба российской государственности и будущее страны.

Обсуждение исторического прошлого, языковых и социокультурных реалий и политических перспектив народов Российской империи сопровождало становление националистических движений. Они опирались на концепт «нация», утверждение которого было связано с освоением европейской политической традиции. В XVIII в., будучи иностранным заимствованием, понятие «нация» (изначально от лат. *natio* – народ/племя) использовалось как аналог понятия «народ», а также для обозначения сообществ политической элиты, держав/империй и государственной принадлежности. По итогам Великой французской революции в Декларации

прав человека и гражданина 1789 г. нация была обозначена как надсословная общность, наделенная суверенитетом и правом политического представительства власти. В XIX в. в ходе политических трансформаций в Европе категория нации была скорректирована в формате этнонация с учетом языковых, культурных и исторических традиций народонаселения формирующихся государств [Миллер, 2012].

В России XIX в. понимание нации коррелировалось с понятиями «народ» и «народность». Из трактовок нации к началу XX в. в отечественном общественно-политическом дискурсе выделилась та, что опиралась на концепции австрийских/немецких социал-демократов. В работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) один из лидеров российских социал-демократов (большевиков) И.В. Сталин, воспользовавшись определением этнонации европейских политиков, охарактеризовал ее как устойчивую общность людей, сложившуюся на основе единства языка, культуры, территории, экономической жизни и психического склада. Позже эта концепция легла в основу официальной идеологии советской империи.

В начале XX в. концепция нации определила стратегии мобилизации народов Российской империи. Этот процесс сопровождался актуализацией исторической памяти, языкового потенциала и культурного наследия, в том числе в академическом формате. В различных провинциях Российской империи разворачивались национальные проекты, ориентированные на самоопределение этнокультурных сообществ огромной страны.

Одним из них стало движение якутских федералистов, в число основателей и руководителей которого входил Г.В. Ксенофонтов (1888–1938) – юрист по образованию, выпускник Томского университета. Связанный с движением сибирских регионалистов (областников), он многие годы занимался изучением истории и культуры якутского народа; за год до расстрела по сфабрикованному «якутскому делу» в 1937 г. закончил и издал фундаментальный труд «Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов», в котором описал феномен народной памяти и устной традиции. Эта работа стала классикой российской тюркологии. Архивное наследие Г.В. Ксенофонтова было введе-

но в научный оборот лишь после его реабилитации, начиная с 1970-х гг. [Романова, 2003].

Явления, подобные якутскому федерализму, в значительной степени формировали политический и интеллектуальный ландшафт Российской империи начала XX в. В этом контексте большой интерес представляет модель системного историко-культурного, антропологического и этнографического описания украинского народа, предложенная в тот период исследователями и вдохновившая на создание теории этноса (изначально от греч. ἔθνος – народ/племя) одного из ведущих российских, украинских этнографов начала XX в. Н.М. Могилянського (1871–1933), чья деятельность до эмиграции в 1918 г. была связана с МАЭ, Русским музеем и университетом в Санкт-Петербурге/Петрограде. Опираясь на многолетние полевые и музейные практики, на глубокое знание европейской и российской гуманитарных традиций, в работах «Этнография и ее задачи» (1902) и «Предмет и задачи этнографии» (1916) ученый дал первое определение этноса. Он предложил понимать его как собрание индивидуумов, объединенных общими чертами физических (антропологических) признаков, общностью исторических судеб и языка, определяющего общность мировоззрения, народной психологии и всей духовной культуры. Этнос, по мнению Н.М. Могилянського, следовало рассматривать как предмет этнографии – науки, которая, имея дело с этническими группами/этнотами и с явлениями, органически связанными с «этногенезисом», должна была опираться на возможности гуманитарных и естественных дисциплин, включая антропологию [Алымов, 2017].

В определенной мере, следуя выводам Н.М. Могилянського, и почти одновременно с ним над теорией этнографии работал специалист по тунгусо-манчжурским народам Северной Азии С.М. Широкогоров (1871–1933). Получив европейское образование, пройдя курс в Санкт-Петербургском университете, поработав внештатным сотрудником МАЭ, в 1915 г. он отправился в командировку в Манчжурию и Монголию для лингвистических, этнографических, антропологических и археологических изысканий; затем работал на Дальнем Востоке и в Китае. Опираясь на полевые и аналитические исследования, в 1922 г. во Владивостоке он под-

готовил лекционный курс «Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока», а затем уже в эмиграции – в Шанхае – в 1923 г. издал монографию «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений». Созданная ученым концепция имела системный характер.

Этнос – это группа людей, говорящих на одном языке, признающих единое происхождение, обладающих укладом жизни и обычаями, хранимыми и освященными традицией и отличающимися от обычаев и традиций других групп, – писал С.М. Широкогоров в 1922 г. К числу важнейших признаков этнических сообществ он также относил эндогамию. Рассматривая этнос как целостность в единстве биологической, социальной, культурной и психоментальной составляющих, он считал возможным использовать для его изучения не нормативный, а генетический подход – в динамике отношений с первичной природной средой обитания, со средой (сферой) культуры, а также с внешней средой этнического окружения. Признавая этнос базовой универсальной формой объединения человеческих сообществ и воспроизводства человечества как вида, ученый рассматривал его как результирующую центробежных и центростремительных векторов трансформации, как «процесс» становления, развития и угасания с возможным изменением основных характеристик. Сквозь призму теории этноса С.М. Широкогоров трактовал человеческую сущность в единстве этнической, социальной, культурной, политической и др. идентичностей, структура которых формировалась под влиянием реальных условий. В этой структуре категория «нация» (как общность, имеющая собственное государство), по мнению исследователя (при отсутствии политических форм самоорганизации этноса), не могла подменять этнический уровень в силу своей неопределенности [Кузнецов, 2006; Широкогоров, 2001].

Уже в 1930-е гг. эти теоретические положения, как и прикладные работы С.М. Широкогорова, стали известны в странах Европы и Азии; но в советской России имя ученого-эмигранта долгие годы оставалось под запретом. В то же время теория этноса дискутировалась в стране вплоть до конца 1920-х гг. в период становления Советского социалистического государства.

Одним из первых декретов нового государства стала Декларация прав народов России 1917 г., провозгласившая равенство всех ее народов, их право на самоопределение, вплоть до отделения, отмену всех национальных и религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств. Ее подписал И.В. Сталин – в 1917 г. глава созданного одним из первых в ходе революционных преобразований Комиссариата по делам национальностей. В 1918 г. в состав Наркомнаца входили 11 национальных комитетов и 8 отделов, в том числе отдел народов Сибири.

Первое десятилетие советской власти ознаменовалось парадом суверенитетов и расцветом народоведения. Для изучения человеческих ресурсов многонациональной страны был создан ряд научных центров; инициированы образовательные и издательские проекты. Этнографическая специализация возникла в столичных университетах: этнография/этнология как один из ресурсов развития стала «квинтэссенцией общественных наук» [Головнев, 2008, с. 21–22].

В этом контексте ориентация на теорию этноса (по версии Н.М. Могилянского) могла изменить предметную область российского народоведения, приблизив ее к современности. Но методологический переход не был поддержан поколением исследователей рубежа XIX–XX вв., которые ориентировались на палео-этнографические реконструкции культурных и социальных универсалий в духе эволюционизма. Перемены стали невозможны к концу 1920-х гг., когда существенно изменилась этнополитическая ситуация в стране.

Изначально осваивая и поощряя этнокультурное многообразие и инициативы этнических элит, большевистское руководство укрепляло свои позиции в регионах. Затем был совершен переход от практик суверенизации к централизации управления многонациональной страной. В 1922 г. был образован СССР. Перспективу союзного государства определили задачи политической консолидации и социальной унификации на основе коммунистической идеологии и советских социальных, социокультурных и административно-управленческих практик. В этом контексте с позиций рисков и репрессивных ограничений стали оцениваться не только националистические проекты, но и на-

правленные на самоопределение культурные инициативы и академические исследования.

Рубеж 1920–1930-х гг. был также ознаменован ревизией этнографии, ограничениями деятельности образовательных и академических центров. На совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. теоретической основой этнографии/этнологии было объявлено марксистское учение о социально-экономических формациях, а главной ее задачей – анализ социально-экономических отношений на примере конкретных сообществ. Концепция этноса была подвергнута критике за антиисторичность и биологизаторство в пользу теории нации [Алымов, Арзютов, 2014].

Но при этом народы (этноты) продолжали оставаться и оцениваться в качестве субъектов истории, политики и права советского государства. Национально-политические автономии (союзные республики) формировали структуру СССР; учет населения осуществлялся по национальному признаку; графа о национальности с 1932 г. была включена в паспорт гражданина страны; в 1938 г. в составе высшего органа государственной власти – Верховного Совета СССР начал действовать Совет национальностей. Научные центры были созданы во многих автономиях СССР. Проблемы исторической преемственности в становлении и развитии многонационального сообщества по-прежнему определяли содержание этнографических исследований, которые, однако, были скорректированы формационным подходом.

Примечательно, что в 1935 году на Северо-Востоке России был организован первый научно-исследовательский Институт языка и культуры (г. Якутск) – национальный проект интеллектуалов Г.В. Ксенофонтова и П.А. Ойунского, акторов нацистроительства. Этнографическая наука с 1930-х гг., опираясь на возможности археологических изысканий, сравнительно-исторического языкознания, практики исторических реконструкций, пытались проследить элементы древности в культуре и в социальных структурах современности. Ретроспективный анализ был неотделим от этногенетических изысканий. И уже в 1932 г. Археолого-этнографическое совещание определило процесс этногенеза одним из исследовательских приоритетов советской гуманитарной науки. В 1939 г. была учреждена

комиссия по проблемам этногенеза под председательством чл.-корр. АН СССР А.Д. Удальцова. В 1940 г. состоялось созданное комиссией совещание по этногенезу народов Севера с участием сотрудников ведущих научных центров. В докладах А. П. Окладникова, А.В. Збруевой, В.Н. Чернецова, Н.Н. Чебоксарова, Т.А. Трофимова, Г.Н. Прокофьева, С.А. Токарева, А.М. Золотарева нашли отражение проблемы интерпретации археологических и этнографических материалов, сопоставление которых позволило нащупать исторические связи между древними сообществами и позднейшими группами северных народов. Так, исторические корни эвенков были прослежены в Прибайкалье от времени перехода от неолита к бронзовому веку. Доклады других исследователей показали, что уже с бронзового века в границах Сибири начались интенсивные контакты между населением степной и лесной полосы. Влияние культуры скифской степи было прослежено в докладах о сложном процессе формирования обско-югорских народов, в антропологическом типе и культуре которых выделялись элементы, связанные с древними арктическими и таежными охотниками, с одной стороны, и кочевниками-коневодами, с другой. Сходная картина была воссоздана в отношении самодийских народов Обь-Енисейского бассейна (ненцев и селькупов), показавшая, что в культуре и языке этих народов отложились элементы, родственные как палеоазиатам северо-восточной Азии, так и древним племенам Приуралья.

На совещании рассматривались также проблемы происхождения якутов, чукчей, коряков и т.д. В его резолюции было отмечено, что, несмотря на значительные достижения, работа в области этногенеза народов Севера носит еще случайный характер. Плановая разработка этой проблемы была обозначена как важнейшая перспектива [Толстов, 1941, с. 3–5].

При спорности некоторых положений, обозначенных на совещании 1940 г., этногенетическое направление североведческих исследований разрабатывалось на протяжении многих последующих десятилетий. В послевоенной России, заново осваивающей свои ресурсы и рубежи, к концу 1940-х гг. на государственном и академическом уровне сформировались представления о важности этнографических исследова-

дований. Была проведена реструктуризация научных центров. Возглавивший московский Институт этнографии С.П. Толстов на уровень академических приоритетов вывел проблемы этногеографии и этногенеза, при этом прошлое следовало рассматривать в связи с оценкой настоящего. В 1946 г., провозгласив сложившейся советскую школу в этнографии, главной ее отличительной чертой он назвал историзм, требующий исследования культуры каждого народа [Алымов, 2009].

В 1946 г. в материалах Института этнографии была опубликована работа Г.М. Василевич «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов». В 1948 г. вышел в свет труд одного из ведущих этнографов Ленинграда Л.П. Потапова «Очерки по истории алтайцев», удостоенный Сталинской премии. В 1949 г. была опубликована статья известного археолога М.И. Артамонова «К вопросу об этногенезе в советской археологии», обозначившая методологические основы в изучении прошлого. В том же 1949 г. в монографии «Якутия до присоединения к Русскому государству» А.П. Окладников, опираясь на широкий круг археологических, фольклорных, этнографических и исторических данных, системно изложил версию этногенеза якутов: он подчеркнул, что якутский народ образовался в результате длительного и сложного развития; вслед за Б.Э. Петри, Г.В. Ксенофоновым выделил в их происхождении наличие южных компонентов, указал на связи поздних якутов с курумчинской культурой Прибайкалья, носителями которой были курыканы [Окладников, 1949].

На протяжении 1940-х гг. в этногенетических исследованиях формировался междисциплинарный подход с использованием широкого круга источников. В ноябре 1951 г. эта проблема обсуждалась на совещании по методологии с участием археологов, этнографов, языковедов [Алымов, 2009]. В четвертом номере журнала «Советская этнография» за 1951 г. была опубликована статья С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова «Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания».

На исходе 1950-х гг. категория этноса вновь была обозначена в академическом дискурсе. Ее утверждение в советской этнографии совпало с расширением прикладных и фундаментальных

исследований в различных регионах СССР, в том числе в Сибири, освоение ресурсов которой на тот период определяло перспективы индустриального развития советского государства.

В соответствии с актуальными задачами и государственными программами быстрого развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока в 1955 г. в московском Институте этнографии был создан сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера, переименованный впоследствии в сектор Крайнего Севера и Сибири. Его возглавил Б.О. Долгих – к тому времени известный этнограф-северовед. В 1956 г. под его руководством была создана Северная экспедиция. Одним из ее участников стал И.С. Гурвич (позднее возглавивший сектор), научная карьера которого начиналась в Якутии в 1940-е гг. В 1966 г. он защитил докторскую диссертацию «Этническая история Северо-Востока Сибири».

В 1950–1960-е гг., выполняя прикладные разработки на основе этносоциальной экспертизы, сотрудники сектора Крайнего Севера и Сибири закладывали основы системных этно-исторических и этногенетических исследований. Эти исследования приобрели широкомасштабный характер с созданием в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук СССР. Организацию его гуманитарного центра в Новосибирске возглавил приглашенный из Ленинграда А.П. Окладников. В 1966 г. уже в статусе чл.-корр. (затем акад. АН СССР) он стал директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Комплексный диахронный подход определил программу долговременных исследований института, лег в основу 5-томного издания «История Сибири с древнейших времен до наших дней», которое вышло в 1968–1969 гг. и было отмечено Государственной премией СССР.

Заметным событием в развитии этногенетического направления стала публикация в 1963 г. работы Б.О. Долгих «Происхождение долган». В 1969 г. были изданы монографии сотрудника ленинградской части Института этнографии Г.М. Василевич «Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков)» и лидера ленинградского центра этнографии Л.П. Потапова «Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк», которой предшествовал «Очерк этноге-

неза южных алтайцев», изданный в 1952 г. в «Советской этнографии». Появление этих публикаций обозначило смену исследовательской парадигмы советских ученых, которые с 1930-х гг., ориентируясь на эволюционный подход, теорию исторического материализма и типизацию на основе цивилизационной и формационной моделей, работали над проблемами «пережитков» и социалистических преобразований в истории народов СССР.

Основой переформатирования советской этнографии середины XX в. стала теория этноса в ее новом советском прочтении. Пересмотр методологии был, кроме прочего, обусловлен изменениями социально-политического контекста советского государства, в 1960–1970-х гг. вступившего в череду юбилеев. Сопутствующая государственным юбилеям оценка национальной политики СССР обозначила проблему единства и различий, сформировавшихся к этому времени советских этнонаций. Еще в 1961 г. Н.С. Хрущев (в те годы лидер КПСС) в докладе о новой программе на XXII съезде партии объявил о создании новой исторической общности – советский народ, объединяющий различные национальности, которым были присущи общие черты в духовном облике и психологии, которые имели единую социалистическую Родину, общую экономическую базу, единую социальную структуру, общее мировоззрение (марксизм-ленинизм) и цель – построение коммунизма.

В Конституции 1977 г. СССР был позиционирован как социалистическое общенародное государство зрелых общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ; вся власть в СССР принадлежала народу. Категория «народ» вновь нуждалась в обосновании с позиций ценностей государства, общества и науки периода «развитого социализма».

Реновация теории этноса (народа) произошла в 1964 г.: на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве Ю.В. Бромлей (один из ведущих балканистов России) объявил концепцию этноса теоретической основой советской этнографии. В качестве директора Института этнографии АН

СССР, начиная с 1970-х гг., он углубленно занимался методологией и теорией этноса. Им была опубликована серия работ: «К характеристике понятия «этнос»» (1971), «Этнос и этнография» (1973), «Очерки теории этноса» (1983), «Человечество — это народы» (в соавторстве с Р. Г. Подольным) (1990) и др.

Теория этноса, реставрированная на основе разработок российских и европейских авторов, позволяла описать многонародное, многонациональное сообщество СССР как сложноорганизованную систему, состоящую из сообществ разных порядков, находящихся в сложных взаимоотношениях друг с другом и с государством и имеющих многоуровневые идентичности.

Согласно ставшей каноном советской этнографии формуле акад. Ю.В. Бромлея, этнос, имея социально-биологическую основу (которую описывали в категориях физической антропологии, генетики и демографии), представлял собой исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры, языка и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании. Все признаки этноса (включая самосознание) имели подвижный характер; их актуализацию определяли механизмы адаптации к меняющимся эколого-экономическим, социо-культурным, политическим обстоятельствам и особенности межкультурных (межэтнических) коммуникаций. В своем становлении (развитии) этносы принимали различные формы самоорганизации. Включенные в процессы государственного строительства, они обретали свойства «этносоциального организма», нации (этно нации) являлись формой политического самовыражения этносов. Их историческая траектория была спроецирована Ю.В. Бромлеем на схему эволюции общественно-политических формаций. Этот компромисс делал вполне функциональную теорию политкорректной и совместимой с концепциями исторического материализма и идеологией коммунизма (социализма), определявшими рамки советской гуманитарной науки [Бромлей, 1983].

Отрицание политических проекций в существовании этноса составляло суть полемики,

развернувшейся в публицистике и науке 1970–1980-х гг. по поводу сравнения теорий Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева – доктора географ. наук, автора одной из самых популярных в России книг «Этногенез и биосфера Земли». Согласно концепции Л.Н. Гумилева (продолжавшего традиции русских космистов, евразийцев, немецких философов-романтиков и т.д.), этносфера, имея энергетическую природу и будучи открытой (многоуровневой) системой, являлась частью биосферы Земли. История этносов и их взаимодействий разворачивалась в земных ландшафтах вне политического контекста. При всей спорности этих суждений Л.Н. Гумилев считал этносы естественной формой существования человеческого сообщества, это объединяло его концепцию и концепцию Ю.В. Бромлея.

Теория этноса корреспондировала с концепциями антропо-, глотто-, культурогенеза, концепциями синкретизма традиционной (этнической) многосферной культуры, культурно-хозяйственных типов, историко-этнографических областей, этнических ареалов и проч. Эта системная по своему характеру методология разрабатывалась усилиями многих ученых: Р.Ф. Итса, С.А. Арутюнова, Н.Н. Чебоксарова, В.В. Пименова, В.И. Козлова, Г.Е. Маркова, Г.Ф. Дебеца и др. Этапной в ее становлении стала книга «Современные этнические процессы в СССР», вышедшая в 1975 и 1977 гг. и в 1981 г. получившая Государственную премию СССР.

Большую роль в становлении методологии и методов этноисторических и этногенетических исследований сыграли работы Г.И. Пелих, представляющей томскую этнографическую школу. Содержание ее программной монографии «Происхождение селькупов» 1972 г. и др. публикаций определял ретроспективный подход: на полевого материала автор выделяла субстратные компоненты этногенеза селькупов. Опираясь на актуальную для палео-этнографических исследований методику этнической идентификации различных источников (технологии, утварь, орнаментика, мифология и т.д.), Г.И. Пелих реконструировала в культуре селькупов несколько разновременных (изначально принадлежащих к различным культурам) комплексов.

Принципы многофакторности и стадийности процессов этногенеза осваивались в российской этнологии на протяжении нескольких

десятилетий. В монографии Института этнографии «Этногенез народов Севера» 1980 г. ведущие североведы страны во главе с И.С. Гурвичем предприняли попытку разработать общую схему этногенеза коренных обитателей Сибири: самов (устаревшее – лопари), ненцев (самоеды), энцев (хантайские и карасинские самоеды), хантов (остяки), манси (вогулы), селькупов (остяко-самоеды), эвенов (ламуты), эвенков (тунгусы), нанайцев (гольды), удэгейцев, нивхов (гиляки), коряков, ительменов, орочей, ульчей, негидальцев, азиатских эскимосов, чукчей [Этногенез, 1980].

Этот обобщающий труд сразу стал заметным явлением в этнографии и в советской исторической науке в целом. Подчеркивая принципиальную связь современных и исторических этносов Севера, а также несводимость проблемы их формирования лишь к поискам прародины и оценкам миграций, авторы коллективной работы акцентировали многоуровневый характер разновременных культурных напластований и возможность обособления автохтонных сообществ в процессе дивергентного развития. Этногенетические проблемы в работе рассматриваются и на уровне этнокультурных локальностей, и в пределах больших этнолингвистических сообществ историко-культурных областей Сибири. Исследования опирались на принципы историко-культурного районирования с выделением территорий, у населения которых в силу общности исторических судеб, тенденций социально-экономического развития и взаимного влияния сложились сходные технологии природопользования, бытовые особенности, социо-нормативные и символические практики, но не сложилось общего самосознания [Этногенез, 1980].

Сопоставление исторических и этнографических данных позволило исследователям сделать вывод, что в пределах историко-этнографических общностей в рамках историко-культурных областей происходило формирование отдельных народов как культурно-генетических образований. Под этногенезом понимался растянутый во времени процесс формирования антропологических, лингвистических и культурных особенностей той или иной этнической общности.

Этот подход определял комплексный характер исследований: принципы совместимости

данных этнографии, антропологии, археологии, лингвистики и истории широко обсуждались в российской науке 1970–1980-х гг. Результаты и перспективы исследования культуро-, расо- и этногенеза народов Сибири (и шире Евразии) от древности до современности определили формат Западносибирской археолого-этнографической конференции на базе ТГУ (г. Томск), у истоков которой стояли выдающиеся ученые А.П. Окладников, В.Н. Чернецов, А.П. Дульзон, В.И. Матющенко, Н.А. Томилов, Л.А. Чиндина и мн. др.

Рассматривая этногенез как динамичный процесс в единстве многих факторов, североведы выделяли этапы становления и трансформации этносов вплоть до обретения ими устойчивого самосознания. Каждый из этапов был связан с конкретной формой идентификации (родовой, территориальной и т.д.); возможным итогом развития признавалось политическое самоопределение этноса. При этом процесс этногенеза отделялся от этнической истории, под которой понимали развитие уже сложившихся этносов с относительно устойчивыми признаками – языком и культурой. Анализ этногенетических процессов в основном ограничился событиями XVII в. [Этногенез, 1980]

Продолжением проекта Института этнографии, посвященного этногенезу народов Севера, стала коллективная монография «Этническая история народов Севера» 1982 г. (под редакцией И.С. Гурвича). В ней, опираясь на архивные материалы XVII–XIX вв., исследователи констатировали неопределенность языковых и этнокультурных границ в Сибири на протяжении нескольких столетий. В XVII в. предки многих современных народов Севера представляли собой слабо структурированные диалектно-территориальные, этнокультурные группы, были известны под разными этнонимами. В таких сообществах обычно отсутствовало общее самосознание и единое самоназвание. Это позволяло отнести их к макро-этнолингвистическим общностям. Консолидированный облик к концу XIX в., по мнению ученых, приобрели лишь ненцы, чукчи, ханты, тогда как формирование других народов было еще далеко от завершения. Основные тенденции развития народов Севера после их вхождения в состав России определил процесс внутренней консолидации с одновременным складыванием единой культуры в пределах этниче-

ских ареалов, а также процесс преодоления культурной, языковой и родовой дробности [Этническая история, 1982].

В заключении монографии «Этническая история народов Севера» И.С. Гурвич подчеркивал: «Рассмотрение этнической истории Северной Сибири на протяжении XVII – начала XVIII вв. показывает, что все ныне существующие этнические общности этого обширного региона прошли большой путь в своем этническом развитии. Эти малочисленные этнические образования, осваивавшие тайгу, тундру, лесотундру, берега арктических морей, сформировались в результате сложных ассимиляционных, консолидационных и разделительных процессов, эволюции внутренней социальной и этнической структуры, разнообразных этнических взаимодействий» [Этническая история, 1982, с. 265].

В целом заложенное в коллективных монографиях «Этногенез народов Севера» (1980) и «Этническая история народов Севера» (1982) понимание динамической природы этноса стало одной из аксиом советской этнографии/этнологии.

В этот период, рассматривая актуальные проблемы этногенеза, лидер омской этнографической школы, автор серии работ по этнической истории тюркских народов Западной Сибири Н.А. Томилов обозначил сложный контент, стоящий за этой категорией. Концептуально оформив точку зрения ряда авторов, ориентированных на интерпретацию этноисторических сюжетов Сибирского и шире – Центрально-Азиатского региона, он ввел расширительное толкование этногенетических и этноисторических сюжетов Сибирского региона. Рассматривая этническую историю в единстве этногенеза, этнического развития (этнодинамики) и этнической трансформации, исследователь обозначил ее принципиальную непрерывность, многофакторность и универсальность, распространив это понятие на все разновидности историко-культурных общностей: этнографических, этнических, этносоциальных. В серии публикаций (в том числе в монографии «Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири)» 1993 г.) в структуре этнической истории он выделил этнокультурную, этноязыковую, этнотерриториальную и другие составляющие [Томилов, 1993, с. 17–27].

Развивая тему непрерывности этногенеза, один из ведущих антропологов России В.П. Алексеев в учебнике для высшей школы «Этногенез» и в монографии «Историческая антропология и этногенез» 1989 г. изложил концептуальный подход к пониманию его глобального характера. В своих размышлениях акад. В.П. Алексеев опирался на работы предшественников и современников, в том числе на выводы Г.Ф. Дебеца о соотношении расо-генетических процессов и этнической истории [Золоторева, Дебец, 1974]. Он подчеркивал, что для ранних этапов человеческой истории можно было бы говорить о потенциальной тенденции этнообразования, когда при достижении критической численности человеческого сообщества возникают предпосылки выделения в пространстве панэйкуменного развития отдельных локусов и начинается формирование «этногенетических пучков» (а также кустов, деревьев, ветвей). Антропологический облик современных народов, подчеркивал ученый, имеет, как правило, древнее происхождение и прослеживается с определенными модификациями с эпохи бронзы и неолита, складывается в окончательном виде, очевидно, в период средневековья, или чуть раньше – в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э.; при этом модели этногенеза существенно различаются в зависимости от конкретной ситуации (изоляции и этнической непрерывности и т.д.) – их выражением и становятся этногенетические пучки [Алексеев, 1989, с. 144–155].

При всей спорности суждений о древности этногенеза понимание этого процесса в продолжении антропо- и расогенеза и одной из составляющих всемирно-исторического процесса стало одним из выводов дискуссии, развернувшейся в советской науке конца 1980-х гг. Это стимулировало дальнейшее развитие интеграционных проектов по изучению этногенеза с участием лингвистов, этнографов, археологов, антропологов, генетиков. Методология исследований в этой сфере получила развитие в коллективных и авторских трудах 1990-х гг. В 1992 г. вышла обобщающая монография Н.А. Томилова «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв.»; в 1993 г. – фундаментальная работа А.И. Гоголева «Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры)»; в 1995 г. – коллек-

тивная монография «История и культура хантов» с очерком «Этногенез» В.И. Молодина, в 1999 г. – «Этнополитическая история тюрков Южной Сибири, XVII – начало XX вв.» Л.И. Шерстовой; в 2003 г. – «История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки»; в 2008 г. – книга М.Г. Турова «Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории» и т.д.

Но в тот же период, с 1990-х гг., в гуманитарной науке утвердилось вариативность исследовательских подходов. Феномен этноса и его происхождение стали обсуждаться не только с позиций примордиализма и эссенциализма (субстанционализма), но также с позиций инструментализма, перенниализма, конструктивизма, модернизма. Была актуализирована этнополитическая проблематика. Она традиционно занимала большое место в отечественной этнографии. В работах Л.Е. Куббеля и ряда других ученых 1970–1980-х гг. были сформулированы положения о том, что политическая культура выступает важнейшим средством интеграции этнически разнородного населения, политическое развитие определяет степень консолидации этноса, отражением чего является устойчивое самосознание этнополитической общности [Куббель, 1988].

Начиная с 1990-х гг., в ходе реструктуризации постсоветского пространства проблема приобрела прикладной характер. Категория «этнос» вошла в общественно-политический лексикон и систему законодательных актов новых субъектов Российской Федерации. Этнонациональные доктрины, возникшие в постсоветских автономиях, объявили этнос главной ценностью, а в современной этнологии развернулась дискуссия по поводу самого термина.

В ответ на вызовы времени в серии академических и публицистических работ лидер постсоветской этнографии/этнологии директор Института этнологии и антропологии (в новой редакции) акад. В.А. Тишков, с одной стороны, обозначил деструктивные риски, рожденные проектами этнонациональных элит постсоветской России, а с другой – перспективы политической консолидации российской многонациональной нации. В своих теоретических трудах он предложил концепцию, согласно которой этнос следовало рассматривать как конструкт, созда-

ваемый усилиями «этнических предпринимателей», властных, научных и культурных элит в их борьбе за контроль над политическими ресурсами и институтами для обеспечения социального комфорта в рамках культурно-гомогенных обществ [Тишков, 2003, с. 538].

Считая возможным отказаться от категории «этнос» в пользу термина «этничность»/«этническая идентичность», утвердившегося в англо-американской традиции в 1970-е гг., В.А. Тишков рассматривал этническую идентичность как форму контроля и солидарного поведения, направленную на социально-политическую мобилизацию [Тишков, 2003, с. 105]. Результатом такого подхода стало утверждение методологии социального конструктивизма в качестве основного тренда российской гуманитарной науки. Конструктивизм, поставивший под сомнение традиционную объектно-предметную сферу этнографии/этнологии, стал методом изучения действующих лиц и сценариев нациестроительства.

Сделав ставку на политические инициативы элит в трансформации этнических сообществ и лишив этнос качеств субъекта истории, сторонники конструктивизма попытались отказаться от категорий «этногенез» и «этническая история». На первый план были выведены проблемы идентификации и самоопределения, взаимоотношений индивида и референтной группы, которые соответствовали его персональным установкам. При всей спорности неизбежной в этой ситуации субъективации исследовательских процедур несомненным достоинством конструктивистского подхода (в прикладном измерении не отрицающего, а потенциально дополняющего исторические исследования), является ориентация на социально-политические аспекты этничности, которая рассматривается как динамичное иерархическое явление в сложном переплетении системообразующих факторов. Такой подход позволяет вскрыть внутренние факторы и обстоятельства изменения реальных этнополитических ситуаций и является основой сближения конструктивистских и этноисторических (этногенетических) исследований, где «... этнос и этничность – лишь научные категории, обозначающие историко-социальную сущность, сосредоточенную в особенностях культуры людских сообществ, члены которых

осознают эти особенности более всего через собственную историю и самоназвание...» [Заринов, 2003, с. 36].

В программной статье «Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе» одной из важных тенденций развития этнологической науки академик В.А. Тишков отмечает соединение этнографической традиции и новых направлений [ЭО, 2020].

Сохраняя интеллектуальное наследие североведов в области изучения древностей, их знания о народах и полевой опыт, современное поколение ученых развивает этноисторические исследования в новых условиях глобальных вызовов. Российское североведение характеризуют междисциплинарные стратегии в осмыслении этнической реальности XXI в.

Литература

- Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – 445 с.
- Алымов С.С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2009. – №3. – С. 7–36. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/3/kosmopolitizm-marrizm-i-prochie-grehi-otechestvennye-etnografy-i-arheologi-na-rubezhe-1940-8212-1950-h-godov.html> (дата обращения: 1.06.2020)
- Алымов С.С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 5. – С. 67–84.
- Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). – СПб: МАЭ РАН, 2014. – С. 21–90.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 413 с.
- Головинёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. – 2008. – №1. – С. 6–39.
- Заринов И.Ю. Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология 1960–1990-е годы. – М., 2003. – С.18–36.
- Расогеетические процессы в этнической истории: Сборник памяти Г.Ф. Дебеца / Отв. ред. И.М. Золотарева. – М.: Наука, 1974. – 264 с.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 271 с.

Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 57–71.

Миллер А.И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. – 2012. – № 1. – С. 162–186.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. – Якутск: Якутгосиздат, 1949. – 440 с.

Романова Е.Н. Г.В. Ксенофонов: миф о странствующем герое // Репрессированные этнографы. – Вып. 2. – М., 2003. – С. 78–104.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 2. – С. 72–92.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 222 с.

Толстов С.П. Итоги совещания по этногенезу народов Севера // КСИИМК. – Вып. IX. – 1941. – С. 3–5.

Ширина Д.А. Россия: Научные исследования Арктики XVIII в. – 1917 г. – Новосибирск: Наука, 2001. – 191 с.

Широкогорov С.М. Избранные работы и материалы. Кн. 1. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 192 с.

I.V. Oktyabrskaya., E.N. Romanova

Northern Studies in the History of Russian Ethnography: from Describing Peoples to Constructing Ethnicity

The article is devoted to the history of Russian ethnography the formation of its theory and comprehension of the concept of people ethnos ethnicity in the context of sociopolitical and intellectual transformations. The formation of fundamental criteria for the concept of ‘people’ took place amidst development of the sociopolitical movement in Russia at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The author’s research focuses on academic projects of the 20th century, dedicated to the indigenous peoples of the North. The subject of the study is the scientific heritage of Russian scholars of Northern studies their applied and theoretical research related to the reconstruction and assessment of the processes of ethno-genesis and the ethnic history of North Asia. The work highlights and analyzes the stages of development of Russian Northern studies. The article is defined the significant role of northern scholars in the development of the methodology and methods of ethno-historical and ethno-genetic research among the indigenous peoples of Siberia and the North. It is noted that during the reorganization of science in the post-Soviet period, the methodology of constructivism was established as the main trend in Russian ethnology. The category of “ethnicity” was brought to the fore, which was viewed as a dynamic hierarchical phenomenon in a complex interweaving of system-forming factors. Modern northern studies are characterized by interdisciplinary strategies in understanding the ethnic reality of the 21st century.

Keywords: ethnology, transformation, theory of ethnos, ethno-historical and ethno-genetic studies of the peoples of the North, Soviet ethnography, Russian ethnology and “methodological” turn, ethnic identity, social constructivism.

Сюжетные особенности фотоиллюстративных материалов Тунгусской экспедиции 1927–28 гг. в коллекциях МАЭ РАН (Кунсткамера)*

В 1927–1928 гг. Центральным музеем народоведения (Москва) и Антропологическим институтом Московского университета была организована Тунгусская экспедиция, которой руководил заведующий отделом Сибири музея Б.А. Куфтин. Целью экспедиции был сбор этнографических и антропологических материалов, фотоколлекций у северных и южных групп тунгусо-маньчжуров. Тематика исследований была обширной и охватывала все стороны материальной и духовной культуры коренных народов советского Дальнего Востока. В рамках экспедиции работало 2 отряда: северобайкальский (в первый год работы) и приамуро-сахалинский (оба сезона). Сначала Б.А. Куфтин проводил исследование на Северном Байкале среди ороченов, а затем проследовал на Дальний Восток для встречи с сотрудниками другого отряда, останавливаясь и изучая по маршруту следования удэхэ, гольдов, тунгусов и гиляков. В следующем 1928 г. экспедиция продолжила свою работу среди ороков Сахалина и удэгейцев, проживающих в районе р. Хор. В результате экспедиционных исследований, кроме доставки в музей большой коллекции по быту орочей, тунгусов, гольдов, гиляков (более 500 предметов), было сделано более 800 этнографических фотографий. Помимо этого, в дневниках Б.А. Куфтина содержится более 200 рисунков, на которых запечатлены различные этнографические объекты. Оценивая вклад Тунгусской экспедиции в этнографическое изучение коренных народов дальневосточного региона и, в частности, ее визуального наследия, следует отметить, что для пересекающихся сюжетных линий фотосъемок характерен энциклопедический подход. Это было обусловлено в первую очередь тем обстоятельством, что руководитель экспедиции Б.А. Куфтин придерживался сравнительно-исторического метода изучения народов как основного инструмента научного исследования.

Ключевые слова: Центральный музей народоведения, Тунгусская экспедиция 1927–28 гг., Северный Байкал, Дальний Восток и Сахалин, тунгусоязычные народы, нивхи, фотоиллюстративный материал, Кунсткамера.

Обращение к историческому наследию давно прошедших экспедиций чрезвычайно важно для решения некоторых фундаментальных проблем в истории российской этнографической науки. Это позволяет по-новому осмыслить процесс становления советской этнографии вообще и московской этнографической школы в частности.

До настоящего времени изучению истории коллекций Центрального музея народоведения (ЦМН) в Москве уделялось крайне мало внимания. Работа в этнографическом поле, организованная ЦМН, включая Тунгусскую экспедицию, способствовала профессиональному росту и формированию научных взглядов таких извест-

ных советских ученых, как М.Г. Левин, Я.Я. Рогинский, Б.А. Куфтин.

Историография российской этнографической науки много раз становилась предметом исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. остается в ней белым пятном. Именно малая изученность истории конкретных экспедиций и их результатов является одной из причин недостаточности знаний об истории ранней советской этнографии.

К тематике исследуемого вопроса обращались лишь два исследователя: А.Б. Ипполитова [Ипполитова, 2001] и С.В. Березницкий [Березницкий, 2018]. В статье А.Б. Ипполитовой рас-

*Статья написана при поддержке РФФИ (грант № 18-09-00537А).

смотрены основные вехи истории становления и закрытия Центрального музея народоведения в Москве, а также приводятся некоторые сведения по истории руководимого Б.А. Куфтиным в 1920-е годы отделом Сибири. Автор приводит ряд интересных фактов из истории этнографических экспедиций, организованных ЦМН (включая Тунгусскую экспедицию), описывает историю собирания и передачи коллекций в другие музеи.

В работе С.В. Березницкого рассмотрен один из аспектов проведения экспедиционных работ – сбор фотографических материалов Б.А. Васильева по ороческой культуре, хранящихся в архиве МАЭ РАН. На фотографиях исследователя, сделанных в местах проживания орочей в бассейне реки Тумнин, запечатлены местные поселения и жилища, особенности быта, хозяйства, верований и праздников, показана степень культурного влияния на орочей русских переселенцев. Исследователю удалось зафиксировать в фотографиях многие аспекты древнего ритуала, сопровождающего медвежий праздник: ритуальное приготовление медвежьего мяса, захоронение костей и черепа медведя на особом кладбище и др. С.В. Березницкий подчеркивает, что ороческие фотоматериалы Тунгусской экспедиции являются ценнейшим источником по культуре и этническому облику одного из тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура.

В формировании фотоколлекций по традиционной культуре народов советского Дальнего Востока, хранящихся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера), в свое время значительную роль сыграл Центральный музей народоведения в Москве, который работал в течение почти четверти XX столетия, с 1924 по 1948 гг. Организовать Музей народоведения делались попытки еще в 1860-е гг., однако осуществить на практике это удалось лишь после революции. Для этого в Москве подобрался коллектив единомышленников и высококвалифицированных специалистов: фольклористов и этнографов, археологов и антропологов, историков и музейщиков, и с этого времени новый музей стал одним из главных этнографических центров в стране. Основой его комплектования послужили материалы Румянцевского и других музеев, а также приобретенные экспонаты, благодаря поступлениям от собственных экспедиций [Ипполитова, 2001]. Одним из приоритетных направлений его

работы стало изучение культур коренных народов Сибири. Отделом Сибири московского музея с момента его создания по 1930 г. руководил Б.А. Куфтин, при котором были развернуты полевые работы большого масштаба.

В 1927 г. на просторах Восточной Сибири начала работу Тунгусская этнологическая экспедиция, которую возглавил Б.А. Куфтин. Эта экспедиция была совместной, в ней участвовали сотрудники Центрального музея народоведения, а также Антропологического института Московского государственного университета. Главной ее целью была задача комплексного обследования тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока и острова Сахалин. Работа экспедиции проходила на обширной территории в течение летних месяцев 1927–1928 гг.

Летом 1927 г. экспедиция отправилась на восток страны и, прибыв в Иркутск, разделилась на две части. Одна группа (западная) должна была работать на северном берегу озера Байкал, вторая отправилась дальше на восток, чтобы охватить своими исследованиями Нижний Амур, Приморье и остров Сахалин.

Западную группу экспедиции составили Б.А. Куфтин (Музей народоведения) и два аспиранта Антропологического института М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский.

Отплыв с пристани Байкал и направившись на пароходе к северному побережью озера, исследователи прибыли на место в десятых числах июля. Используя для передвижения по воде лодку с парусом, участники экспедиции добрались до селения Душкачаны и обследовали стойбища орочен Киндигирского и Шамагирского родов. Б.А. Куфтин отмечал в своем полевом дневнике, что с приездом на северный Байкал им «откровенно повезло»: таежные кочевники Киндигирского рода как раз находились в селении, так как они собрались и приехали сюда на ежегодный *суглан* [АМАЭ. Ф. 12. Оп.1. Д. 51, лл. 47, 48].

Другая группа экспедиции в составе Б.А. Васильева – помощника главного хранителя отдела Сибири в Музее народоведения и студента-антрополога А.Н. Покровского из Иркутска отправилась на поезде далее на восток, в Приморье. Здесь, в районе расселения орочей, они проводили обследование местных жителей бассейна рек Хади и Тумнин.

Б.А. Куфтин оставил первую группу на северном побережье Байкала, а сам произвел археологическую разведку на восточном берегу озера. После этого он ночью на лодке переплыл озеро и вернулся в Душканы. Дождавшись парохода, исследователь возвратился в Иркутск, откуда на поезде выехал во Владивосток. По пути на восток он останавливался в г. Свободный, где в течение двух дней производил археологические раскопки тунгусских погребений, находящихся в районе устья р. Зеи. После этого исследователь через Хабаровск направился на соединение со второй группой экспедиции, попутно знакомясь с традиционной культурой удэгейцев, гольдов и гиляков.

В «Путеводителе по отчетной выставке Тунгусской экспедиции» Б.А. Куфтин отмечал, что в результате первого года работы отрядов экспедиции были собраны коллекции по хозяйству, быту и традиционным верованиям у орочей, тунгусов, гольдов, удэха и гиляков (более 500 предметов). Одновременно с исследованиями сотрудниками было сделано свыше 400 оригинальных фотографий по культуре всех упомянутых народностей [АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 109].

В 1928 г. экспедиция работала также научными силами двух отрядов. Начальником Сахалинского отряда был Б.А. Васильев, где кроме него работали студент-антрополог МГУ А.Н. Покровский и волонтер А.М. Пришвин. Амуро-Приморский отряд возглавлял Б.А. Куфтин, художник В.А. Ватагин, а также музыковед и жена Куфтина В.К. Стешенко. В этот полевой сезон антропологи М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский по каким-то причинам уже не значились в списке участников экспедиции.

Сахалинский отряд произвел этнографическую разведку среди ульчей и нанайцев в низовьях Амура, а основной его работой стало обследование ороков на северо-восточном берегу острова Сахалин. В ходе экспедиции сотрудниками были собраны интересные коллекции по традиционному хозяйству, медвежьему празднику, национальной одежде, деревянной резьбе и отснят большой этнографический фотоматериал.

Амуро-Приморский отряд сначала работал среди удэгейцев на р. Хор (север современного Приморского края), где собирал материалы и коллекции по традиционным костюмам, рыболовству, охоте и шаманизму. По последнему

разделу был подробно зафиксирован двухдневный шаманский обряд с жертвоприношением, во время которого проводились фотосъемки, делались рисунки и велись нотные записи. Помимо этого, обследовались в этнографическом отношении и нивхи – коренные жители Амура.

Кроме сбора этнографических экспонатов для Музея народоведения, работа экспедиции 1927–1928 гг. была призвана решать поставленные исследовательские цели этногенетического порядка. Б.А. Куфтин не успел (или не смог в связи с его арестом и ссылкой) обработать полевые материалы и опубликовать их. Большая их часть осталась в виде полевых дневников и черновых записей, дополненных зарисовками различных предметов материальной культуры, жилища, одежды, водных средств передвижения, традиционного орнамента, шаманских принадлежностей, а также записями соответствующей терминологии.

В качестве визуального наследия Тунгусская экспедиция оставила достаточно большую коллекцию фотографий и негативов, а также рисунков, сделанных в полевых дневниках, которые отражают состояние культурных традиций народов Дальнего Востока и Сахалина в первой трети XX в.

В отделе Сибири Кунсткамеры хранятся несколько фотоиллюстративных коллекций Тунгусской экспедиции, чье авторство принадлежит Б.А. Куфтину, М.Г. Левину и Б.А. Васильеву. Это пять фотоколлекций по хозяйству и традиционной культуре эвенков-ороченов, ороков, орочей и нивхов (гиляков), в которых насчитывается около 450 фотографий: И-1781 – 166 ед.хр., И-1738 – 91 ед.хр., И-1739 – 43 ед.хр., И-1811 – 78 ед.хр., И-1850 – 55 ед.хр. На некоторые фотографии из двух последних коллекций в негативе МАЭ сохранились стеклянные негативы.

Помимо этого, в архиве МАЭ РАН [Ф. 12. Оп. 1.] хранятся привезенные из экспедиции фотографии по культуре айнов и гиляков Сахалина, сделанные Брониславом Пилсудским во время ссылки на остров и дальнейшего его пребывания на Дальнем Востоке в 1896–1905 гг. Их общая численность составляет 154 единицы [АМАЭ. Ф.12. Оп. 1. Д. 77, 78, 80].

Кроме того, значительный корпус фотографий по культуре вышеназванных дальневосточных народов, а также удэгейцев (удэха), нанай-

цев (гольдов), ульчей и корейцев, проживавших в то время на Дальнем Востоке, хранятся непосредственно в архиве МАЭ РАН, в фонде Б.А. Куфтина [АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1]. Это фотографии, составившие следующие коллекции:

№ 81 – Гиляки. Побережье Охотского моря, о. Сахалин, 80 ед.хр.;

№ 82 – Гиляки, орочи, тунгусы. Побережье Охотского моря, о. Сахалин, 30 ед.хр.;

№ 83 – Гольды, гиляки, орочи. Побережье Охотского моря, о. Сахалин, 49 ед.хр.;

№ 84 – Гольды, ульчи. Дальний Восток, 14 ед.хр.;

№ 85 – Орочи. Антропологические типы, 25 ед.хр.;

№ 86 – Орочи, 37 ед.хр.;

№ 87 – Орочи, 18 ед.хр.;

№ 88 – Удэхэ, 22 ед.хр.;

№ 89 – Удэхэ, 69 ед.хр.;

№ 94 – Корейцы побережья Татарского пролива, 18 ед.хр.

Часть из 380 фотографий, хранящихся в этих архивных коллекциях, продублирована в собраниях, которые имеются в отделе Сибири, но значительный массив изобразительного материала отображает культуру других народов: гольдов, удэхэ, ульчей и корейцев. Визуальная информация также организована по принципу энциклопедизма и включает в себя многие разделы. Это антропологические типы и традиционная одежда;

поселения, жилища и хозяйственные постройки; оленеводство, рыболовство, охота и собаководство; водный транспорт; содержание медведей, шаманские камлания с целью излечения от различных болезней и другие традиционные верования; захоронения и надгробные сооружения; домашний быт и ремесла; мир детства, ландшафт и природа. Как ни странно, в таком обширном списке этнографических разделов мы нашли всего лишь пять фотографий, на которых можно увидеть непосредственных участников Тунгусской экспедиции. На одной из них, сделанной в июле 1927 г. в ороченском стойбище на северном Байкале, в стоящей группе местных оленеводов запечатлены два сотрудника экспедиции – М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский (рис.1).

Безусловно, исследователи в процессе фотографирования зачастую сталкивались со многими непредвиденными обстоятельствами. Трудно представить, сколько десятков, а то и сотен коробок со стеклянными фотопластинками и реактивами нужно было транспортировать с собой на поезде, пароходе, в лодке и рюкзаках в перепады температуры и влажности ночью, днем и в ненастную погоду. «Делая снимки, я решил приготовить коллективный портрет тунгуса, – писал в своем дневнике Куфтин. – Правда, это представляло большие трудности, т.к. вместо скольжения по рельсам [фотоаппарата] пришлось пользоваться просто перестановкой

Рис. 1 – Сотрудники экспедиции М.Г. Левин (в центре, в гимнастерке и шляпе) и Я.Я. Рогинский (слева от М.Г. Левина, через одного человека)

треноги» [Ф. 12. Оп. 1. Д. 51, лл. 37, 37 об.]. Как следует понимать, исследователь первоначально хотел сделать несколько панорамных снимков, но техническое состояние аппаратуры не позволило этого сделать.

О другом испытании поведал Куфтин, когда писал, что случилось во время проявления стеклянных негативов: «Здесь нас постигла большая неприятность: все коробки и пластины размером 10х15 см, на которых делались антропологические портреты, оказались с дурной эмульсией, пузырями отстававшей с фотопластинок еще до их промывания. Едва удалось спасти самые головы. Повторить снимки уже не было возможности, т.к. тунгусы были отпущены и придется удовлетвориться тем, что имеем. Мы же старались переснять всех мужчин данного рода, чтобы создать представление о типе, который, надо сказать, оказался весьма характерным и вообще однородным...» [АМАЭ. Ф. 12. Оп.1. Д. 51, л. 38].

Как известно, без фотографии информация об изучаемом объекте часто бывает неполной: не всегда хватает времени на то, чтобы моментально обратить внимание на, казалось бы, бросающиеся в глаза особенности. Но имея в руках этот визуальный источник информации, после внимательного его рассмотрения подключаются многие возможности нашей зрительной памяти. Например, пассаж об одежде орочей Б.А. Куфтин писал, возможно, держа перед глазами фотографию (рис.2).

Рис. 2. Одежда и прическа молодого удэгейца

«На фото снят молодой мужчина в нарядном костюме. Косы снабжены длинными привесками из бус. Ворота, запах халата, обшлага рукавов, ноговиц и особенно голенища и носки обуви покрыты богатым накладным и вышитым орнаментом. Цвет ткани драп в данном случае – светло-синий. На пальцах – многочисленные кольца. Вообще мужчины одеваются более чем наряднее женщин и более следят за своей наружностью. Туалет, именно: расческа и заплетание волос занимает много времени и является любимым занятием молодых людей» [АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 42, л. 11]. Другое его замечание о мужской внешности ороча (рис.3):

Рис. 3. Удэгеец, сидящий на берегу реки под навесом

«На фото снят мужчина, только что расчесавший волосы и заколовший их гребнем над лбом. В ушах у него – серьги, которые последнее время у мужчин выходят из употребления, сохраняясь только у немногих франтов» [АМАЭ. Ф. 12, Оп.1. Д. 42, л. 14].

Задолго до проведения Тунгусской экспедиции исследователи, работавшие в Амурском регионе, неоднократно восхищались мастерством местных жителей, которое воплощалось в не подражаемых объектах декоративно-прикладного искусства. Не упустили такой возможности и сотрудники экспедиции. «Любовь к орнаментальному украшению одежды и утвари у удэһэ прямо поразительна: узор красочный, – в виде аппликации, – покрывает часто сплошь берестяную посуду и значительную часть мужского костюма. Мастерами узора являются,

главным образом, женщины. Особым ножичком с необыкновенной точностью и уверенностью наносится узор на память [по памяти] на поверхность бересты. На фото БК 143 [Бориса Куфтина – В.Д.] снята пожилая женщина за подобной работой. Сидя на земле и положив на вытянутое колено столик, она наносит узор на кусочек вываренной бересты. Очень хорошо видно положение работающей руки и способ держания ножа» [АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 42, л. 14].

Полевые дневники Б.А. Куфтина изобилуют рисунками и карандашными набросками: их более 200, и они сопровождают многие описанные в дневниках объекты материальной и духовной культуры. Цветные рисунки отражают колорит хорошо узнаваемого орнамента, столь характерного для дальневосточного искусства.

Рисунки в большой степени дополняли полученные сведения, особенно тогда, когда фотографировать было нельзя, или по какой-либо причине фотографии не получились. Например, это очевидно со сценой камлания в первом после приезда чуме, где фотографировать не было возможности. После этого камлания Куфтин по памяти сделал 17 карандашных мини-рисунков камлающей шаманки. На них исследователь отобразил даже различные позы тела шаманки, характерные для камлания в определенные моменты, которые к тому же им были отмечены временным хронометражем.

В отделе Сибири Кунсткамеры хранятся также 27 стеклянных негативов, среди которых находятся и весьма примечательные. Так, например, имеются два негатива, запечатлевшие речные средства передвижения у орочей. На них изображен орочский мужчина возле большой долбленной лодки с разведенным рядом костром. Сначала у автора данной статьи возникла ассоциация с тем, что это напоминает этап изготовления долбленки аяно-майскими тунгусами во время разводки бортов лодки. Для этого они еще в 1920-х гг. заполняли челн водой и бросали в него раскаленные камни. За счет того, что вода становилась горячей, борта долбленки распаривались, и их с помощью деревянных распорок разводили в стороны [Дьяченко, Ермолова, 1994, с. 75–76]. Описание почти такой же техники разводки бортов лодки у орочей можно обнаружить в полевых записях Б.А. Куфтина. По нашей просьбе С. В. Березницкий во время экспедиции

к орочам реки Тумнин опросил местных жителей и выяснил, с какой целью местные рыболовы разводили небольшой костер под дном долбленной лодки. Оказалось, что они использовали костер для того, чтобы дно лодки под действием пламени огня слегка обугливалось и становилось более твердым. Таким образом, транспортное средство во время переправы через перекаты и по мелководью меньше подвергалось механическому воздействию о каменное дно русла реки.

Итак, численность фотографий, отражающих культуру охваченных исследованиями дальневосточных народов, в визуальном наследии Тунгусской экспедиции составила около восьмисот единиц:

Орочены – 163 фотографии;
Орочи – 239 фотографий;
Ороки – 101 фотография;
Гиляки (нивхи) – 168 фотографий;
Удэхэ (удэгейцы) – 91 фотография;
Гольды (нанайцы) – 21 фотография;
Ульчи – 3 фотографии;
Корейцы – 14 фотографий.

В целом среди фотографий в коллекциях больше всего таких, которые отражают типы поселений, жилые и хозяйственные постройки (всего 137 фотографий). Среди многочисленных разновидностей построек встречаются и довольно редкие даже для того периода времени. Это может говорить о фотографиях корьевых построек, где все детали жилища: крыша, стены и дверь – сделаны исключительно из больших пластов коры, снятой с крупных лиственниц (рис. 4).

Рис. 4. Корьевое жилище у орочей

В селении Душканы, что на северо-западном побережье Байкала, было сфотографировано здание больницы (бывшей некогда домом священника) со стоящими рядом берестяными чумами тунгусов. Оленеводы, среди которых в то время были больные люди, прикочевывали сюда и устанавливали стойбище, а нуждающиеся проходили курс лечения (рис. 5).

Рис. 5. Стойбище ороченов возле больницы на Северном Байкале

Вторая по численности группа фотографий, относящихся к сфере духовной культуры коренного населения – шаманизму и другим традиционным верованиям, составляет 108 фотографий. Куфтин с участниками экспедиционного отряда довелось сразу по приезде на северный Байкал, как упоминалось выше, побывать на шаманском камлании. Правда, как он с сожалением отмечает в своем дневнике, само камлание прошло «мало удачно», так как местный доктор, с которым Куфтин познакомился еще на пароходе, плывя к северному побережью Байкала, «излишне угостил шамана и его помощника водкой». Но, переночевав в чуме в тайге, наутро с пришедшим туда уже протрезвевшим шаманом он сфотографировал, зарисовал и описал детали его шаманского костюма [Ф. 12. оп. 1. Д. 51, л. 40].

О другом случае, относящемся к сфере традиционного мировоззрения, Б.А. Куфтин записал в своем дневнике: «За спирт доктору (все тому же местному врачу) удалось приобрести связку домашних идолов, которые другим способом получить было совершенно невозможно». Тунгусы, однако, не одобрили за этот поступок хозяина культовых предметов, предупреждая, что ему от этого будет плохо. «Дей-

ствительно, – продолжал Куфтин, – их слова оказались пророческими: в ту же ночь его жена в связи с размолвкой из-за продажи мужем семейных охранителей в отчаянии убежала в тайгу, по словам однородцев, чтобы повеситься, и ее долго не могли найти. Все закончилось относительно благополучно: через три дня женщина была найдена в тайге, в 40 км вверх по течению реки в состоянии тяжелого нервного расстройства» [Ф. 12. Оп. 1. Д. 51, л. 41]. В коллекции фотографий Байкальского отряда экспедиции имеется снимок, очевидно, запечатлевший этих охранителей (рис. 6).

Рис. 6. Связка семейных охранителей у ороченов

В своем дневнике Куфтин также зарисовал эти культовые предметы и подробно их описал [Ф. 12. Оп. 1. Д. 39, л. 20].

Третья категория фотографий – это антропологические типы коренных жителей, как правило, запечатленных в традиционной одежде (89 фотографий). Было бы странным отсутствие антропологического массива в фотоколлекции, имея в отряде двух аспирантов-антропологов (М.Г. Левина и Я.Я. Рогинского), ставших впоследствии известными учеными. Очень любопытная фотография, сделанная Б.А. Васильевым на севере острова Сахалин, хранится в колл. № 1738. Под номером 11 значится «молодая жена тунгуса, – дочь айнки и ссыльного поляка» (рис. 7).

Несомненно, существует мало шансов, но возраст молодой женщины и портретное сходство со своим потенциальным отцом может говорить о вероятной возможности видеть на этом снимке дочь Б. Пилсудского. Хотя, с другой сто-

Рис. 7. Девушка-метиска на северном Сахалине

Рис. 8. Нивх в праздничном костюме

роны, мало ли ссыльных поляков было на Сахалине в конце XIX в.?

Не менее интересным является снимок нивха в ритуальной или праздничной одежде (рис. 8).

Характер декора на халате и его оформление указывает на сложность происхождения этого костюма. В описи коллекции [Ф. 12. Оп. 1. Д. 81, л. 5] для данной фотографии имеется лишь короткая надпись: «человек в интересной одежде». Судя по этой реплике, фотограф, запечатлевший костюм (к тому же несколько большего размера для сфотографированного в нем мужчины), не имел возможности выяснить его про-

исхождение. Причин тому могло быть несколько, одна из них такая, как отсутствие в тот момент переводчика.

Особенностям оленеводческих хозяйств ороченых, проживающих на северном Байкале и ороков – на Сахалине, посвящено 43 фотографии. Среди них имеется фотографический снимок приготовления к кастрации оленя, которого нам не доводилось видеть у эвенков и эвенов Якутии и Камчатки. Для этой процедуры оленя фиксировали веревкой за шею к дереву, а к бокам животного привязывали две длинные оглобли (рис. 9).

Рис. 9. Подготовка домашнего оленя к кастрации. Орочены

Во время кастрации за эти жерди приподнимали заднюю часть оленя. Один из мужчин садился на корточки под задние ноги животного и осуществлял зубами бескровную операцию.

Вглядываясь в фотографию, сделанную в одном из стойбищ, на которой изображен орочен, стоящий на спине животного, возникает дилемма – чему удивляться больше: спокойствию оленя или выдержке стоящего на нем юноши (рис. 10).

Рис. 10. «Джигитовка» на олене. Орочены

Захоронения и надгробные памятники коренного населения изучаемых районов отражены в 41 фотографиях. Среди всех других фотографий определенного внимания заслуживает изображение погребения утонувшего в море орокского ребенка. Судя по предметам, оставленным на могиле, и тому, где, кроме православного креста, запечатлены лодка, весла, рыболовная сеть и ремень с наконечником от гарпуна, здесь был похоронен мальчик (рис. 11).

Рис. 11. Могила утонувшего ребенка. Ороки

Наравне с фотографиями, отражающими погребальные сооружения и собственно места захоронений, многие памятники Куфтин запечатлел в полевых материалах планами раскопанных захоронений, рисунками расположения костяков (скелетов) и сопроводительного инвентаря. Особенно много рисунков было сделано на раскопках 14 погребений предполагаемых «тунгусо-маньчжуров», обнаруженных при устье р. Зеи, возле деревни Спицино.

Раздел, условно названный «миром детства», включает 65 фотографий. Дети всегда были в центре внимания коренных жителей Сибири, ведь они должны стать продолжателями традиций своих отцов, хранителями очага их родной культуры. На фотографиях можно видеть, как девочки помогали матерям выделывать рыбьи шкурки, которые затем использовали при шитье из них одежды и обуви. Мальчики не только подражали отцам, играя с луком в охоту, но и самостоятельно могли управлять долбленками на реке и учились охотиться на морского зверя.

Несомненный интерес для историков представляют фотоснимки Куфтина экспозиций музея г. Владивостока, которые отражают традиционную культуру коренного населения Дальнего Востока в начале XX столетия. На музейных стендах представлены традиционные экспонаты рубежа прошлого и позапрошлого столетий и заслуживающие определенного внимания исследователей.

Таким образом, даже краткий обзор фотоиллюстративного наследия Тунгусской экспедиции 1927–28 гг. позволяет говорить о ее значительной роли в пополнения базы этнографических данных по традиционному хозяйству, быту и культуре народов Дальнего Востока и Сахалина. Целенаправленная работа по отбору и фиксации визуальных экспедиционных материалов указывает на энциклопедичность в подходе к решению этногенетических задач, поставленных перед сотрудниками экспедиции. Особенно отчетливо это видно в наличии фотоиллюстративных материалов по таким базовым определениям этнической культуры, как антропологические типы населения, особенности хозяйственно-культурных типов и жилые и хозяйственные постройки.

Количества фотографий по дальневосточным народам с комментариями, почерпнутыми

из полевых дневников сотрудников экспедиции, может быть вполне достаточно для составления общего портрета коренного населения Приамурского края и Сахалина, который был характерен для первой трети XX столетия.

Литература

Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 16, 38, 39, 41, 42, 51, 52, 61, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 109, 124, 129.

Алексеева С.А. Символические формы коммуникации тунгусов в рамках когнитивной антропологии: основные поведенческие концепты (к постановке проблемы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 2(27). – С. 10–17.

Березницкий С.В. Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН // Вопросы музеологии. – 2018. – Т. 9. Вып. 1. – С. 111–119.

Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII–XX вв. – СПб.: Наука, 1994. – 160 с.

Инполитова А.Б. История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 144–160.

Dyachenko V.I. Plot features of photo illustrative materials of the Tungus expedition of 1927–28 in the collections of the MAE RAS (Kunstkamera).

V.I. Dyachenko

Plot Features of Photographic Materials of the Tungus Expedition 1927-1928 in the Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Kunstkamera)

The Central Museum of Ethnology (Moscow) and the Anthropological Institute of Moscow University organized the Tungus expedition in 1927-1928, headed by B.A. Kuftin, the head of the Siberian Department of the Museum. The purpose of the expedition was to collect ethnographic and anthropological materials, photo collections from the northern and southern groups of the Tungus-Manchus. The research topics were expanded and covered all aspects of the material and spiritual culture of the indigenous peoples of the Soviet Far East. In the expedition worked 2 teams: the Severobaikalsky (in the first year of work) and the Amur-Sakhalin (both seasons). Firstly, B.A. Kuftin conducted research on Northern Baikal among Oroches and then proceeded to the Far East for joint work with other detachment. The next year, 1928, the expedition continued its work among the Oroks of Sakhalin and the Udege living in the area of the river Khor. As a result of expeditionary research, in addition to the delivery to the museum of a large collection of Oroks, Tungus, Nanai people (Golds), Nivkh people (Gilyak) everyday life (more than 500 items), more than 800 ethnographic photographs were taken. In addition, in the diaries of B.A. Kuftin has more than 200 drawings depicting various ethnographic objects. Evaluating the contribution of the Tungus expedition to the ethnographic study of the peoples of the Far Eastern region and, in particular, its visual heritage, it should be noted that an encyclopedic approach is characteristic of intersecting subject lines of filming. It was primarily due to the fact that the head of the expedition B.A. Kuftin adhered to the comparative historical method of studying peoples as the main scientific research.

Keywords: Central Museum of Ethnology, Tungus expedition of 1927–1928, Northern Baikal, the Far East and Sakhalin, Tungus-speaking peoples, Nivkhs, photographic material, Kunstkamera.

Роль якутских исследователей XX века в изучении фольклора и этнографии народов Таймыра

Рассматривается роль якутских исследователей Андрея Александровича Попова (1902–1960), Прокопия Елисеевича Ефремова (1933–1992), Галины Григорьевны Алексеевой (1944–2007) в изучении этнографии и фольклора коренных народов Таймыра: долган, нганасан, ненцев, а также русских старожилов Таймыра (затундренских крестьян). Полевые исследования материальной и духовной культуры долган и нганасан, выполненные А.А. Поповым в 1930-е гг., выявили и зафиксировали целые пласты уникальной культуры арктических этносов, стали фундаментом для работы исследователей XX–XXI вв. Записанные им фольклорные тексты на долганском языке представляют разные жанры фольклора долган, многие из которых стали раритетами или не сохранились до наших дней. Одним из основных направлений научной деятельности П.Е. Ефремова было собирание и изучение фольклора долган, которое он производил в экспедиционных исследованиях 1960–1970-х гг. на Таймыре. Оно завершилось академическим изданием «Фольклор долган» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» СО РАН. Научная работа музыковеда доктора искусствоведения Г.Г. Алексеевой по собиранию и изучению музыкального фольклора долган велась в 1980–1990-е гг. в экспедиционных исследованиях в Хатангском районе и городе Дудинка Таймырского автономного округа. Созданные исследователем научные труды имеют большую ценность.

Ключевые слова: коренные народы Севера и Арктики, коренные народы Таймыра, этнография, фольклор, история науки, А.А. Попов, П.Е. Ефремов, Г.Г. Алексеева.

Таймыр – самый северный полуостров Евразии – расположен на северо-западе от Республики Саха (Якутия) и граничит с Анабарским районом. В XX в. полуостров Таймыр привлекал якутских этнологов, фольклористов, музыковедов, которые проводили здесь экспедиционные исследования, собирали полевые материалы по культуре народов Таймыра, создавали уникальные публикации. Одной из причин обращения якутских исследователей к изучению культуры коренных народов Таймыра является то, что на Таймыре проживают долганы – северные тюрки, родственные по языку якутам. Поэтому исследователи могли свободно, без языкового барьера, общаться с долганами на якутском языке, а родственность духовной культуры и обычаев саха значительно облегчала взаимопонимание субъектов и объектов исследования.

В настоящей статье мы рассмотрим связанную с Таймыром научную деятельность якутских исследователей: этнографа А.А. Попова,

фольклориста П.Е. Ефремова, музыковеда Г.Г. Алексеевой.

Андрей Александрович Попов (1902–1960) – крупный советский этнограф, кандидат исторических наук, получивший специальное образование в Ленинградском государственном университете (1925–1929) под руководством основоположников российской этнографической науки Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Вся научная деятельность А.А. Попова была связана с Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера), Отделом этнографии Сибири [Грачева, 1992, с. 3–4]. В 1930-е гг. состоялись экспедиционные исследования А.А. Попова, которые положили начало этнографическому изучению коренных народов Таймыра. На сайте Кунсткамеры, где помещено жизнеописание ученого, находим упоминания о его таймырских экспедициях: «с мая 1930 г. по август 1931 г. Андрей Александрович находился на полуострове Таймыр, где по заданиям Комиссии по изучению

естественно-производительных сил и Музея антропологии и этнографии Академии наук изучал культуру и быт долганов и нганасанов»; «В 1936–1938 гг. в составе Тавгийской этнографической экспедиции Андрей Александрович вторично посетил Таймыр» [Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, 2020].

Собранные А.А. Поповым этнографические коллекции впоследствии были охарактеризованы Г.Н. Грачевой в статье «Таймырские коллекции МАЭ (долганы и нганасаны)». Г.Н. Грачева высоко оценивает роль этнографических сборов исследователя для развития науки: «Коллекционные материалы А.А. Попова постоянно привлекаются к исследованиям специалистов – этнографов-культурологов. На основе их анализа проводятся сопоставления с культурой других народов Сибири, делаются выводы об этнических контактах и связях, этногенезе. Необходимо отметить, что работы А.А. Попова по материальной культуре долган и нганасан до сих пор остаются наиболее полным источником данных и в этом отношении постоянно привлекаются для определений и сравнений археологами, оценивающими их чрезвычайно высоко» [Грачева, 1980, с. 60]. В данной статье Г.Н. Грачева особо отмечает ценность культовых коллекций долган №№ 5658 и 5718, содержащих шаманский костюм и атрибуты шамана (всего 55 предметов). Также она подробно останавливается на характеристике нганасанской коллекции № 5657, содержащей 783 предмета и являющейся наиболее полным этнографическим представлением материальной культуры этого народа. Данная коллекция, предметы которой впоследствии легли в основу двух крупных монографий ученого [Попов, 1948; Попов, 1984], содержит предметы мужской, женской и детской одежды, промысловой деятельности (охоты, рыболовства), оленеводства, орудий труда, домашней утвари, детские игрушки, образцы пищи и т.д. 49 культовых предметов, среди которых костюм шамана с бубном и колотушкой, домашние идолы, являются бесценным источником для исследователей традиционных верований и шаманства нганасан. «Пожалуй, ни одна сибирская коллекция МАЭ по полноте характеристики народности не может сравниться с нганасанской коллекцией, зарегистрированной самим собирателем в 1938 году», – заключает Г.Н. Грачева [Грачева, 1980, с. 60].

Отмеченная Грачевой ценность этнографических коллекций Попова еще более возросла в наши дни. А.А. Попов собирал сведения по культуре в 1930-е гг., когда аборигены Таймыра вели традиционный образ жизни, их культура была в хорошей сохранности и практически не была еще подвергнута воздействию советской эпохи. В связи с произошедшими в XX – начале XXI вв. общественными изменениями многие сферы традиционной культуры коренных народов оказались трансформированы или разрушены. В частности, были утрачены шаманство и традиционная медицина, традиционные способы охоты (поколка, охота с оленем-манщиком) и рыболовства, под угрозой исчезновения оказались языки народов Таймыра (нганасан), ушли в небытие многие жанры устного народного творчества.

Уникальные коллекции А.А. Попова стали основой его крупных исследований по материальной и духовной культуре, традиционным верованиям и фольклору долган и нганасан. Северовед, исследователь этнографии ненцев Л.В. Хомич в статье «Из истории советской этнографии (изучение этнографии самодийских народов)» кратко характеризует работу А.А. Попова по изучению этнографии самодийских народов: «После окончания в 1929 году Ленинградского университета А.А. Попов обратился к изучению самодийских народностей <...> Собранные в эти годы этнографические, фольклорные и лингвистические материалы были использованы для написания ряда ценных трудов по этнографии и фольклору нганасан, долган, якутов. Среди них в первую очередь надо назвать книгу «Тавгийцы», вышедшую в 1936 году, и монографию «Нганасаны» <...> Интересна статья А.А. Попова «Енисейские ненцы», посвященная этнографическому описанию самой восточной группы ненцев» [Хомич, 1983, с. 11]. Особо следует выделить полевую работу ученого по собиранию фольклорных текстов на долганском языке, которые он собственноручно записывал на долганском языке и переводил. Эти тексты были частично опубликованы им самим [Долганский фольклор, 1937], частично изданы уже в наши дни, в специальном томе академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Фольклор долган, 2000].

Современные исследователи культуры народов Таймыра постоянно обращаются к работам А.А. Попова в поисках сведений о традиционной культуре, в наши дни, к сожалению, утраченных. Для того чтобы сделать доступными для таймырского молодого читателя ставшие библиографической редкостью труды исследователя, кандидат педагогических наук А.А. Барболина в 2000-е гг. предприняла переиздание его основных статей по культуре долган [Попов, 2003]. Этот двухтомник «Долганы» стал настольной книгой для учителей и работников культуры Таймыра, чья деятельность связана с изучением культуры долган и краеведением.

Роль А.А. Попова в организации Таймырского краеведческого музея в г. Дудинка описана сотрудником музея Л.А. Чуриловой в специальной статье «А.А. Попов – инициатор создания Таймырского музея»: «Находясь в экспедиции на Таймыре в мае 1931 г., он выдвинул для обсуждения на заседании президиума оргкомитета Таймырского национального округа предложение об организации музея и краеведческого бюро в округе. Вопрос об их создании обсуждался в течение нескольких последующих лет и неоднократно поднимался на заседаниях президиума окружного исполнительного комитета. Однако впервые его рассмотрение документально датируется 26 мая 1931 г.» [Чурилова, 1992, с. 11]. И далее автор раскрывает значимость работ А.А. Попова для музейных работников Таймыра: «Научный коллектив музея постоянно обращается к наследию А.А. Попова, используя его монографии, статьи, которые никогда не утратят актуальности, применяя на практике методику описания музейных предметов, применявшуюся А.А. Поповым в МАЭ» [Чурилова, 1992, с. 11].

В полевых материалах и научных трудах А.А. Попова освещена также тема русских старожилов Таймыра – затундренских крестьян [Попов, 1934].

В целом вклад А.А. Попова в изучение этнографии Таймыра невозможно переоценить. Его труды еще долгое время будут являться бесценным кладом сведений по традиционной культуре коренных народов Арктики.

Перейдем к проблемам изучения фольклора долган на Таймыре якутскими исследователями-фольклористами.

Прокопий Елисеевич Ефремов (1933–1992) – собиратель и исследователь фольклора долган. Небольшая статья об ученом, написанная членами главной редколлегии серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» А.Б. Соктоевым и Н.А. Алексеевым, содержит основную информацию о коллеге-фольклористе. Он родился в Угулятском наслеге Вилуйского улуса ЯАССР (и был, таким образом, земляком А.А. Попова). После окончания Якутского государственного университета (1959) П.Е. Ефремов поступил в аспирантуру Якутского института языка, литературы и истории (научным руководителем у него был фольклорист Г.У. Эргис). С 1963 г. начал вести активную экспедиционную работу в северных районах Якутии: Анабарском, Оленёкском, Булуновском, колымских улусах, вилуйских улусах, а также в Таймырском национальном округе (Красноярский край). В 1963–1992 гг. ученый был научным сотрудником ИЯЛИ, и география его исследований складывалась в русле проводимых в институте диалектологических экспедиций [Романова, 2017, с. 64–65]. «Научные интересы П.Е. Ефремова были направлены на изучение героического эпоса северных якутов и долган, хосунных сказаний и песен» [Фольклор долган, 2002, с. 27–28].

Крупным трудом исследователя является монография «Долганское олонхо» (1984), в которой исследован героический эпос долган. «В книге освещены особенности сказительской традиции, сюжетно-композиционная структура сказаний, система их образов, выявлена архаичность долганского эпоса и т.д.» [Фольклор долган, 2000, с. 15]. Венчает научное творчество фольклориста составленный П.Е. Ефремовым том «Фольклор долган», изданный в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» уже после смерти ученого как том 19 [Фольклор долган, 2000]. Во вступительной статье Н.А. Алексеев пишет: «Значительное количество записей по всем жанрам фольклора долган было сделано П.Е. Ефремовым (составителем данного тома) во время экспедиционных поездок на Таймыр в 1964, 1968 и 1986 гг. Это героическое сказание «Три девушки – родные сестры», ряд сказок, мифов и песен, включенных в настоящий том... Ему удалось сделать несколько повторных записей у информаторов, от которых в свое время

были собраны материалы А.А. Поповым. <...> Ценность записей П.Е. Ефремова заключается еще и в том, что лучшие образцы фольклорных произведений он записал на магнитной ленте» [Фольклор долган, 2000, с. 15]. Академическая публикация фольклора долган на двух языках (языке оригинала и русском) является единственным в своем роде источником по фольклору этого народа, имеющем огромное научное и историко-культурное значение.

Личность и научное творчество П.Е. Ефремова были раскрыты на специальном научном мероприятии. Круглый стол «Эпическое наследие и фольклор коренных народов Северо-Западной Якутии и Таймыра», посвященный 80-летию со дня рождения известного якутского фольклориста, переводчика, общественного деятеля П.Е. Ефремова, был проведен в ИГИ в 2013 г.

Роль ученого в исследовании фольклора таймырских долган была озвучена в выступлениях приехавших с Таймыра участников данного научного мероприятия. В частности, «главный специалист отдела фольклора и этнографии Анна Алексеевна Барболина хорошо знает творчество П.Е. Ефремова, лично общалась с учёным и переводчиком. Её выступление на тему «Вклад П.Е. Ефремова в изучение культуры и фольклора долганского народа» вызвал подлинный интерес у организаторов и участников конференции. Автор напомнила, что Прокопий Елисеевич провел четыре экспедиции (1964, 1968, 1987, 1989) на Таймырском полуострове. В 1982 г. в Красноярском издательстве после двух первых экспедиций вышла книга «Таймырские сказы», которая имела колоссальный успех, ибо она выполнена по итогам полевых записей. Это истинный фольклор долган – мифы, предания, легенды, чистый, образный, не смешанный долганский язык [Кудрякова, 2013].

Таймырские деятели образования и культуры отмечают вклад П.Е. Ефремова в издание первой книги долганской поэтессы Огдо Аксёновой «Бараксан» (Красноярск, 1973): «Особую ценность представляет его вступительная статья к этому изданию, где П.Е. Ефремов извещает о рождении новой литературы тогда бесписьменного народа – долган, дает полную биографическую справку о долганской поэтессе Огдуо

Аксеновой, пропагандирует её самобытное творчество» [Кудрякова, 2013].

Таким образом, вклад П.Е. Ефремова в соби­рание, изучение и публикацию фольклора, а также становление литературы долган невозможно переоценить.

Переход к персоналии и научному творчеству Галины Григорьевны Алексеевой (1944–2007) – известного якутского музыковеда, доктора искусствоведения, собирателя и исследователя музыкального фольклора долган – будет логичен, если мы вспомним, что она, будучи музыковедом, являлась автором тома «Фольклор долган».

Г.Г. Алексеева родилась в селе Ытык-Кель Таттинского улуса Якутии. После окончания Якутского музыкального училища по двум специальностям (скрипка и теория музыки), она закончила историко-теоретический факультет Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (класс Н. Синьковской), впоследствии окончила аспирантуру в Новосибирской консерватории им. М.И. Глинки (1985). Кандидатская диссертация исследователя «М.Н. Жирков и его роль в становлении якутской профессиональной культуры» была защищена в 1989 г., докторская диссертация «Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган» – в 2005 г. Наиболее крупные научные достижения Г.Г. Алексеевой связаны с изучением музыкального фольклора долган.

Г.Г. Алексеева – первый музыковед, кто начал изучать музыкальную культуру долган, собирать музыкальный фольклор долган в экспедиционных условиях в местах компактного проживания этноса, обрабатывать и вводить в музыкальную науку публикации разных жанров музыки долган. В 1980–1990-е гг. она совершила несколько экспедиций по собиранию музыкального фольклора долган в Хатангский район, г. Дудинку. Музыковед А.С. Ларионова справедливо указывает, что причиной изучения музыкального фольклора долган стало участие Г.Г. Алексеевой в подготовке тома «Фольклор долган» 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», и пишет о полевых исследованиях музыковеда: «Первой экспедицией, в которой она приняла участие, была комплексная экспедиция ИЯЛИ

ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1987 года, в которой был обследован музыкальный фольклор долган в пп. Новорыбное, Сындасско, Хетта Таймырского национального округа. В 1989 году была проведена экспедиция в г. Дудинка, в пп. Хатанга и Кресты. В 1990 году, в дни 60-летия со дня образования Таймырского национального округа, Г.Г. Алексеева в г. Дудинка также записывала долганский фольклор. В экспедиции 1991 года ею были записаны 89 образцов песенного фольклора долган» [Ларионова, 2018, с. 94]. В целом в ходе экспедиционных исследований на Таймыре Г.Г. Алексеевой было записано более 200 песен [Алексеева, 2000, с. 46].

Помимо собственных полевых материалов, объектом исследования Г.Г. Алексеевой стали архивные материалы разных лет, а также записи П.Е. Ефремова [Алексеева, 2000, с. 29]. В частности, она подвергает музыковедческому анализу эпические сказания-олонгко «Сын лошади Аталами-богатырь» и «Оттоной» (сказитель И.А. Ерёмин-Сюютюк), «Кётё-Мёнгё» (сказитель Ф.С. Сахатин-Солоо), «Эр Соготох» и «Мёрёдян Мэргэн-богатырь» (сказитель Н.П. Христоворов-Мочуор), «Сын неба» (сказитель И.Л. Антонов-Иникен) [Алексеева, 2000, с. 30-38]. В музыковедческом разделе тома «Фольклор долган» приведены нотные записи всех известных жанров (6 образцов песенных разделов олонгко, 14 образцов сигнального интонирования – звукоподражаний и сигналов для управления животными, 5 образцов песен разных жанров, 1 образец музицирования на варгане, 2 примера напевов круговых танцев осуохай и хэйро) [Алексеева, 2000, с. 33-45].

Монография Г.Г. Алексеевой «Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган» [Алексеева, 2005] ставит фундаментальные научные проблемы и обобщает научные достижения автора. Автор создает классификацию современного песенного фольклора долган, выявляет звуковысотные и метроритмические модели напевов, интонационную основу долганских песенных мелодий [Алексеева, 2005, с. 80].

Научные и идеи и вклад Г.Г. Алексеевой в развитие музыковедческой науки обсуждались 9 февраля 2018 г. на проведенном в АГИКИ научном семинаре, посвященном памяти музыко-

веда Заслуженного деятеля искусств РС (Я), доктора искусствоведения, профессора Алексеевой Галины Григорьевны.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что якутские исследователи внесли неоценимый вклад в исследование различных вопросов этнографии, фольклора, музыкальной культуры коренных народов Таймыра. Их усилиями были созданы уникальные коллекции по материальной и духовной культуре, фольклору и музыке долган и нганасан, публикации и научные концепции, которые не утратили своей ценности по сей день и могут быть использованы учеными будущих поколений для изучения различных вопросов, связанных в культурой народов Севера.

Литература

Алексеева Г.Г. Музыкальный фольклор долган // Фольклор долган / Сост. П.Е. Ефремов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 29–46.

Алексеева Г.Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2005. – 320 с.

Грачева Г.Н. Таймырские коллекции МАЭ (долганы и нганасаны) // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Л, 1980. – С. 57–64. [Электронный ресурс]. – URL: http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Gracheva-Dolgani_Nnganasani_Coll_MAE.pdf (дата обращения 27.07.2020)

Грачева Г.Н. От редактора // Сибирские чтения: к 90-летию со дня рождения Андрея Александровича Попова. Тезисы докладов / МАЭ имени Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. Г.Н. Грачева. – СПб., 1992. – С. 3-5.

Долганский фольклор. Вступительная статья, тексты и переводы А.А. Попова (Литературная обработка Е.М. Тагер. Общая ред. М.А. Сергеева). – М.; Л., 1937. – 256 с.

Кудрякова Н.С. Земля Олонхо чтит якутского фольклориста, долгановеда Прокопия Ефремова. 23.12.2013. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tdnt.org/article.php?id_artic=76&year=2013 (дата обращения 27.07.2020)

Ларионова А.С. Научная деятельность Г.Г. Алексеевой // Вестник Арктического государственного института культуры и искусств. – 2018. – № 1 (9). – С. 92–95.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого [Электронный ресурс]. – URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Popov.html> (дата обращения 27.07.2020)

Попов А.А. Долганы. Собрание трудов по этнографии / Сост. А.А. Барболина. – СПб.: Дрофа, 2003. – Том 1. 319 с.; Том 2. 336 с.

Попов А.А. Затундренские крестьяне (Русские на Пясине. Путевые заметки) // Советская этнография. – 1934. – № 3. – С. 77–86.

Попов А.А. Нганасаны. Вып. 1. Материальная культура. / Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, Т. III. – М.–Л., 1948. – 116 с.

Попов А.А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. / Отв. ред Г.Н. Грачева, Ч.М. Таксами. – Л.: Наука, 1984. – 150 с.

Романова Е.Н. Этнодиалектология культуры: от научных традиций к инновационным проектам // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 4 (21). – С. 64–70.

Фольклор долган / Сост. П.Е. Ефремов. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 448 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 19).

Хомич Л.В. Из истории советской этнографии (изучение этнографии самодийских народов) // Историческая этнография: традиции и современность. Межвузовский сб. / редкол. К.В. Чистов и др. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. – С. 5–14.

Чурилова Л.А. А.А. Попов – инициатор создания Таймырского музея // Сибирские чтения: к 90-летию со дня рождения Андрея Александровича Попова. Тезисы докладов / МАЭ имени Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. Г.Н. Грачева. – СПб., 1992. – С. 10–12.

O.E. Dobzhanskaya

The Role of the XX Century Yakut Researchers in the Study of Folklore and Ethnography of the Taimyr Peoples

The article considers the role of Yakut researchers Andrey Aleksandrovich Popov (1902 – 1960), Prokopy Eliseevich Efremov (1933–1992), and Galina Grigorievna Alekseeva (1944 – 2007) in the study of Ethnography and Folklore of the indigenous peoples of Taimyr – Dolgans, Nganasans, Nenets, as well as Russian old-time inhabitants of Taimyr (Zatundra peasants). In the 1930th A.A. Popov conducted some field researches among Taimyr natives – Dolgans and Nganasans. He considered the material and spiritual culture of these peoples, and revealed and recorded entire layers of unique culture of the Arctic ethnic groups. His ethnographic collections and publications became the basis for the work of researchers of the XX-XXI centuries. The folklore texts in the Dolgan language recorded by Popov represented different genres and types of Dolgan folklore, many of which have become rarities or have not survived to the present day. The folklorist P.E. Efremov devoted his life to collection and study of Dolgans folklore. He was active field researcher on Taimyr in 1960-1970. His academic publication “The Dolgan Folklore” in the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East” of the Russian Academy of Sciences was the great result of his scientific work. The musicologist, Doctor of Art history G.G. Alekseyeva was working on collecting and studying Dolgan musical folklore in the 1980 – 1990. Her field works was conducted in the Khatanga district and Dudinka in the Taimyr Autonomous district (Krasnoyarskiy kray). The scientific works created by the researcher are the great value.

Keywords: indigenous peoples of the North and the Arctic, indigenous peoples of Taimyr, Ethnography, Folklore, history of science, A.A. Popov, P.E. Efremov, G.G. Alekseeva.

Репинская школа искусствоведения в Якутске (Памяти И.А. Потапова, В.Х. Иванова)

Выпускники факультета теории и истории искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина искусствоведы И.А. Потапов и В.Х. Иванов, работая в тесном контакте с художниками, сами были участниками живого реального художественного процесса. И.А. Потапов заложил основы якутского искусствоведения как комплексной науки, изучающей теорию, историю и принципы художественной критики в тесной взаимосвязи со смежными гуманитарными и естественными науками. Используя историко-художественный, структурно-типологический и иконологический методы искусствознания, создал стройную картину якутского изобразительного искусства 1950-90-х гг., выделяя истоки его зарождения и развития, анализируя творческую эволюцию художников, их мировоззренческую позицию, выраженную в пластическом искусстве. Онтологическое понимание народной культуры на примере традиционной резьбы по дереву изучал на синтезе археологии, этнологии, лингвистики и фольклора якутов. Научная и общественная деятельность Потапова является достоянием общероссийской культуры XX века. В.Х. Иванов поднял проблемы и пути развития якутского народного искусства в начале 1980-х гг. в период кризисного состояния национального шитья, сосредоточившись на теоретических аспектах. Исследовал истоки, этапы становления и эволюцию развития якутского косторезного искусства, традиции и индивидуальность творческого почерка мастеров, дальнейшую профессионализацию и переход народного косторезного искусства в декоративно-прикладное. Соотношение вековых традиций народов Северо-Востока Сибири с инновациями, возникшими в процессе этнокультурных контактов, автор исследует, выстраивая типологические модели декоративно-прикладного искусства эвенов, эвенков, коряков, чукчей, юкагиров. Работу по изучению материальной и духовной культуры народов Якутии он продолжил в фондах Американского музея естественной истории, ее результаты нашли практическое воплощение в его научных трудах и положили начало новому этапу изучения культуры коренных народов Якутии в музеях мира.

Ключевые слова: искусствоведение, теория, история, критика, художники, народное искусство, живопись, графика.

Искусствоведение (искусствознание) как наука, изучающая художественную культуру общества в целом, имеет широкий диапазон, охватывает литературоведение, музыковедение, театроведение, киноведение и пластическое искусство. Начиная от Джорджо Вазари, первого историка искусств XVI в., написавшего «Жизнеописания прославленных живописцев, скульпторов и архитекторов» эпохи итальянского Возрождения, и всех последующих исследователей искусства, как, например, Винкельман и Вёльфлин, искусствоведение воспринимается как наука, исследующая изобразительное искусство.

Санкт-Петербургский художественный институт, до революции именовавшийся Импера-

торской Академией художеств, пройдя многократные реорганизации, с 1933 г. стал называться, вслед за Вазари, Институтом живописи, скульптуры и архитектуры при Академии художеств СССР. С 1944 г. институт носит имя И.Е. Репина. В 1937 г. при институте открылся факультет теории и истории искусств (ФТИИ). «Будущие искусствоведы должны были учиться в одних стенах с будущими художниками, постоянно наблюдая художественный процесс и участвуя в нем. До этого момента подготовка историков искусства преимущественно осуществлялась в университетах и была тесно связана с гуманитарными науками, археологией и классической филологией, но совершенно оторвана от современной художественной практи-

ки. Образование первого в стране искусствоведческого факультета в составе именно художественного вуза имело своей целью прежде всего воспитание критиков и теоретиков искусства, приобщение искусствоведов к текущей художественной жизни [Грачева, 2009, с. 244].

Репинская школа искусствоведения отличается именно тем, что «вместе с художниками мы варились в одном котле», говорил выпускник ФТИИ 1956 года Иннокентий Афанасьевич Потапов (1932–2005), первый якутский искусствовед, заложивший основы якутского искусствоведения как системной науки, исследующей историю и теорию изобразительного и народного декоративно-прикладного искусства в тесной взаимосвязи со смежными гуманитарными науками, с археологией, этнологией и антропологией (рис. 1).

Рис. 1. И.А. Потапов

Используя историко-художественный, структурно-типологический и иконологический методы искусствознания, создал стройную картину истории якутского пластического искусства XX века и поставил новые проблемы перед следующим за ним поколением. Человек энциклопедических знаний, известный ученый и общественник, «отягощенный» множеством регалий и званий, Иннокентий Афанасьевич был тихим скромным интеллигентом с обостренным чувством чести и справедливости, безмерно преданным семье и друзьям. «Дитя войны», как сейчас официально именуют тех, чье детство прошло в суровые военные и послевоенные годы, по его собственному признанию, «вытя-

нул счастливый билет, ибо на моем пути встречались только хорошие добрые люди». Прекрасное качество – умение быть благодарным. Иннокентий Афанасьевич по именам помнил всех воспитателей Синского детского дома, тепло принявших мальчика, в пять лет оставшегося без родителей; был благодарен преподавателям художественного училища, определившим его путь в искусство: П.П. Романову, искусствоведу Р.Г. Левиной и Г.Г. Зуммерфинкель, волей судьбы попавших в Якутск после войны.

Галина Гедадьевна Зуммерфинкель, выпускница исторического факультета МГУ по специальности «искусствоведение», советовала Кеше после окончания училища поступить в Московский университет, снабдила рекомендательным письмом к известному искусствоведу Г.А. Недошину. Но мест в МГУ не оказалось, рекомендательное письмо не понадобилось, Иннокентий Афанасьевич хранил это письмо как драгоценную память о начале новой жизни. Постоянный представитель Якутии в Москве Г.И. Фомин принял личное участие в судьбе юноши, отправил его в Ленинград в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Шел 1951 год.

Послевоенный период и начало 1950-х гг. были сложным, порой противоречивым этапом в истории отечественной культуры в сочетании с эйфорией победы и борьбы с левыми идеологическими направлениями. В профессиональной подготовке искусствоведов принимали участие выдающиеся советские ученые, известные профессора. Ректором института в течение 25 лет (1953–1977) был народный художник СССР, академик, доктор искусствоведения В.М. Орешников, деканат ФТИИ возглавил заведомо западноевропейской графики Эрмитажа профессор М.В. Доброклонский. Лекции читали директор музея Академии художеств С. К. Исаков, востоковед Н. Д. Флиттнер, известный искусствовед-критик Н.Н. Пунин. Ректор Орешников стоял на жесткой позиции искусства социалистического реализма и академического образования. «Сессия Академии художеств 1949 г. осудила «формализм» в творчестве таких художников, как Н. Альтман, А. Матвеев, А. Осмеркин, В. Фаворский, Р. Фальк, а также «антипатриотический и антипартийный» характер критики А. Эфроса, Н. Пунина, И. Маца, О. Бескина,

Д. Аркина, В. Костина. В результате последовало увольнение из института ряда выдающихся педагогов, в том числе известного критика и искусствоведа проф. Н.Н. Пунина» [Грачева, 2009, с. 249]. Все же основной костяк сильных искусствоведов остался на факультете.

В формировании интеллектуальных способностей талантливого студента сталинского стипендиата Кеши Потапова особую роль сыграли Наталья Давидовна Флиттнер, автор книг по искусству Египта и Двуречья, специалист по античности Анна Петровна Чубова, профессор Алексей Николаевич Савинов, исследователь русского искусства. Получив диплом с отличием в 1956 году, Иннокентий Афанасьевич поступил в аспирантуру Московского института искусствознания. Темой его исследований стала история изобразительного искусства Якутии, завершившаяся защитой кандидатской диссертации в 1961 г. Книга «Изобразительное искусство Советской Якутии», опубликованная в 1960 г. издательством «Художник РСФСР», была первым в республике искусствоведческим трудом, в котором автор характеризует зарождение и развитие якутского профессионального изобразительного искусства в тесном общении с опытом русского и всего советского искусства на основе метода социалистического реализма [Потапов, 1960].

Новое внутреннее осмысление современной мировой художественной культуры происходит в годы жизни и работы в Москве в 1956–1964 гг., совпавшие с периодом политической оттепели в стране. В должности искусствоведа Дирекции художественных выставок и панорам Министерства культуры СССР Потапов принимал участие в подготовке и пропаганде выставок в стране и за рубежом, был свидетелем переломных событий в жизни страны. Старейший музей западноевропейского искусства, превращённый в музей подарков Сталину, в эти годы восстанавливает свою истинную функцию. Москвичи знакомятся с выставками французских импрессионистов, с коллекцией картин Пикассо. На молодого искусствоведа и его друзей – якутских художников Э. Сивцева, Л. Неофитова, В. Васильева, на Е. Шапошникову, специально приехавшего в Москву на Международный фестиваль молодежи в 1957 г., сильное впечатление произвела выставка латиноамериканской гра-

фики и монументального искусства Риверы, Ороско и Сикейроса невиданной для них экспрессией и национальным звучанием. Иннокентий Афанасьевич, воспитанный на русской классической академической школе, не был ни сторонником, ни идейным противником западного искусства, выставки дали возможность изучения новых современных течений, ранее закрытых для советского зрителя.

Вернувшись в Якутск в 1964 г., И. Потапов до конца своей жизни работал в Институте языка, литературы и истории СО АН СССР (ИЯЛИ), позже переименованном в Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГПИМНС). В институте ещё в 1948 г. был создан сектор искусствоведения, которым заведовал композитор и музыковед М.Н. Жирков, научными сотрудниками были художник-этнограф М.М. Носов, этнохореограф М.Я. Жорницкая. Но спустя три года сектор закрыли в связи с кончиной М.Н. Жиркова.

Сектор искусствоведения вновь открылся в 1972 г., заведующим был назначен И.А. Потапов, в него входили искусствовед В.Х. Иванов, музыковед Н.Н. Николаева, театровед Д.К. Максимов, позже к ним присоединилась искусствовед-этнограф Р.С. Гаврильева. Состав группы определил основные направления научной деятельности сектора: изобразительное и народное декоративно-прикладное искусство, музыкальный фольклор, театральное искусство. Каждый из них с достоинством выполнил поставленную перед ним задачу, все защитили диссертации на соискание степени кандидата искусствоведения и оставили после себя творческое наследие в виде фундаментальных монографий, научных статей, популярных очерков.

Монография «Творческие проблемы художников Якутии. 1945 – середина 1970-х гг.» [Потапов, 1992] представляет собой углубленное историко-критическое осмысление прожитого, начиная с послевоенного десятилетия, когда искусство с трудом освобождалось от наслоений, привитых за многие годы социализма, от тенденций парадности, иллюстративности, лакировки действительности и стереотипности мышления. Здесь Потапов впервые ставит проблемы теории в искусствоведении, спорные вопросы о терминологии. В повседневном употреблении термины «художественное наследие»,

«преемственность» и «традиция» воспринимаются как тождественные. Но в теоретическом плане «необходима определенная дефиниция <...>. Термин «художественное наследие» следует считать исходным, базовым, тогда как остальные два термина выступают как <...> указывающие на механику его функционирования», – пишет автор [Потапов, 1992, с. 5].

В живописи 1960–70-х гг. прослеживается художественное наследие стилистики первых живописцев: «пассеизм» И.В. Попова и М.М. Носова, воспринимавших историческую память своего края в культурно-бытовом плане, и возвышенный романтизм П.П. Романова в его историко-мифологических полотнах. Камерный пейзаж и портрет стали одним из ведущих направлений в творчестве Л. Кима, Е. Крылова, Л. Александрова, И. Избекова. Новаторским приемом М. Лукина и А. Осипова является обращение к суровому стилю, в котором отразились гражданственность и романтическое восприятие героического пульса эпохи.

Шестидесятые годы XX в. вошли в историю искусства как начало небывалого подъема станковой графики советских национальных школ, среди которых особенно ярко выделялись прибалтийская, кавказская и якутская графика. Причину этому явлению Потапов находит в атмосфере времени: «Годы «оттепели» дали такой импульс, вызвали к жизни такое широкое художественное движение, дыхания и инерции которого хватило на многие годы. На рубеже 50–60-х годов выдвинулось целое поколение молодых художников в Москве, Ленинграде <...>, несколько позже во всех союзных и автономных республиках страны» [Потапов, 1992, с. 48].

В 1966 г. состоялась знаковая во многих отношениях выставка «Якутская графика. 1956–1966» с участием восьми художников: В. Васильева, А. Мунхалова, В. Карамзина, О. Ковалевского, Л. Неофитова, Э. Сивцева, М. Филиппова и Е. Шапошникова. Выставка получила широкий общественный резонанс и в статусе передвижной обошла города России и Прибалтики. Отмечая яркую национальную окрашенность и высокий профессионализм владения разнообразными техниками гравюры, Потапов подчеркивает, что у них не было эстафеты традиций предыдущего поколения художников-графиков, как это было у живописцев, но они

возродили художественную память своего народа, вековые навыки народных резчиков по дереву и кости, гравировщиков по металлу и бересте. С безымянными мастерами их сближает общность «мышления в материале».

Концептуальное видение и теоретические выкладки автора проходят красной нитью во всех трудах Потапова. Историю якутского искусства он видел в единстве с социальной, материальной и духовной историей страны. Для формирования представления об историческом развитии профессионального изобразительного искусства он предложил систематизацию, выделяя хронологические границы зарождения, становления и возмужания искусства, вынесенные в названия книг «Первые художники Советской Якутии», «Ступени творческого роста», «Возмужание». Первый этап – этап зарождения якутского изобразительного искусства, связанный с именами И. В. Попова, М.М. Носова, П.П. Романова и Г.М. Туралысова, завершается созданием Союза художников Якутии в 1941 г. На втором этапе, названном этапом становления, активную роль сыграли Л.А. Ким, Л.М. Габышев, И.Г. Избеков, В.А. Кандинский, появились молодые живописцы М. Лукин, А. Осипов, А. Собакин, В. Петров, графики Э. Сивцев, Е. Шапошников и Л. Неофитов. Этот период завершается московской выставкой в 1957 г. 1960–70-ые годы определены как возмужание – третий этап, совпавший с высоким уровнем развития якутской графики, с появлением живописи сурового стиля и с обновлением Союза художников за счет выпускников центральных художественных вузов страны.

Свой тезис о времени зарождения якутской живописи, связанный с именем И.В. Попова, Иннокентий Афанасьевич пересмотрел в последние годы, уже в XXI веке. В журнале «Наука и образование» он опубликовал статью «Православная церковь и истоки якутской живописи», в которой зарождение якутской живописи связывает с распространением христианства и строительством православных церквей в Якутии [Потапов, 2000]. Первыми образцами живописи он называет настенные росписи и иконы, выполненные местными умельцами, ссылаясь на письменные источники 1820–1840-х гг., оставленные путешественниками Ф. Врангелем, Н. Щукиным. Таким образом, истоки за-

рождения якутского изобразительного искусства Потапов переносит на столетие раньше, чем появились первые профессиональные живописцы к 20-м годам XIX в.

Вслед за иконами и фресками, написанными неизвестными русскими мастерами, фиксирует появление портретной живописи в жанре парсуны, приводя в качестве примера портреты Л.Н. Толстого и первого якутского врача П.Н. Сокольников, написанные якутским иконописцем И.И. Сивцевым-Мытыйыкы.

Историко-культурный, социологический методы исследования искусства требуют персонализации, ибо при создании произведения искусства в первую очередь выступает авторское мировоззрение. В монографических трудах «Валериан Васильев» [Потапов, 1979], «Афанасий Осипов» [Потапов, 1998] и незаконченной монографии «Афанасий Мунхалов», завершенной кандидатом искусствоведения Ией Покатиловой [Потапов, 2006], Потапов внимательно исследует жизненный путь и творческую эволюцию художников, дает оценку вклада каждого из них не только в якутское, но и в российское искусство. Будучи сам современником того поколения художников, которых относит к «шестидесятникам», с которыми вместе «рос и мужал», он видел все проблемы изнутри, что придает особую убедительность его искусствоведческим текстам.

Размышляя над талантом якутских художников, Потапов подчеркивал роль народного декоративно-прикладного искусства, в котором заложены созвучные современным художникам основы пластического мастерства. Капитальный труд «Якутская народная резьба по дереву» создан в результате многолетнего исследования большого фактического материала, собранного во время научных экспедиций по колымским и вилуйским районам, изучения коллекций музеев республики и частных собраний с привлечением широкого спектра литературных и архивных источников, данных археологии, этнографии и фольклористики. Автор исследовал художественно-стилевые параметры и архетипы форм кумысной посуды, генезис, эволюцию формы и орнаментики. Особое внимание уделил чорону, выясняя его семантическую, смысловую нагрузку, утилитарную и обрядовую функции. Сопоставляя общетюркскую семанти-

ку слов *айах*, *ымыйа* и разницу их конструкций, он приходит к выводу, что «сосуд типа кубка появился у якутов на сравнительно позднем этапе, видимо, ранее XVII века» [Потапов, 1972, с. 49]. Что касается истоков формы чорона на поддоне, то параллельно с А.П. Окладниковым предлагает другой путь симбиоза «скифского» бронзового котла с формой древней деревянной кумысной посуды *ымыйа* или якутского берестяного ведерка *ыагас*. Работа вызвала большой интерес в научной среде, археологов особенно заинтересовало описание конструкции чоронов со вставными ножками и анализ кумысных ковшей XVIII в. с антропоморфными изображениями на рукояти, выполненный по эстампам Г.В. Ксенофонта [Алексеев, 1996, с. 57, 58]. Происхождение апотропеической эмблемы на рукояти искусствоведа связывает с культурной традицией южно-сибирских тюркских скотоводческих племен, а еще глубже – с ленскими наскальными изображениями шаманов, описанными А. П. Окладниковым. Магическое значение подобных ковшей сохранилось в церемониале проведения якутского праздника ысыах.

Монография Потапова стала своего рода учебным пособием для молодых мастеров благодаря подробному описанию процесса изготовления деревянных изделий и набора инструментов с указанием их практического назначения. Иннокентий Афанасьевич принимал самое активное участие в подготовке художников с высшим академическим образованием внутри республики, был первым директором филиала Красноярского государственного художественного института в Якутске, открытого в 1994 г., вошедшего в структуру Арктического государственного института культуры и искусства в 2000 г.

Воспитанник классической школы искусствознания, И.А. Потапов придерживался методики анализа Лазарева, Алпатова, Кагановича, Пунина, когда исследователь вникает в строй мыслей художника-творца, стремится разобратся в психологической и ментальной стороне его личности, в его социокультурной среде, анализирует художественную форму и скрытый язык его сообщений, раскрывает историческое значение предмета исследования. Он несколько скептически относился к методике субъективного формального анализа без учета авторской

концепции, не применял термины культурологии, пришедшие из философии и эстетики.

Между тем искусствоведческий анализ народной культуры, где вещный мир приобретает «язык» научных категорий, рассмотрение орнамента в культуре как этноопределяющий элемент традиционной культуры приближает методологию анализа Потапова к современным кросскультуральным исследованиям. Об этом пишет его коллега по Институту гуманитарных исследований, д.и.н. Е.Н. Романова: «Научный дискурс в области народной культуры, предложенный И.А. Потаповым еще в начале 60-х годов и продолжающийся в настоящее время, требует сегодня осмысления накопленного опыта ученого как системной культурологической концепции, как становления и развития кросскультуральных исследований в якутской гуманитарной науке. Его коммуникативная компетентность, глубокая эрудиция, использование специальных научных методов и нравственные принципы ученого заложили основы нового гуманитарного знания для якутской академической науки – культурологии» [Романова, 2008, с. 46].

Член-корреспондент Российской Академии художеств, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат Государственной премии Республики Саха (Якутия) имени П.А. Ойунского Иннокентий Афанасьевич Потапов имел признанный авторитет в масштабах российского изобразительного искусства, выступая как активный член творческих комиссий по искусствоведению и критике Союза художников СССР (позже России), как член редколлегии журнала «Художник», как критик и председатель пресс-группы зональных выставок «Советский Дальний Восток», охватывающий огромный регион от Читы и Бурятии до Владивостока и Сахалина. В 1968-1973 гг. избирался в члены Правления Союза художников СССР. Начиная с 1964 г., почти тридцать лет был председателем, затем заместителем председателя Правления Союза художников Якутии. Состоял членом творческих комиссий по искусствоведению и критике СХ СССР и СХ РСФСР, редколлегии журнала «Художник», членом комиссии по Государственным премиям РСФСР в области литературы и искусства (1967-1972) и секретарем комиссии по Государственной премии ЯАССР имени

П.А. Ойунского. Являлся одним из авторов Государственного Герба Республики Саха (Якутия). Начиная с 2007 г., по инициативе Национального художественного музея республики проводятся региональные научные потаповские чтения, посвященные памяти Иннокентия Афанасьевича Потапова.

По-другому сложились жизнь и творчество Владимира Харлампьевича Иванова (Унарова) (1937–2000) (рис. 2).

Рис. 2. В.Х. Иванов (Унаров)

Он не сразу пришел в искусство. В 1959 г. закончил геологоразведочный факультет Ленинградского государственного университета им. Жданова, в 1972 г. – факультет теории и истории искусств репинского института с красным дипломом. Восемь лет работал в Якутской центральной геологической экспедиции, читал лекции по гидрогеологии в Якутском государственном университете. Начало работы искусствоведа связано с музейным делом – одним из основных направлений искусствоведения.

В.Х. Иванов (Унаров) в качестве научного сотрудника Якутского республиканского музея изобразительных искусств (ныне Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия)) вместе с директором музея, художником Л.М. Габышевым приступили к систематизации коллекции музея. Изучая коллекцию косторезного искусства, обратил внимание на ранние работы якутских мастеров, весьма близких к северорусским изделиям по ассортименту (шка тулки, ларцы, подчасники), но отличающиеся по технике резьбы и по декоративному оформле-

нию. В монографии «Якутская резьба по кости», написанной в результате историко-художественного и сравнительного метода исследования изделий из кости, хранящихся в музеях Москвы, Ленинграда, Иркутска и Якутии, Владимир Харлампьевич воссоздал хронологическую картину исторического развития якутской резьбы по кости, привел убедительное доказательство того, что художественная резьба по кости в Якутии зародилась в первой половине XVIII века и что на первоначальном этапе в её становлении решающую роль сыграла северорусская холмогорская резьба [Иванов, 1979, с. 8–11].

Якутские мастера, имевшие древний опыт резьбы по дереву, уже к середине XVIII в. выработали свой национальный стиль декоративного оформления, отличающийся большей суровостью, лаконизмом, овладели разнообразной техникой ажурной, плоскостной резьбы и объемной пластики. Новые качества резьбы по кости наблюдаются в середине XIX в., когда суровая архаичность и лапидарность сменяются праздничностью и яркой декоративностью. Иванов прослеживает этапы становления, подъема, кризисного состояния промыслов в конце XIX в. и возрождения в послевоенный период, когда на смену безымянным мастерам приходят косторезы со своим индивидуальным почерком, создающие художественные изделия взамен утилитарных. Стилистический анализ произведений Т. Аммосова, А. Федорова, С. Пестерева, С. Петрова, Д. Ильина, И. Мамаева 1940–50-х гг. приводит исследователя к выводу о появлении новой формы классических эталонов ажурной, рельефной резьбы и малой скульптурной пластики. К началу 1970-х гг. искусство молодых косторезов, выпускников Якутского художественного училища, приобретает качество декоративно-прикладного направления ввиду его дальнейшей профессионализации, происходит синтез профессионального и народного начал. В монографии впервые опубликован список косторезов с биографическими данными, охватывающий период с конца XIX в. по 70-е годы XX в.

Приход В. Х. Иванова (Унарова) в Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР в 1972 г. ускорил открытие сектора искусствоведения во главе с И.А. Потаповым. Перед сектором стояла задача исследования теории и истории всех видов якутской художественной куль-

туры. В 1970-х гг. среди российских искусствоведов разворачивались острые дискуссии о месте и роли жанров станковой живописи. В ходе дискуссии, начатой журналом «Творчество», выяснилось, что в советской искусствоведческой литературе нет однозначного определения понятия «жанр», размыта структурная специфика жанра. По мнению некоторых участников дискуссии, предпочтение сюжетно-тематической картины у художников приводит к слиянию и отмиранию «малых жанров» – таких как пейзаж, портрет и натюрморт. Само определение жанра вызывает спор. В полемику вступают известные искусствоведы: В. Лёняшин предлагает понимание жанра как *предмет* или как *тема*, А. Ягодковская, отрицая жанр как предмет, вводит понятие *аспект* отражения предмета. По определению В. Иванова, жанр – это *предмет, т.е. произведение*, определяющее структурно-конструктивные особенности изображения независимо от темы.

Скромно изданная книга в бумажном переплете с черно-белыми иллюстрациями «Развитие жанров в якутской живописи» [Иванов, 1984а] прошла мимо внимания якутских любителей искусства и даже специалистов. Между тем в ней автор впервые дал научный анализ развития жанров в якутской живописи, в ходе которого затрагиваются малоисследованные в советском искусствознании проблемы жанров живописи, отдельные теоретические аспекты. В статье «Пути развития якутской станковой графики (1950–60-е гг.)» В.Х. Иванов, размышляя над феноменом подъема графики за столь короткое время, рассматривает его побудительные причины: во-первых, в обществе растет востребованность в эстампе, сравнительно дешевом способе украшения интерьеров гостиных, квартир и деловых кабинетов, в связи с чем наблюдается его массовое развитие в конце 1950–60-х гг. – процесс, в который включились якутские художники [Иванов, 1990]. Вторая причина более глубинная – это традиции резьбы по дереву и кости, гравировка по металлу, чем славились якутские народные мастера, техника исполнения которых близка к гравюру. Третьей существенной причиной является профессиональное образование. Подобно тому, как первые искусствоведы именуют себя выходцами петербургской (репинской) школы искус-

ствоведения, первые графики представляли московскую (суриковскую) школу: мастерскую академика Е.А. Кибрика Института им. В.И. Сурикова прошли Элляй Сивцев (1956), Лаврентий Неофитов (1962), Афанасий Мунхалов (1963), Мария Рахлеева (1974). Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) закончили Валериян Васильев (1962), Юрий Вотяков (1970); вслед за ними графикой увлеклись выпускники Якутского художественного училища Владимир Карамзин, Олег Ковалевский, Ефим Шапошников. Таким образом, в шестидесятых годах XX в. в Якутске сложился молодой, но уже сильный коллектив графиков.

Выявление закономерностей процесса становления и развития якутской графики в общей системе советского искусства требовало изучения личности и художественного языка каждого художника, проникновения в его творческую мастерскую, что было доступно искусствоведам, ровеснику художников-шестидесятников. Владимир Харлампьевич выделяет на ментальном уровне три направления графики в исследуемое десятилетие: эпически-повествовательное, лирико-декоративное и символично-романтическое начало. «Эпическая повествовательность и психологизм серий Э. Сивцева, философская направленность, интеллектуальность листов В. Васильева, гражданственный пафос творчества Мунхалова, фольклорная самобытность В. Карамзина слились в единое полифоническое звучание якутского эстампа», – таково определение, данное исследователем графике Якутии шестидесятых годов [Иванов, 1990, с. 47].

В то время как живопись и графика достигли заметных успехов и заняли достойное место в нише общероссийского искусства, положение с народным искусством было откровенно неблагоприятным. В начале 1980-х гг. впервые организуются выставки народного творчества по национальному шитью, на которых выявилось незнание традиций, отсутствие эстетического вкуса, что заставило искусствоведов переключиться на исследование проблем народного искусства. Стартом послужила Вторая научно-практическая конференция по проблемам народного и декоративно-прикладного искусства с приглашением искусствоведов Москвы и соседних регионов в 1982 г., где прошла полемика по вопро-

сам традиций и преемственности поколений, духовно-содержательной сущности народного искусства. В основном докладе, опубликованном в материалах конференции, Владимир Харлампьевич обосновал сущностные понятия народного искусства, самостоятельного творчества, профессионального декоративно-прикладного искусства и теоретические основы в разработке стратегии развития народного искусства [Иванов, 1984б, с. 3–19].

С начала 1990-х гг. В.Х. Иванов приступил к разработке фундаментальной проблемы традиционного искусства Северо-Востока Сибири, заведую отделением этнокультуры и философии Института проблем малочисленных народов Севера. Работа в фондах этнографических музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Якутска, Нью-Йорка легли в основу его монографии «Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири» [Иванов, 2001]. Исторически сложившиеся тесные контакты между эвенками, эвенками, коряками, чукчами и юкагирами привели к процессам зарождения новых образных средств в культуре этносов. Соотношение инноваций с вековыми традициями автор исследует, выстраивая типологические модели декоративно-прикладного искусства народов, на основе которых выявляет три культурные традиции: культуру континентальных охотников, от безрукавной накидки из шкур прошедших к распашному кафтану с передником, культуру прибрежных морских зверобоев, глухая одежда которых имела истоки от примитивного пончо, и культуру тюркоязычных народов с верхней одеждой со сходящимися полами. В методологическом плане Иванов отталкивался от гумилевской концепции о природном начале в культуре этносов. По мнению кандидата искусствоведения культуролога И.В. Покатиловой «Исследование В.Х. Иванова о традиционном декоративно-прикладном искусстве народов Северо-Востока Сибири не ограничивается лишь материальной культурой, имеет тесную связь с духовной культурой этноса, поскольку внутреннее содержание этого искусства включает в себя определенные семиотические, символические и сакральные элементы. По существу, монография В.Х. Иванова была первой попыткой культурологического подхода в изучении декоративно-прикладного искусства корен-

ных народов Сибири в системе традиционных этнических культур» [Покатилова, 2013а, с. 40].

Богатым источником для исследования материальной и духовной культуры народов Севера послужила крупная этнографическая сибирская коллекция, собранная участниками Джекзуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции В. Богоразом и В. Иохельсоном, и обширный литературный и архивный материал в фондах Американского музея естественной истории в Нью-Йорке. Исследовательская работа В.Х. и З.И. Ивановых-Унаровых, поддержанная грантами Российской Академии наук, Сороса и Маккартуров, участие с докладом на Международной конференции в Нью-Йорке в 1997 г. к 100-летию Джекзуповской экспедиции [Ivanov-Unarov, Ivanova-Unarova Z., 2003], перевод монографии В. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» с английского на русский [Иохельсон, 2005], издание альбома-каталога «Сибирская коллекция Американского музея естественной истории» по проекту ЮНЕСКО «Циркумполярная культура в музеях мира: вчера, сегодня, завтра» с обстоятельной статьей В.Х. Иванова-Унарова [Иванов-Унаров, 2011, с. 16-23], отзывы в зарубежной прессе о значении перевода монографии Иохельсона [Balzer, 2005, p. 48] и о роли наследия сибирской коллекции в истории Арктики [Krupnik, 2015, p. 54–57] положили начало новому этапу исследования культур коренных народов мира.

Проект «Материальная и духовная культура народов Якутии XVII – нач. XX вв. в музеях мира», предложенный Председателем Государственного собрания Ил Тумэн А.Н. Жирковым, под эгидой Постоянного форума ООН по делам коренных народов, вошел в структуру уникального проекта Академии наук РС (Я) «История Якутии». Одновременно В. Иванов работал над переводом книги Г. Хэтта «Меховая одежда арктических народов Евразии и Америки», был инициатором международного проекта института «Циркумполярная культура: Памятники культуры народов Арктики и Севера», готовился к защите докторской диссертации по народному и декоративно-прикладному искусству эвенков, но планы остались не выполненными из-за скоростной кончины в 2000 г., Владимир Харлампьевич не увидел в печати большинство своих работ.

Эстафета, полученная от первых искусствоведов, продолжается. Наиболее исследуемой областью пластической культуры региона является народное декоративно-прикладное искусство. Междисциплинарный подход к поставленной перед собой проблеме позволил Р.С. Гаврильевой (1941–2003), С. И. Петровой, А.И. Саввинову выявить генезис и структуру одежды и украшений саха XVII–XIX вв. и необходимость возрождать традиции на современном этапе. Картину народного искусства дополнили исследования Т.П. Тишиной по проблемам якутского орнамента. Публикации И.В. Покатиловой отличает философско-культурологический анализ народного искусства Якутии, определенного как пластический фольклор. Внимание А.Г. Петровой и З.И. Ивановой-Унаровой сосредоточено на изучении декоративно-прикладного искусства и дизайна Арктики в современной художественно-проектной культуре. Коллектив искусствоведов Национального художественного музея республики ведет многогранную работу, включающую научное исследование коллекции музея и текущей художественной жизни, издательскую деятельность. Музеологи выступают как кураторы, организаторы научных конференций, тематических выставок, экспозиций, как пропагандисты и популяризаторы искусства. На регулярно проводимых выставках, приуроченных к знаменательным датам и к юбилеям художников, публикации и устные выступления искусствоведов и художников носят исключительно комплиментарный характер. Забыта традиция критических обсуждений, оценочных анализов выставок и новых произведений художников, проводимых в 1960-70-х гг. [Иванова, 2013]. Критика и теория отечественного искусствознания нового времени находится в кризисном состоянии, причину которого культурологи видят в отсутствии теории художественной культуры [Покатилова, 2013б.].

И.А. Потапов и В.Х. Иванов оставили в наследие научное исследование истории и теории якутского изобразительного и народного искусства 1920-х – начала 1990-х гг. Дальнейшая история искусства раскрывается в публикациях, выступлениях искусствоведов, вовлеченных в современный творческий процесс. Накоплен достаточный опыт для создания целостной

сводной истории изобразительного искусства народов Якутии – в этом видится первоочередная задача якутского искусствознания.

Литература

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: Железный век и эпоха Средневековья (История и культура Востока Азии). – Новосибирск: Изд-во Инст-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 94 с.

Грачева С.М. Российское академическое художественное образование в первой половине XX в.: Апология, традиции и проблемы современности // Вопросы образования. – 2009. – № 2. – С. 236–253.

Иванов В.Х. Якутская резьба по кости / Отв. ред. И. А. Потапов. – М.: Наука, 1979. – 111 с.

Иванов В.Х. Развитие жанров в якутской живописи / Отв. ред. И.А. Потапов. – Якутск: Кн. изд-во, 1984а. – 72 с. с. ил.

Иванов В.Х. Народное прикладное искусство Якутии: тенденции и проблемы // Проблемы народного прикладного искусства Якутии. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.Н. Осипов. – Якутск: изд. ЯФ СО АН СССР, 1984б. – С. 3–19.

Иванов В.Х. Пути развития якутской станковой графики (1950 – 1960-е гг.) // Творчество художников Советской Якутии. / Сб. науч. тр. СО АН СССР, ЯИ-ЯЛИ СО АН СССР. / Отв. ред. А.Н. Осипов. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – С. 22–47.

Иванов В.Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири: (По материалам традиционного декоративно-прикладного искусства) / Отв. ред. А.И. Саввинов. – Новосибирск: Наука, 2001. – 158 с.

Иванов-Унаров В.Х. Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории и ее значение в сохранении традиционной культуры Северо-Восточной Сибири / Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории: Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня и завтра / Нац. комитет Республики Саха (Якутия) по делам ЮНЕСКО / Отв. ред. У.А. Винокурова. – Якутск: Офсет, 2011. – С. 16–23. Рус, англ. яз.

Иванова-Унарова З.И. Якутское искусствознание: состояние, проблемы, перспективы // Мат. научной конф. «Музеи в культурном пространстве Евразии». Якутск: Реклам. агентство «Апрель», 2013. – С. 190–197.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-

Унаровой. Вступит. статья, комментарии Иванова В.Х. // Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 5. / Отв. ред. д.и.н. Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Покатилова И.В. Пластический фольклор в художественной культуре Якутии / Отв. ред. д.и.н. Е.Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2013а. – 184 с.

Покатилова И.В. Кризис искусствознания в период переходности: значимость научных изысканий И.А. Потапова / III Потаповские чтения 1 нояб. 2012: науч. конф., посвящ. 80-летию первого искусствоведа Якутии И.А. Потапова: докл., сообщ. / науч. ред. Г.Г. Неустроева. – Якутск: ООО «Саха Арт Пресс», 2013б. – С. 8–16.

Потапов И.А. Изобразительное искусство Советской Якутии. – Л.: Художник РСФСР, 1960 – 66 с.: ил.

Потапов И.А. Валериан Васильев. – Л.: Художник РСФСР. 1979. – 167 с.: ил.

Потапов И.А. Творческие проблемы художников Якутии (1945 – середина 1970-х гг.) / Отв. ред. В. Х. Иванов. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 172 с.

Потапов И.А. Афанасий Осипов. – М.: ООО «Da style». 1998. – 134 с.: ил.

Потапов И.А. Православная церковь и истоки якутской живописи / Наука и образование. – 2000. – № 2. – С. 44–48.

Потапов И.А. Афанасий Мунхалов = Afanasi Munhalov / И.А. Потапов, И.В. Покатилова. – Якутск: Бичик, 2006. – 104 с.: ил.

Романова Е.Н. Иннокентий Афанасьевич Потапов: размышления о судьбе традиционной культуры / I Потаповские чтения, 12 окт. 2007 г.: науч. конф.: доклады, сообщения / науч. ред. Г.Г. Неустроева. – Якутск: Реклам. агентство «Апрель», 2008. – С. 46–50.

Balzer M. Jochelson's the Yukaghir published in Russian // Newsletter of Arctic Studies Center. – 2005. – No 13 – P. 48.

Ivanov-Unarov V., Ivanova-Unarova Z. The Revitalization of the traditional Culture of Northeast Siberian peoples: the role of the Jesup Expedition / Constructing Cultures: Then and Now. Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition / L. Kendall and I. Krupnik, editors. – Washington D.C.: Arctic Studies Center-Smithsonian Institution. – 2003. Vol.4. – P. 336–347.

Krupnik I. “No Ours”: Objects Reveal Smithsonian link to the lost Delong expedition (1879-1881) // Newsletter of Arctic Studies Center, 2015. – No 22. – P. 54–57.

Repin's Art History School in Yakutsk

The article describes the creative path of the Yakut art historians, I.A. Potapov and V.Kh. Ivanov, graduates of the Repin school of art of the Institute of Fine Arts, Sculpture and Architecture, named after I.E. Repin. Innokentiy Potapov (1932 – 2005) was the first to lay the foundations of Yakut art history in the middle of the 20th century. In the book “Fine Arts of Soviet Yakutia”, published in 1960, the author traces the origins and the condition of the Yakut professional fine art. The beginning of acquaintance with Yakut art in historical terms has grown into a systematic comprehensive study of the history and theory of Yakut art, highlighted in 10 monographic works and a large number of articles that have become the basis for the development of fine and folk art of Yakutia. Fundamental works on folk art (“Artistic Woodcarving”), on the problems of the development of painting and graphics, monographs on the works of individual artists have compiled a vivid picture of contemporary Yakut art. Vladimir Ivanov (1937 – 2000) investigated the features of the genres of Yakut painting and the development of graphics of the 50-80s. In the field of folk art, he laid the theoretical foundations for the development of folk and professional decorative and applied arts; he traced the stages of origin, development and evolution of styles of Yakut bone carving art; innovations in the traditional art of the peoples of the Arctic that arose in the process of ethno-cultural contacts. He continued his work on the material culture of the peoples of Yakutia in the funds of the American Museum of Natural History, the results of which found practical expression in his scientific works. Of great value is the translation of Jochelson's monograph “The Yukagir and the Yukagirized Tungus”.

Keywords: art history, theory, history, criticism, artists, folk art, painting, graphics.

Т.Ю. Сем

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.005

УДК 398.348(571.6)

Вещный мир дальневосточного шаманства как отражение центральноазиатских связей*

Посвящена семантическому анализу дальневосточного шаманства на примере удэгейских сакральных вещей в свете центрально-азиатских связей. Источниками послужили этнографические коллекции Российского этнографического музея. В качестве методов были использованы сравнительно-исторический, типологический, иконографический и семантический. Выявлены дальневосточно-центрально азиатские аналогии в шаманизме. Это прежде всего образы духов-покровителей Манги и Боко, шаманских ипостасей духа плодородия Ерхий мергена или Егда, связанных с древнетюркским образом злого духа Бук и персонажа пантеона божества земли-воды Йер-су, а также монгольского стрелка в Орион Эрхий мергена. Ерхий мерген тунгусо-маньчжуров имел различные зооморфные ипостаси, в том числе красного волка или огненной собаки, сопоставимых с тюрко-монгольскими образами. Сложный образ шаманского духа-помощника Тэунки сопоставим с китайским Дао-Дэ и центрально-азиатским Тенгри. Тенгризм соотносится с культом неба тунгусо-маньчжуров Боа и культом солнца Тылга, Дылача, Долдан. Охотничьи шаманские идолы удэгейцев аналогичны изображениям на петроглифах

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00537 А.

Центральной Азии Карасукского периода. Результаты исследования характеризуют особенности дальневосточного шаманства на примере удэгейцев в свете центральноазиатских связей.

Ключевые слова: дальневосточный шаманизм, удэгейцы, вещный мир, центрально-азиатские связи, материалы Российского этнографического музея.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера является одним из главных центров изучения центрально азиатского шаманства и иных традиционных верований. Их анализу уделяли внимание ведущие специалисты-этнографы конца XIX – начала XXI вв. К категории шаманологов Якутии относятся Г.В. Ксенофонтов, Н.А. Алексеев, А.И. Гоголев, Е.Н. Романова, В.Е. Васильев и др. В 1992 г. в Якутске прошел международный конгресс по шаманизму: «Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиция», на котором были выдвинуты головные идеи по центральноазиатскому шамановедению. В последующих конференциях, проводимых институтом, эта тема всегда оставалась одной из фундаментальных проблем этнографии. Центральноазиатский шаманизм привлекал внимание многих отечественных исследователей-классиков из Санкт-Петербурга, Казани, Иркутска, Улан-Удэ и других центров (В.Ф. Трошанский, Д. Банзаров, Н.А. Виташевский, Н. Припузов, Н. Хангалов, В.Л. Серошевский, В.М. Ионов, В.Н. Васильев, И.А. Худяков и др.). Было отмечено, что главной особенностью центральноазиатского шаманства является культ неба – тенгрианство.

Проблема влияния центральноазиатского шаманства на дальневосточный шаманизм была поставлена в XX в. в трудах крупных исследователей шаманства – С.М. Широкогорова, М. Элиаде, Э.В. Шавкунова. С.М. Широкогоров отмечал, что тунгусский психо-ментальный комплекс сформировался на основе древних анимистических верований и подвергся влиянию центральноазиатского буддизма [Shirokogoroff, 1935, с. 269–271]. М. Элиаде считал, что на тунгусо-маньчжурский шаманизм повлияли индоевропейские и тюрко-монгольские верования [Eliade, 1974, с. 4–5, 237, 495–496]. Э.В. Шавкунов писал о древнетюркском влиянии на чжурчжэньский шаманизм и также на тунгусо-маньчжурский [Шавкунов, 1990, с. 187]. Поэтому изучение конкретного материала на эту тему является актуальной и малоизу-

ченной проблемой шамановедения. Ряд исследователей отмечали связи тенгрианства и культа неба тунгусо-маньчжуров [Пан, 2006, с. 69; Сем, 2015, с. 226].

Настоящая статья посвящена исследованию дальневосточного шаманства в свете центральноазиатских аналогий на примере сакральных вещей удэгейцев из коллекций Российского этнографического музея.

Вещи в культуре этноса занимают особое место. Они определяют смыслы культуры, наполняют пространство повседневности и сакральный мир особым символизмом, характеризующем само бытие человека в мире. Наполненность пространства раскрывает содержание процесса жизнедеятельности человека в той или иной культуре, что проявляется через вещный мир. В этом мире вещей складываются определенные символические связи, раскрывающие отношения между людьми и вещами по поводу разных вещей и мира духов, определяющих их место в культуре. Как отмечал А.К. Байбурин, сакральные вещи обладают особым повышенным семиотическим статусом [Байбурин, 1995, с. 82]. Добавим: они раскрывают сюжетную взаимоотношений в мире и ритуале космических сфер Вселенной, Центра Вселенной, границы культуры, своего и чужого, мужского и женского, тела и души человека, цветовой и числовой символики и прочего.

Шаманские атрибуты как особо значимые сакральные вещи отмечают ценностные смыслы сакральной культуры и раскрывают архетипическое значение символов культуры. В этом заключается их особо важная значимость в культуре. Шаманизм – явление древнее и яркое, характеризующее взаимоотношение человека и природы, Космоса. Через образ Всеобъемлющего Неба и света солнца и огня, символических образов животных и растений в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров шаманизм проявлял главные концепты культуры. Осознавая себя частью природы, связанной с ее жизненными началами в образе растений и животных, человек шаманской культуры в то же время находил-

ся в центре мироздания и очеловечивал окружающий мир. Эти представления нашли свое отражение в сакральных вещах.

Удэгейцы как малочисленный тунгусоязычный этнос юга Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. исповедовал шаманизм родового типа. Атрибуты удэгейских шаманов (амулеты, изображения шаманских духов болезни и лечебные и промысловые идолы, собственно шаманские изображения духов, изготавливаемые шаманами для себя) отличались богатством оформления, высоким символизмом изображений.

Проблемой изучения шаманской атрибутики дальневосточных этносов, в том числе удэгейцев, занимались многие ученые-сибиреведы. В книге «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири», написанной С.В. Ивановым в 1954 г., впервые публикуются отдельные сведения о шаманской атрибутике – некоторые предметы одежды с орнаментом, футляры для шаманских бубнов, украшенные символическими изображениями, рисунки ритуальных предметов [Иванов, 1954, с. 334–383]. В 1991 г. в книге «Духовная культура удэгейцев» В.В. Подмаскин кратко охарактеризовал одежду удэгейского шамана и некоторые атрибуты [Подмаскин, 1991, с. 41–42]. С.В. Березницкий провел первичную типологическую классификацию ритуальной скульптуры народов Амуро-Сахалинского региона [Березницкий, 2003а, с. 190–220]. В своей монографии он более детально рассмотрел отдельную атрибутику удэгейского шаманизма, наряду с другими народами Амуро-Сахалинского региона [Березницкий, 2003б]. А.Ф. Старцев проанализировал материалы В.К. Арсеньева по шаманизму удэгейцев, в том числе и по атрибутике [Старцев, 2017]. Несмотря на известное освещение темы, данная проблематика проанализирована недостаточно полно. Нет целостного анализа материала. Символика и семантика шаманских вещей удэгейцев осталась не рассмотренной.

Источниковедческой базой для написания настоящей статьи послужило обширное собрание шаманской атрибутики удэгейцев, хранящейся в Российском этнографическом музее. Среди собирателей коллекций по шаманизму удэгейцев такие известные ученые, как В.К. Арсеньев 1911 г. (РЭМ кол. 1870), Д.К. Соловьев 1910 г. (РЭМ кол. 1995), Б.А. Васильев, участник

Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. (МН 8761, 8762), Е.Р. Шнейдер 1931 г. (РЭМ кол. 5656), а также М.А. Каплан 1957 г. (РЭМ кол. 7003), Ю.А. Сем и Л.И. Сем 1965, 1975 гг. (РЭМ кол. 11430). Кроме того, источником материалов послужила коллекция рисунков предметов шаманского культа из фондов Хабаровского краевого музея, сделанная в 1931 г. (РЭМ кол. 4985, 4987). Шаманские вещи были привезены с территорий рр. Бикина, Имана, Хора, Кусуна Уссурийского края Дальнего Востока. Ценность этих коллекций состоит в том, что они в своей целостности составляют основу традиционного мировоззрения и ритуальной практики удэгейцев и не были ранее проанализированы. Это собрание шаманских вещей является репрезентативным материалом, позволяющим характеризовать шаманскую атрибутику удэгейцев во всем ее многообразии. В 2006 г. вышла книга-альбом Российского этнографического музея «На грани миров. Шаманизм народов Сибири» [2006], где были опубликованы иллюстрации отдельных предметов шаманства из фондов РЭМ с аннотациями, которые составляла к ним автор данной статьи Т.Ю. Сем.

Настоящая статья посвящена изучению символики и семантики шаманской атрибутики удэгейцев в свете центрально-азиатских аналогий на основе коллекционных собраний РЭМ, основная часть которых публикуется и анализируется впервые. Таким образом, вводится новый обширный материал по шаманской атрибутике удэгейцев, раскрывающий проблему с разных сторон. В работе использовано несколько методологических подходов анализа этнографической вещи системный (вещь в системе культуры), герменевтический (вещь как историко-этнографический текст) и семантический (отмечается смысловое значение символов и знаков вещи). Музееведческий подход в изучении вещи, и в особенности сакральной вещи, предполагает использование комплекса методов исследования: сравнительно-исторического, типологического (особый обобщенный вид классификации ритуальных предметов с общим основанием), иконографического (изучение изобразительного облика предмета), семантического (определение смыслового значения),

Среди шаманских идолов, изображающих шаманских духов-покровителей и помощников,

из собрания Российского этнографического музея у удэгейских шаманов выделяются пять главных типов идолов *сэвохи*, а также изображения лечебных и промысловых духов. К категории главных *сэвохи* относятся образ предка Манги, образ горбуна посредника Бохо, духа-покровителя Тэунки (в образе тигра), Сэвохи Мафа (в образе медведя) и ясновидящего помощника Севохи Егда (в образе птице-человека). В известной степени удэгейские шаманские идолы имеют определенную общность с шаманскими комплексами нанайцев и ульчей, а также орочей и негидальцев.

Фигура Манги (РЭМ кол. 6807-25) была привезена в музей собирателем Е.Р. Шнейдером. Предмет представляет собой изображение духа предка шамана, вырезанного из дерева в виде антропоморфной фигуры с круглой головой, слегка согнутыми руками и закругленными ладонями, обращенными друг к другу на уровне груди в вотивном жесте. Глаза идола из красных бусин – символ силы, брови, усы и борода из черной шкуры медведя как сильного покровителя и предка. Вся голова, кроме лица, окрашена в черный цвет, что также связано с хтонической ролью образа и связью с категорией медведя-предка. На ногах, ниже колен, вырезаны антропоморфные личины по одной на каждом колене, символ сакральной силы шамана. Манги одет в распашной халат из цветной х/б ткани и узкий длинный нагрудник трапециевидной формы из ровдуги с подвесками цветных лоскутков. Одежда типично тунгусского покроя, сохранившая древнюю символику. На нагруднике нарисованы цветными красками два дракона, две ящерицы и горбун карлик Бохо в центре. Эти образы связаны с шаманской силой и ясновидением. На спине фигуры предка накладка из шкуры лося, закрепленная на талии замшевым пояском, окрашенным в красный и черный цвет. Это свидетельствует о том, что Манги мог иметь звериный облик не только медведя, но и лося как главных символов тунгусской культуры, связанных с космосом. Идолу ранее, судя по фото, также принадлежал головной убор из ткани с железной короной в основании и бахромой из цветных лоскутков ткани. На поясе идола надет кожаный круглый обруч с подвесками в виде конических труб из жести – имитация шаманского пояса с подвесками. Таким образом, фигу-

ра предка шамана Манги имела человеческий облик и в то же время могла принимать звериные черты (медведя и лося).

Интересно, что подобная символика шаманского духа-покровителя Манги у разных тунгусо-маньчжурских народов имела ассоциативную связь с тигром или медведем, например, у негидальцев. Но у них фигурка идола изображалась в виде условной зооморфной фигуры без рук и ног со штырями на голове, символами рогов оленя. Таким образом, рогатый тигр или медведь являлся одним из двух главных покровителей шамана. Этот образ известен также в ритуальной пластике древнего Китая эпохи Шань-Инь и древней Кореи [Никитина, 2001, с. 220, 229–240]. На шаманском бубне негидальцев и по представлениям карты неба орочей на лунной поверхности различались две половины – медведя и тигра как сильных покровителей шамана, отвечающих один за души зверей, второй за души людей [Иванов, 1954, с. 213].

В руках предок шамана удэгейцев Манги держал особый предмет силы (РЭМ кол. 6807-18), вырезанный из дерева в виде двух животных – дракона и тигра, в пасти которых также виднеются аналогичные животные, раскрашенные в зеленый и красный цвет. К фигуре тигра привязаны цветные лоскутки ткани синего, красного, черного и белого цвета – символы двух миров – мира людей и мира духов и предков. Подобные образы были широко распространены в китайских представлениях. Дракон у них был связан с мужским началом, тигрица – с женским и соответственно с разными сезонами года – зимним и летним, что затрагивало главные представления о верхе и низе мироздания, тепле и холоде, мужском и женском начале природы, сочетании Инь и Ян.

Предок шамана Манги также имел помощника – тигра Тэунки, который считался символом его животного духа-двойника, что согласуется с материалами по шаманству негидальцев и орочей, приведенными выше. Согласно данным собирателя, шаман хранил изображение предка и его других сопутствующих предметов в специальном свайном домике на священном месте рядом с селением, что было запечатлено на фото (РЭМ фотокол. 5654-206а). Важно отметить, что предка шамана Манги также рисовали на шаманской одежде с саблями или змеями в обоих

руках, что свидетельствовало о его принадлежности к божеству громовержцу [На грани миров, 2006, с. 183, 185].

Другим главным шаманским духом-покровителем удэгейцев являлся горбун Бохо или Бохосо, Бодо. Его изображение вырезали из дерева в виде идола либо рисовали на шаманской одежде. Деревянная фигура Бохосо представлялась в виде профильной одноногой и однорукой с горбом за спиной антропоморфной скульптурой, руки его были сложены на уровне груди в вотивном жесте (РЭМ кол. 11430-3). Этот идол относился ко второй половине XX в. и принадлежал Большой удэгейской шаманке из с. Красный Яр на р. Бикин Екатерины Сю, и был приобретен собирателями Ю.А. Семом и Л.И. Сем. Бохосо, судя по ритуальной практике, считался проводником в нижний мир и использовался во время ритуала Больших поминок. Аналогичный идол Бохо был привезен Е.Р. Шнейдером в 1931 г. от удэгейцев Некрасовского района Хабаровского края (РЭМ кол. 5656-164 аб), и он устанавливался на высокий шест из лиственницы, рядом с изображением птицы Коори (5656-165). Все сооружение находилось у зимника умершего шамана.

Изображение Бохо, Бохосо рисовали на шаманской одежде в разных видах. Практически всегда это было профильное изображение горбуна на одной ноге с одной рукой, на голове которого имелась птица-кукушка – символ ясновидения и красноречия, а вдоль спины иногда изображалась змея, ползущая вверх от крестца к голове, – символ инициации и перехода в измененное состояние сознания. На одном рисунке Бохо изображен верхом на драконе, сзади которого сидит кукушка. Нередко оба символа птицы и змея были изображены на одной фигуре Бохосо, что означало способность общения и видения в мире духов. В руках Бохосо часто держит круг с перекрестьем – символ бубна, дающий способность переноситься в пространстве космоса. В нанайском и ороческом шаманизме также имеется образ горбуна Боко, Бучу, Боучо с крыльями птицы и кривой одной ногой в образе змеи, обтянутого шкурой изюбря или косули. Он таким образом символизировал не только птице-змея, но и парнокопытное животное, что в мифологии связывало его с духом огненного подземного ветра и хозяина стихий. Он

был способен перемещаться в пространстве трех миров, являлся проводником шамана по мирам, поэтому часто использовался в ритуалах Больших поминок.

В Тунгусской экспедиции 1927–28 гг. на Амур и в Приморье Б.А. Васильев собрал у орочей изображения главных духов-покровителей шамана орочей Боучо и Манги, изображения которых представляли собой деревянные цилиндрические цветные фигурки с выделенными головами: Бучу с остроконечной головой и Манги с прямоугольной (РЭМ кол. 8761-9763, 9764).

Образ шаманского покровителя тунгусо-маньчжурского шаманства удэгейцев и орочей Боко, Бучу имеет аналогии с названием злого духа тюркских народов Бук [Шавкунов, 1990, с. 165].

Севохи Егда (РЭМ кол. 1870-46) был привезен собирателем В.К. Арсеньевым от уссурийских удэгейцев. Он представлял собой идола в образе птице-человека. Антропоморфная фигура с головой и крыльями птицы филина имела человеческий торс и конечности лося. Согласно описи, идол считался духом ясновидения, покровителем шамана в приобретении видения духов иного мира. Конечности лося свидетельствовали о зооморфной сущности птице-человека, способного быстро переноситься в пространстве космоса.

Все три персонажа шаманской мифологии – Манги, Бохосо и Егда являлись ипостасями шаманского божества неба, хозяина плодородия и погоды, леса, известного у нанайцев под именем Ерха мерген, у ульчей – Мерген, у орочей – Егда, как и у удэгейцев. Он являлся шаманским духом-покровителем, мужем или сыном богини хозяйки дерева жизни. Этот персонаж может быть сопоставлен с монгольским Ерхий мергеном и древнетюркским божеством земли-воды Йер-су.

Кроме этих трех персонажей, фактически относящихся к одному божеству в составе главных шаманских духов-помощников, удэгейского шамана были хищные животные или всадники на них – медведь, тигр, барс и волк, так же, как и у нанайцев и орочей. Среди них Тэунки и Мафа Сэвохи.

Тэунки – изображение духа-покровителя шамана высшего посвящения в образе тигра. Это изображение было привезено собирателем В.К. Арсеньевым в 1910 г. от удэгейцев (РЭМ

кол. 1870-47). Деревянная фигура тигра была разрисована черными поперечными полосами, имитирующими шкуру тигра. На голове между ушами была вырезана зооморфная голова – символ хозяина двойника тигра и шамана. Глаза тигра и зооморфной головы выполнены из синих бусин, в пасти тигра – язык из красной ткани. По бокам изображения вырезаны диски с отверстием в центре, окрашенные в черный цвет – знаки шаманских зеркал, отражающих стрелы злых духов, считалось что они защищали жизнь самого шамана через его животного двойника. Вдоль хребта тигра имелось изображение двух змей – символов шаманской магической силы и его пути. Тигр Тэунки как зооморфный двойник шамана был связан с его душой и духовной жизнью, оберегал шамана. Он являлся проводником шамана по мирам вселенной и был способен мгновенно переносить его в любую точку вселенной [На грани миров, 2006, с. 184]. В Тэунки заключалась особая магическая сила шамана. Согласно архивным записям и иллюстрации В.К. Арсеньева, красной нитью он был связан с пупом шамана, а серебряная нить тянулась от головы темени шамана к птице – его душе, связывающей его с верховным божеством [Сем, 2015, с. 378]. Считалось, если Тэунки жив, то и шаман не может погибнуть. Цветовая символика Тэунки была многозначной. Тигр считался символом огня, энергии, был связан с жизнью и смертью, переходом между мирами. В верованиях нанайцев тигр был связан с созвездием, которое называлось тигровое око. Оно считалось шаманским символом силы. Огненный тигр являлся шаманским духом-покровителем. У нанайцев персонаж шаманского духа-покровителя Ерха мерген – бог плодородия, растительности и погоды – изображался верхом на разных хищных зверях, в том числе чаще всего на тигре, что было запечатлено в орнаменте и на бронзовой подвеске в виде антропоморфной головы божества с хищной тигровой пастью.

Персонаж удэгейского шаманизма тигр Тэунки – сложный образ: с одной стороны, он может быть сопоставлен с китайским и тибетским понятием пути Дао-Дэ, с другой – с центрально-азиатским понятием неба Тенгри. Отметим, что тенгрианство имеет аналогии в культе неба Боа и солнца Дылга, Долдан, Дылача тунгусо-маньчжуров [Сем, 2015, с. 226].

Образ тигра в удэгейском шаманизме был связан не только с небом, но и землей как охотничий дух и подземельем. В представлениях удэгейцев тигр считался охранителем хода в нижний мир, и в фольклоре герой Мерген, когда шел туда, то видел сначала огонь, затем тигра. Наряду с описанным идолом среди рисунков из коллекции Е.Р. Шнейдера копий из собрания идолов Хабаровского музея имеется изображение шаманского идола Дым Яго Тэенку (РЭМ кол. 4985-4, Хабаровский Музей № 2382) в виде крылатого зооморфного идола с зеркалом с фигурой дракона на спине и головой бога моря модули, с двумя небольшими змеями на щеках, на хвосте – человеческая голова. Идол был вырезан из дерева, а когти на ногах сделаны из жести. Раскрашен тигр полосами красного и черного цвета и кружочками с точками в центре, что одновременно изображало шкуру тигра и барса. Считалось, что тигр может летать, как птица, и плавать, как рыба. Яга – самый странный тигр, как сообщал собиратель, единственный на небе и земле. Сделан для шамана по его указанию. Дух тигра вмещается в шамана при камлании. Опишем еще один рисунок идола из коллекции Хабаровского музея в виде всадника на хищном звере Яга (РЭМ кол. 4985-4). В описи он назван тигром, но раскрашен, как барс, а голова волка. На согнутой фигуре молодца Мергена изображены ящерицы и змеи, на теле волка также изображены змеи, придающие образу шаманскую магическую силу и способность к перемещению в мире духов. Персонаж Ерхий мерген у нанайцев также имел зооморфные ипостаси, в том числе часто назывался собака мерген, красный волк мерген, что связывает его с тюрко-монгольскими верованиями [Сем, 2015, с. 352].

Считалось, что каждое пресмыкающееся в руках мергена Ерга превращается в стрелу, бьющую без промаха. Это дух, которому служит шаман и который помогает шаману. Идол был сделан специально для шамана по его указанию. Всадник на волке – типичное изображение первопредка шаманского духа-покровителя, бога плодородия Ерха мергена у нанайцев. Очевидно, этот же образ был характерен и для удэгейцев.

В числе главных духов-помощников шамана удэгейцев, как и всех амурских тунгусо-маньчжуров, были идолы группы тигра и группы

медведя. В коллекции В.К. Арсеньева, привезенной из Уссурийского края в 1910 г., имелись два шаманских идола, изображающих тигров. Первая фигура тигра (РЭМ кол. 6807-16) была обернута в шкуру колонка. Открытая часть головы и тело из дерева окрашены полосами красного и черного цвета, имитирующими шкуру зверя. К спине прикреплено железное кольцо и шнур, за который шаман держал идола и совершал движения назад и вперед во время ритуала. Такой идол был сделан специально для шамана. Второй шаманский идол из этой коллекции (РЭМ кол. 6807-17) в виде тигра был раскрашен красной, черной и белой краской полосами, также имитирующей шкуру зверя. На голове между ушами изображена голова духа-помощника. Глаза сделаны из темно-бордовых бусин, во рту красной тряпкой обозначен язык. Вдоль спинки имеется 4 фигуры змей, на боках изображены круги черного цвета, имитирующие бронзовые зеркала толи. Около шеи изображены лягушки черного цвета с белыми точками – символ жизненности и шаманской силы и рядом ящерицы черного цвета – символ передвижения по мирам. Этот идол имел сходство с Тэунки, описанным выше и, вероятно, представлял его копию с аналогичной символикой.

Наряду с образом тигра, пантеры, волка у удэгейцев важное значение имел, как описывалось выше, образ медведя. Он считался одним из главных духов-помощников шамана. Судя по коллекции В.К. Арсеньева, Севохи мафа – медведь был сделан из дерева в виде крупной фигуры зверя, морда и лапы окрашены в черный цвет, тело оклеено черной медвежьей шкурой. Этот идол был привезен из с. Мухтуха на р. Самарге (РЭМ кол. 1870-45).

Еще один идол, изображающий шаманских духов-помощников из коллекции Хабаровского музея № 5373, зарисованный Е.Р. Шнейдером и хранящийся в РЭМ в кол. № 4985-3, изображал деревянную фигуру орла на шесте, устанавливаемую у дома шамана или на мольбище. Верхом на орле изображены четыре скульптурные изображения шаманских духов-помощников духа Ды-ни – это идол горбун, одноногий с медвежьей головой и три антропоморфных идола, два с головными уборами китайского типа в виде плетеных шапок с помпоном и без, и четвертый идол – антропоморфная фигура с личи-

ной помощника на груди. Вероятно, фигура горбуна с медвежьей головой вмещает в себя два образа главных духов-покровителей шамана – Манги в образе медведя и горбуна Бучу в образе птице-змея.

Известно, согласно описи, что орел изображал черта Окво и потому всегда укреплялся на священное дерево головой к востоку. Раньше птица делалась из железа. Она может быть сопоставлена с железной птицей Коори нанайцев и ульчей.

Образ орла в шаманизме бурят и якутов выполнял важную роль: он считался духом-покровителем шаманов, который на дереве воспитывал души будущих шаманов [Ксенофонтов, 1992, с. 41–42, 52, 60–62, 91–92].

Промысловые шаманские идола удэгейцев делятся на два вида: антропоморфные в образе охотника с атрибутами и зооморфные в образе тигра или всадника на тигре. Наибольший интерес представляют антропоморфные охотничьи идола удэгейцев с охотничьими атрибутами. Их в коллекции В.К. Арсеньева два. (РЭМ кол. 1870–55, 56). Первая фигура изображает духа-покровителя охоты Сэвохи дялипанку, приобретен в 1910 г. в с. Тормасун на р. Анюй (РЭМ кол. 1870–55). Идол вырезан из дерева в виде одноногой горбатой фигуры человека с крыльями птицы, руки сложены на груди в вотивной позе. Лицо и вся фигура выкрашены в красный цвет, что связывает образ с солнцем. Лицо плоское с прямым длинным носом, глаза из синих бусин – символ принадлежности к небесным духам. На голову и спину накинута шкура изюбря. Живот и грудь покрыты ровдужным нагрудником, украшенным черной полосой ткани внизу, разделенной строчкой белым оленьим волосом на три продольные полосы – символ трех миров вселенной. На ровдуге имеется рисунок ящерицы. Сзади к спине подвешены охотничьи принадлежности: лук со стрелой, ремень, нож и кувалда. Судя по иконографии, этот идол связан с образом духа-покровителя шамана горбуном Боко, но по типу похож на аналогичный образ нанайского и ороцкого Бучу, который также горбун, крылатый и одноногий (нога в образе извивающейся змеи), отсюда образ птице-змея, и покрыт шкурой изюбря. Одновременно как образ охотника-стрелка он имеет прямое отношение к изображению мифического первопред-

ка, культурного героя, божества плодородия Егда, сопоставляемого с нанайским Ерге мергеном. Известно, что он мог обращаться в разных животных, в том числе в тигра, дракона и изюбря, оленя. Согласно легенде, спасая человечество от гибели, он выстрелил в два лишних из трех солнц, одновременно взошедших однажды во времена первотворения над землей. Фотография этого предмета опубликована в альбоме РЭМ «На грани миров. Шаманизм народов Сибири» [На грани миров, 2006, с. 45].

Второй антропоморфный охотничий идол аналогичного типа, но оформлен в более полихромных тонах коричневого цвета (РЭМ кол. 1870-56). Этот идол был привезен В.К. Арсеньевым из с. Юлу на р. Хунгари, он называется Сэвохи дакппанку. Это идол для удачной охоты в виде фигуры одноногого крылатого человечка с руками, сложенными на груди в вотивном жесте. На спинке и голове прикреплена шкура лося, на голове имеется деревянная кукушка коку. Спереди на груди и животе передник из ровдуги, сшитой из шкуры лося. За спиной привязаны две связки ремней. Как видим, второй охотничий идол отличается цветовым оформлением и наличием кукушки на голове. Вспомним рисунки Боко на шаманской одежде. Горбун имел птицу на голове и змею вдоль спины.

Интересно сравнить две охотничьи скульптуры орочей аналогичного типа, но оформленных сложнее. Идол Сэвохи (РЭМ кол. 1870-111) представляет собой антропоморфную деревянную фигуру безрукого человечка на согнутых ногах. Голова и ноги окрашены в черный цвет, что придает образу хтонический характер. Но глаза из голубых бусинок, что связано с небесной сферой. На голове имеется черный мех медведя, духа леса и земли, на спине рыжий мех косули, символ огненной ипостаси. Вместо рук к плечам прикреплены две фигуры тигра с птицей на спине. На коленях идола резные изображения тигровых морд-духов помощников. На животе имеется два выреза, закрытых деревяшками, над которыми видны верхняя часть двух железных человечков (изображение головы и рук, поднятых вверх), сверху все фигурки закрыты кожаным нагрудником. По бокам имеется два выреза, в которых помещены изображения человечков без рук, а на спине тоже два вы-

реза, в которые вставлены медные изображения ящериц — символ быстрого передвижения. К Сэвохи за спиной привязаны ремень, нож, палица и медное изображение фантастического животного. К шее спереди прикреплены за ремень лук и стрела. К Сэвохи также относится маленькая фигурка тигра с птицей на спине и отдельно стоящая птица, располагающиеся по бокам от идола как его духи-помощники. Как видим, при общем схожем оформлении фигуры отличаются большим количеством всевозможных мелких предметов, изображающих духов-помощников.

В коллекции Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг., привезенной от орочей Б.А. Куфтиным и Б.А. Васильевым, имеется охотничий идол в виде антропоморфной фигуры с головой зверька, руки сложены в вотивном жесте, морда и тело окрашены в черный цвет (РЭМ кол. 8761-18455). На голову и туловище накинута шкурка колонка рыжего цвета, причем на голове расположена мордочка с глазницами и с носом зверька. Известно, что в носу животных содержится их душа. То есть данный идол охоты был одухотворен. В руках идола находился свернутый в несколько раз ремень охотника. Очевидно, что данный идол относился к категории Сэвохи и использовался для удачной охоты на пушного зверя.

Согласно архивным материалам В.К. Арсеньева, у удэгейцев имелось три разновидности промысловых духов и идолов группы Сэвохи, которые изготавливались по совету шамана: Сэвохи Ниенку, Сэвохи Гахали и Сэвохи Кусальянку. Сэвохи Ниенку изображали в виде антропоморфной фигуры в одежде из медвежьей шкуры, иногда с медвежьей головой и лапами. В руках он держал трехзубое копье. На спине его висело 7 змей-помощников, на груди — две ящерицы. Он имел атрибуты охотника — копье, ремень, нож, молоток, в руках стрелы. Как сообщает В.К. Арсеньев, обычно такие изображения держали на стене юрты. Сэвохи Ниенку делал шаман, и он использовался только для охоты. Его посылали вперед, чтобы он прогнал черта и послал к охотнику зверя. Перед его изображением камлали, просили пригнать зверя с какой-нибудь отметиной и кормили идола кровью, сердцем, салом, кончиком носа, ухом убитого зверя [Арсеньев В.К. Архив ОИАК

(ПФРГО) ф. 1, оп. 11, д. 27, с. 435, 737–738; д. 28, с. 1164; Сем, 2015, с. 489].

Среди идолов Севохи Ниенку для удачной охоты удэгейцев имеется очень интересный экземпляр, привезенный Д.К. Соловьевым в 1910 г. из д. Вахумбе на р. Иман (РЭМ кол. 1995-1). Он представлен антропоморфной фигурой охотника, голова и туловище которого обклеены медвежьей шкурой, а на голову надета конусовидная шапочка с широкими полями черного цвета и символическими фигурами животных – по бокам две змеи, в центре лягушка с двумя стрелами по бокам и спереди два паука, сделанные из ровдуги в виде объемных фигур. Лягушка придавала жизнь идолу, два паука были связаны с поисками в паутину зверей, змеи переносили идола в пространстве. Отметим, что данная фигура идола отличалась от предыдущих наличием конусовидной шапки с символическими помощниками. В дальнейшем мы вернемся к данному головному убору на голове охотничьего идола.

Согласно нашим полевым материалам экспедиции РГПУ им А.И. Герцена 1991 г., в музее школы п. Гвасюги у хорских удэгейцев хранятся коллекции идолов, принадлежащих Большому шаману Миону Кимонко и его отцу. Среди них пять антропоморфных шаманских идолов: остроголовый типа Боко, и четыре Сэвохи – охотничьих идола. Один из них наиболее крупного размера – примерно в два раза выше остальных (80 см высотой) с конической шляпой на голове, в шкуре медведя на теле, накинутой в виде покрывала или кафтана и нагрудника, руки сложены в вотивном жесте. На коленях вырезаны антропоморфные личины духов-помощников. Второй идол обернут в шкуру медведя и держит в руке копье. Третий идол обернут в шкуру изюбря, ноги в коленях состоят из двух частей, низ прикреплен за звено цепи к бедрам. Четвертый идол Сэвохи, собственно шаманский, одет в медвежью шкуру, на голове ровдужная шапочка с бахромой, руки в вотивной позе на груди. Фото идолов опубликовано в книге Т.Ю. Сем «Картина мира тунгусов: пантеон» [Сем, 2015, с. 48]. Можно предположить, что идолы в медвежьей шкуре относятся к категории Севохи Ниенку, которые использовались на охоте, но изготовлялись по велению шамана.

Рассмотренная категория охотничьих идолов, изображающих духов-помощников шама-

нов удэгейцев и орочей, удивительным образом схожа с рисунками на петроглифах Центральной Азии Карасукского периода II тыс. до н.э. Это изображения стрелков и охотников с атрибутами: с чеканом за поясом, с луком и стрелами, кувалдой, в широкополых грибовидных шляпах [Новгородова, 1989, с. 167–168]. Некоторые исследователи связывают эти изображения воинов и охотников с шаманскими духами-покровителями [Дэвлет, 2009, с. 139–150], что подтверждается удэгейским материалом.

Таким образом, исследованная шаманская атрибутика удэгейцев из коллекций РЭМ характеризует особенности дальневосточного шаманства и его связи с центральноазиатскими верованиями. Это нашло проявление в представлении о духах-покровителях шамана в лице духа Боко, Бохосо, Бучу и его ипостаси в верховном пантеоне в виде божества плодородия Ерхий мергена или Егда. Этот персонаж имеет связь с древнетюркским названием злого духа Бук и божеством земли-воды Йер-су, а также монгольским мифологическим персонажем Ерхий мергеном, стрелком в Орион. Образ духа-помощника Тэунки был связан с образом китайского и тибетского пути Дао-Дэ и одновременно с образом центральноазиатского Тенгри верховного бога неба. В свою очередь центральноазиатское тенгрианство сопоставимо с культом неба Боа и солнца Тылга тунгусо-маньчжурских народов. Изображения охотничьих шаманских идолов удэгейцев и орочей аналогичны изображениям стрелков воинов, интерпретируемых исследователями как шаманских духов на петроглифах Центральной Азии. Опыт сопоставления шаманской атрибутики дальневосточных этносов, в том числе удэгейцев, позволяет сделать вывод о центральноазиатском влиянии на тунгусо-маньчжурский шаманизм.

Литература

Арсеньев В.К. Путевой дневник 1914–1927 // Архив ОИАК (ПФ РГО). Ф. 1. Оп. 11. Д. 27. Д. 28.

Байбурун А.К. Семантический статус вещей и мифология // К у н с т а м е р а М А Э им. Петра Великого РАН. Избранные статьи. – СПб.: Европейский дом, 1995. – С. 80–93.

Березницкий С.В. Классификация культурной атрибутики коренных народов Дальнего Востока // Типология культуры коренных народов Дальнего

Востока России (материалы к историко-этнографическому атласу): Сб. науч. тр. – Владивосток: Дальнаука, 2003а. – С. 190–220.

Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. – Владивосток: Дальнаука, 2003б. – 486 с.

Дэвлет М.А. Об изображении человечков в грибовидных головных уборах в наскальном искусстве Центральной Азии // Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах. 1. – М., 2009. – С. 139–150

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв. // ТИЭ, н.с., т. 81. – М.–Л.: АН СССР, 1954. – 838 с.

Ксенофонов Г.В. Шаманизм. Избранные труды. (Публикации 1928–1929 гг.). – Якутск: Творческо-производственная фирма «Север-Юг», 1992. – 318 с.

На грани миров. Шаманизм народов Сибири (Из собрания Российского этнографического музея. СПб.). – М.: Художник и книга, 2006. – 296 с.

Никитина М.И. Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 682 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 382 с.

Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 228 с.

Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX–XX вв. Историко-этнографические очерки. – Владивосток: ДВГУ, 1991. – 160 с.

Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические связи. – СПб.: Филфак СПбГУ, 2015. – 640 с.

Старцев А.Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. – Владивосток: Дальнаука, 2017. – 232 с.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

Шимкевич П.П. Материалы по изучению шаманства гольдов // Зап. ПО ИРГО. Т.2. Вып. 1. – Хабаровск, 1896. – 133 с.

Eliade M. Shamanism: Archaic techniques of ecstasy. – Princeton: Princeton University Press, 1974. – 610 p.

Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the tungus. – Peking: Catholic University Press, 1935. – 469 p.

T.Yu. Sem

The Things World of Far Eastern Shamanism as a Reflection of the Central Asian Relations

The article is devoted to the semantic analysis of Far Eastern shamanism on the example of Udege sacred things in the light of Central Asian relations. The sources are the ethnographic collections of the Russian Ethnographic Museum. Comparative-historical, typological, iconographic, and semantic methods were used. As a result of the research, Far Eastern – Central Asian analogies in shamanism were identified. These are primarily images of the patron spirits of Manga and Boko, shamanic hypostases of the fertility spirit Erhiy Mergen or Egda, associated with the ancient Turkic image of the evil spirit Buk and the Pantheon character of the earth-water deity Yer-su, as well as the Mongolian arrow in the Orion Erhiy Mergen. The Erhiy Mergen of the Tungus-Manchus had various zoomorphic hypostases, including a red wolf or a fire dog, comparable to the Turkic-Mongol images. A complex image of the shaman's spirit-helper Teunki comparable to the Chinese Dao-De and Central Asian Tengri. Tengrizm correlates with the cult of the sky Tungus-Manchu Boa and the cult of the sun Tylga, Dylacha, Doldan. Hunting shaman idols of the Udege people are similar to images on petroglyphs of Central Asia of the Karasuk period. The conclusions given in this article characterize the features of Far Eastern shamanism on the example of the Udege people in the light of Central Asian relations.

Keywords: Far Eastern shamanism, Udege people, material world, Central Asian relations, materials of the Russian Ethnographic Museum.

Ольхон в XXI веке: традиции и инновации в системе жизнеобеспечения населения*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия, zhambalovas@yandex.ru

Исследуется актуальная проблема жизнеобеспечения населения Ольхона, расположенного на Участке всемирного природного наследия «Озеро Байкал», где хозяйственная деятельность строго регламентирована. После развала социалистической экономики в постсоветское время население Ольхона реанимировало традиционные и нашло новые формы жизнеобеспечения. В XXI в. здесь выявляются два этапа развития социума. Первый носит стабильный характер: появляется электроснабжение, увеличивается транспортная сеть, развивается инновационный для региона туристический бизнес, осуществляемый также жителями Ольхона. Ольхонские буряты развивают традиционное скотоводческое хозяйство, занимаются добычей и продажей омуля. Традиции и инновации гармонично дополняют друг друга. На втором этапе происходит расширение турбизнеса, олхонские жители не могут конкурировать с инвесторами. Появляется запрет на добычу омуля, а охота на нерпу была запрещена ранее. Решение 2017 г. о включении поселений в зону Прибайкальского национального парка затрудняет нормальное жизнеобеспечение. Конец второго десятилетия XXI в. носит неустойчивый характер из-за ужесточения природоохранных мероприятий, приобретающих угрожающий для выживания населения характер.

Ключевые слова: Ольхон, Байкал, всемирное наследие, природоохранная зона, олхонские буряты, жизнеобеспечение, традиции, инновации, туризм.

Цель данной статьи – исследовать, базируясь на полевых наблюдениях, литературных материалах и электронных ресурсах, традиции и инновации в системе жизнеобеспечения населения Ольхонского района Иркутской области в XXI в.

Этнографическое исследование профанного и сакрального миров олхонских бурят, проведенное на базе обширного круга источников, охватывает XIX – XX вв. [Жамбалова 2000]. В результате изучения выявлено, что XIX в. явился периодом глубоких и сложных процессов в демографическом, этносоциальном и этнокультурном векторах развития этноса, заложенных в XVII и XVIII вв. и ускоренных государственной политикой Российской империи и непосредственным взаимодействием с русской культурой. Основой жизнеобеспечения олхон-

ских бурят в то время было полукочевое скотоводство, рыбный и нерпичий промыслы на Байкале, охота. В XX в. буряты, как и основная часть сельского населения СССР, были заняты в сельском хозяйстве и зарабатывали на проживание работой в колхозах и совхозах и на предприятиях. Несмотря на то, что буряты, вовлеченные, как все народы, в модернизационные процессы глобального мира, сохраняли устойчивое развитие и этническое своеобразие, всплеск процессов этнического возрождения конца XX в. заметно повысил уровень их этнической самоидентификации. Тем не менее к концу XX в. они подошли с проблемами консолидации народа и возрождения национального языка и культуры [Жамбалова, 2000, с. 302–303]. С тех пор, как опубликована цитируемая монография, ми-

*Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации АААА-А17-117021310269-9).

новало 20 лет, за это время значительно стабилизировалась жизнь российского народа, вполне адаптировавшегося после сложного переходного периода от социализма к новым рыночным отношениям. В связи с вышесказанным исследование современных инновационных систем жизнеобеспечения населения Ольхонского района Иркутской области РФ в XXI в., определение степени влияния традиционной культуры на повседневные практики населения весьма актуально.

Ольхон и ольхонские буряты в силу некоторой исключительности, обусловленной изолированным и частично островным положением, постоянно привлекали внимание исследователей XIX – XX вв. М.Н. Хангалов в начале XX в. собрал уникальный полевой материал. С.П. Балдаев после окончания Иркутской учительской семинарии с 1913 по 1916 гг. работал учителем в Приольхонье и осуществлял сбор материалов. Также он проводил здесь исследования, будучи научным работником, часть его изысканий представлена в опубликованных работах, а другая хранится в ЦВРК ИМБТ СО РАН [Жамбалова, 2000, с. 37]. Выдающийся этнограф Г.В. Ксенофонтов, возможно, проводил исследования на Ольхоне. Прямых указаний на это пока не выявлено, но известно, что в 1922 г. он работал в Аларском районе Иркутской обл. [Дьячкова, 2020, с. 38]. В 1926 г. он изучал шаманство в Эхирит-Булагатском районе. В предисловии к рукописи «Материалы по шаманскому культу у северо-байкальских бурят (эхирит-булагатов). Бурятские тексты», хранящейся в Архиве ИГИ-иПМНС СО РАН, он пишет следующее: «Провел около двух недель, разъезжая вместе с шаманом Михаилом Степановым ...» [Жамбалова, 2012, с. 59].

Историографический обзор работ об Ольхоне и ольхонских бурятах XIX – XX вв. представлен в книге об ольхонских бурятах [Жамбалова, 2000]. Здесь достаточно упомянуть некоторые из них. Древней культуре Ольхона и Приольхонья, насыщенных богатыми археологическими памятниками, посвящена монография А.К. Конопацкого, отмечающего, что Байкал и реки Ангара, Селенга, Баргузин, Лена были удобны для жизни человека и долгое время являлись транспортными магистралями между Северной и Центральной Азией, благодаря чему в Прибай-

калье появились тюркоязычные курыканы, предки якутского и бурятского народов, состоялась «миграция предков якутского народа вниз по Лене на обширные пространства нынешней Якутии и т.д.». Ольхон и Приольхонье занимали ключевое положение, обеспечивающее связь ближайших территорий (верховий Лены, низовий Баргузина и Селенги, долины Ангары) [Конопацкий, 1982, с. 4].

П.Е. Кулаков неоднократно подчеркивает уникальность ольхонского края, обусловленную географическим положением и определенной изолированностью. Он приводит статистические данные и интересные наблюдения о скотоводческо-промысловой форме хозяйства бурят Ольхона [Кулаков, 1898]. Н.П. Левин в 1897 г. опубликовал статью о рыбном и зверобойном промыслах ольхонских бурят [Левин, 1897]. П.П. Хороших считал, что Ольхон «является одним из мест, еще мало тронутых современной культурой и еще сохранившим многие образы глубокой бурятской старины» [Хороших, 1926, с. 3].

К.Д. Басаева, характеризуя ольхонских бурят, отмечает, что природные условия их расселения «обуславливали консервацию архаических форм хозяйства, культуры и быта». Также она объективно считает, что «ольхонские буряты испытали гораздо меньшее влияние русской культуры, чем аларские» [Басаева, 1974, с. 5]. Д.С. Дугаров одну главу монографии посвятил Ердынским игрищам, проводимым в Приольхонье в устье р. Анги в 2 км от ее впадения в Байкал. Ердынские игры, по его мнению, являются широко распространенным обрядом всего бурятского народа [Дугаров, 1991, с. 157–158]. Как видно, в XIX – XX вв. постоянно отмечалась уникальность региона и проживающих здесь ольхонских бурят.

В XXI в. Ольхон и ольхонские буряты мало интересуют исследователей. Название статьи А.А. Бадмаева «К вопросу о “дикости” ольхонских бурят в XIX в.», безусловно, некорректно в современном толерантном мире. Он пишет: «В отечественной литературе XIX в. сложилось устойчивое представление, что населявшие о. Ольхон буряты отличаются дикими, на взгляд просвещенных европейцев, нравами» [Бадмаев, 2012, с. 322]. Он утверждает, что «“дикость” ольхонских бурят определялась разными обсто-

тельностью их жизни. Первостепенное значение для появления негативных черт в их культуре имел географический фактор: островная изолированность от остального мира» [Бадмаев, 2012, с. 322]. В небольшой статье бездоказательно уничижительно характеризуется группа народа, которому к 2012 г., когда она была опубликована, посвящен ряд достоверных научных работ, подчеркивающих уникальность края и народа, проживающего в нем. В 2017 г. Б.З. Нанзатов опубликовал статью об этническом составе и расселении ольхонских бурят в конце XIX в., в которой выявлено, что Байкальский хребет не был препятствием для заселения здесь бурят из различных племен, сформировавших этнотерриториальную группу ольхонских бурят [Нанзатов, 2017, с. 40–41].

Приведенный краткий обзор позволяет прийти к выводу о том, что современное состояние ольхонских бурят, проблемы их жизнеобеспечения в XXI в. не становились предметом исследования, что также актуализирует тему настоящей статьи.

Опишем состояние Ольхонского района в XXI в. Согласно паспорту Ольхонского района, его площадь равна 15,9 тыс. кв. км. Расстояние от центра района с. Еланцы до г. Иркутска – 210 км. В районе шесть сельских поселений: Еланцынское, Куретское, Бугульдейское, Хужирское, Онгуренское и Шара-Тоготское. Численность населения, по данным на 1 января 2019 г., составляет 9747 чел., проживающих в сельской местности. Это представители 30 народов, из них: русские – 47,2%, буряты – 48,6%, эвенки – 0,10%, украинцы – 0,43%, татары – 0,28%, узбеки – 0,43%, таджики – 0,13%, армяне – 0,11%, белорусы – 0,10%, по 0,05% – немцы, камчадалы, поморы и киргизы, менее 0,02% – адыгейцы, балкары, башкиры, грузины, молдаване, мордва, осетины, персы, поляки, казахи, коми-пермяки, лезгины, литовцы, удмурты, цыгане, чуваша, чукчи, якуты. В 2018 г. родилось 119 чел., умерло 121 чел. Миграционная убыль составила 15 чел.: прибыло 308 чел., выбыло 323 [Ольхонское районное ...].

Предыдущие статистические данные свидетельствуют о том, что на 1 января 1998 г. в районе имелось шесть сельских администраций: Бугульдейская, Куретская, Еланцынская, Чернорудская, Онгуренская и Хужирская. По переписи 1989 г. в

районе проживало 8612 чел., из них 4199 русских (49,2 %) и 4234 бурята (49,4 %). Из других национальностей были украинцы (87 чел.), белорусы (26 чел.), татары (52 чел.), немцы (10 чел.), эвенки (4 чел.). Считали родным языком бурятский 3674 бурята, русский – 559 бурят.

При сравнении этих статданных с разницей в 21 год привлекает внимание переименование в XXI в. администрации Чернорудского поселения в Шара-Тоготское. В этой, на первый взгляд, маленькой коррективе просматривается факт углубления бурятской идентичности. Теперь поселение называется в соответствии с бурятским названием центрального села поселения – Шара-Тогот, которое в советские годы в народе и нередко официально называли Чернорудом [Администрация Шара-Тоготского ...]. Также изменено написание Еланцынского поселения.

По ревизским сказкам 1815 г. Ольхонское ведомство состояло из пяти родов: 1, 2, 3 Чернорудские и 1, 2 Абызаевские. Всего по ведомству насчитывалось 4144 чел., из них 2184 душ муж. пола и 1960 жен. В 1895 г. в ведомстве проживало 5313 чел. (2 658 муж., 2 655 жен.) [Жамбалова, 2000, с. 52, 55].

Население района постоянно увеличивалось, но основной прирост состоялся в советское время. За последние 30 лет население приросло на 1135 чел. с 8612 чел. до 9747, что свидетельствует об отсутствии оттока. Вероятно, это связано с повышением статусности района в виду его выгодного с современных позиций географического положения, обусловленного близостью оз. Байкал, развитием транспортной и торговой сети. В советские годы район считался периферийным из-за отдаленности от центральной трассы, отсутствия качественных дорог и частных автомобилей. Правда, тогда на остров и западное побережье озера регулярно летали самолеты рейса Иркутск – Харанцы – Онгурен. Авиасвязь, прерванная в 1980-х гг., возобновилась, в сентябре 2019 г. появились регулярные рейсы Иркутск – Ольхон и Улан-Удэ – Хужир.

Одним из недостатков инфраструктуры района было отсутствие во многих селениях постоянного электроснабжения – свет подавался на короткое время от дизельных станций. Благодаря федеральной целевой программе в 2004 г. свет появился в труднодоступных селениях за-

падного побережья (с. Онгурен и др.). В 2005 г. электроснабжение появилось на о-ве Ольхон: кабель проложили по новой уникальной мировой технологии по дну пролива Малое море. При этом большие усилия были приложены для сохранения в безопасности байкальской биосистемы. Проблема с электрификацией всех селений и посадочной площадки на Ольхоне была решена, было обеспечено электроснабжение парома и инфраструктуры в прибрежной зоне острова. Стоимость строительства превысила 460 млн руб. 30 июля 2005 г. на Ольхоне праздновали вступление в новую жизнь, на всех улицах п. Хужир включили фонари уличного освещения. В 2015 г. в Ольхонском районе праздновали 10-летний юбилей электроснабжения острова [Электричество на Ольхоне ...].

С одной стороны, изменения в жизнеобеспечении ольхонского населения типичны для всего постсоветского сельского пространства и связаны с переходом на рыночные отношения и разрушением социалистических форм сельского хозяйства. Это ликвидация колхозов и совхозов, предоставлявших основные рабочие места в сельской местности, а также разорение имевшихся предприятий. На острове Ольхон это были закрытые в 1990-е гг. овцеводческий совхоз и Маломорский рыбный завод. В новой социально-экономической реальности ольхонское население, за исключением бюджетных работников и людей, работающих в мелких учреждениях, и пенсионеров, выживает в основном за счет частного подворья, увеличивая поголовье скота. Этот поворот в жизнеобеспечении базируется на их знании традиционных технологий полукочевое хозяйство, не утраченных полностью в советское время. Выявлено, что некоторых архаичные черты в ведении скотоводства и в образе жизни сохранялись здесь до конца XX в. [Жамбалова, 2000, с. 182].

С другой стороны, у жителей региона множество серьезных локальных проблем, с которыми редко сталкивается население других регионов страны. В 1996 г. введен в Список ЮНЕСКО Участок всемирного природного наследия (УВНП) «Озеро Байкал» с территорией 88 тыс. кв. км, из которых 31,5 тыс. кв. км – акватория озера; 19 тыс. кв. км занимают Байкало-Ленский, Байкальский, Баргузинский заповедники и Прибайкальский, Забайкальский и частично

Тункинский национальные парки. В УВНП не входят пять промышленных территорий, расположенных на побережье оз. Байкал: гг. Байкальск, Слюдянка, Бабушкин, Северобайкальск и рп. Култук, [Охрана Байкала ...]. Придание такого статуса обязывает государство взять на себя обязательства по сохранению его достопримечательностей, что и определяет характер ресурсопользования в границах участка. Следует отметить, что особый природоохранный регламентированный режим на Ольхоне установлен раньше с момента организации Прибайкальского национального парка в 1986 г. [Левашева, 2016, с. 58–59].

В июне 2019 г. появилась информация о том, что статус заповедной зоны препятствует реконструкции дороги Баяндай – Еланцы – Хужир и участку, проходящему по о-ву Ольхон, которое ведется по поручению президента РФ В.В. Путина. Тормозит работу то, что землю, где проходит дорога, нужно передать в областную собственность. Сейчас она принадлежит Прибайкальскому национальному парку, с 2014 г. именуемому ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», а законодательство не допускает изъятие земель из состава нацпарков, на них запрещено любое строительство. Е. Вострикова отмечает, что проблема шире, чем просто строительство дороги. В состав нацпарка попадают и населенные пункты. Когда создавали нацпарк в 1986 г., ему передали не только лесные земли, но и 112 тыс. га колхозных угодий с оговоркой «без изъятия из хозяйственной деятельности». В 1990-е гг. государственное и коллективное сельское хозяйство рухнуло, а границы, где заканчиваются заповедные земли и начинаются поселковые, не определены. Отсюда возникает масса проблем – на них нельзя вести хозяйственную деятельность. Но еще больше их возникнет, когда все эти земли будут поставлены на кадастр как особо охраняемая природная территория [Вострикова].

Руководство Иркутской обл. озабочено ситуацией. Не исполняются поручения президента РФ по установлению границ населенных пунктов центральной экологической зоны Байкала, по реконструкции дороги на о-ве Ольхон, по строительству тренировочного центра для сборной страны по художественной гимнастике. Возможно будет строить жилые дома, детсады, школы и больницы, реконструировать имеющи-

еся. Губернатор Иркутской обл. С.Г. Левченко обращался в Министерство природных ресурсов и экологии РФ с просьбой о поддержке региона и его жителей в вопросе разграничения земель нацпарка. Он писал, что социальная напряженность накаляется, необходимо соблюдение баланса интересов государства и граждан, урегулирование разногласий в вопросах использования земель, установление границ населенных пунктов [Вострикова].

Ограничения на Ольхоне создают серьезные проблемы для жизнеобеспечения населения. С появлением все новых государственных решений по защите заповедного края ситуация год от года усложняется. Современные жители п. Хужир, центра о-ва Ольхон (1600 чел.), считают, что они оказались «в капкане, в резервации». В начале июня 2019 г. 600 жителей провели протестный митинг: строгое лимитирование жизни внутри нацпарка парализует их социально-экономическую жизнь [Перцев]. В то лето состоялось еще несколько акций протеста, а в августе на указателях по трассе от Иркутска до с. Сахюрты появились самодельные надписи: «Границы резервации» [Нас выживают ...]. М. Ковальски в июне 2019 г. пишет: «Напрашивается логичный вопрос, что же будет с местными жителями после включения населенных пунктов в границы нацпарка? <...> Им придется либо терпеть постоянный гнет, либо переехать в другое место» [Ковальски].

Прибайкальский национальный парк – особо охраняемая природная территория федерального значения. Он занимает 470 км вдоль байкальского побережья, его площадь 417,3 тыс. га. Это самый протяженный национальный парк в РФ, его ландшафты – это горные каменистые степи Приольхонья с растениями-реликтами, песчаные дюны, соленые тажеранские озера, темнохвойные кедрово-пихтовые леса, тундра и пляжи на побережьях. Тогда практически весь Ольхонский р-н был включен в территорию нацпарка, кроме населенных пунктов и территорий поселений. Руководство парка планирует провести расширение за счет территорий, занятых населенными пунктами Ольхонского, Шелеховского, Слюдянского, Иркутского муниципальных районов [Прибайкальский национальный ...].

В монографии об ольхонских бурятах рассматривалась проблема этнической экологии

Байкальского региона: традиционное хозяйство и природопользование. Было выявлено, что на протяжении XIX в. адаптивные функции культуры обеспечивали эффективное рациональное использование ольхонскими бурятами природных богатств среды обитания. Наряду с традиционной формой хозяйства, полукочевым скотоводством, дополненным собирательством и охотой, были развиты рыбный и зверобойный промыслы, что обеспечивало устойчивую традиционную систему жизнеобеспечения, базирующуюся на эффективном использовании всех ресурсов кормящего ландшафта: степь, тайга и водный бассейн. Комплексный характер хозяйства имел экофильный характер и создавал по возможности щадящий режим для хрупкой экосистемы степи [Жамбалова, 2000, с. 131].

С тех пор прошло много времени. Изменилась экологическая ситуация, значительно возросло население района, байкальские эндемики, в числе которых омуль, а также нерпа, находятся под угрозой исчезновения. В связи с этим появляется полный запрет на их добычу. 1 октября 2017 г. вступил в силу запрет на ловлю омуля в Байкале. Новые правила запрещают как промышленный, так и любительский вылов рыбы. Коренные малочисленные народы (эвенки) могут ловить норму рыбы по квоте с особыми ограничениями. Запрет распространяется не только на добычу рыбы, но и на ее продажу. Это второй случай в истории Байкала. Первый запрет действовал с 1969 г. до 1982 г. Тогда популяция рыбы увеличилась почти в два раза, что явилось основанием для повторения опыта. В 2017 г. изначально планировали запрет на три года, затем продлили до пяти лет, в итоге он введен бессрочно до полного восстановления популяции. Однако не только для эвенков, но и для ольхонских и кабанских бурят, проживающих в Республике Бурятия, а также для прибрежных русских рыболовство исторически было одним из главных источников дохода. Поэтому запрет из исключительной экологической истории превратился в сюжет социальный [Приемская]. Байкальская нерпа – с давних времен объект зверобойного промысла ольхонских бурят и эвенков. С 1980 г. промысел на нее запрещен из-за сильного сокращения популяции всем, кроме эвенков.

Экологическая обстановка на Байкале и природоохранные мероприятия сделали невозмож-

ным развитие в современных условиях традиционного для ольхонских бурят рыболовства и зверобойного промысла. Браконьерство и даже покупка незаконно выловленной рыбы наказываются. В XIX в. рыбный промысел имел важное значение для жизнеобеспечения прибрежных и островных жителей. На Байкале и в Малом море буряты имели отведенные им родовые рыболовные угодья, за который артели, сбывающие рыбу на Ольхонской ярмарке, платили степной думе налог в 5 руб. с невода. Рыболовство в Малом море, где около 65 прекрасных бухт и тоней, было более безопасным, чем в открытой акватории Байкала. Это, по мнению Н.П. Левина, делало рыболовство здесь довольно легким, «домашним» делом. При этом буряты во время рунного хода рыбы в устьях рек лимитировали улов и закидывали всего один-два невода в сутки, в то время как русские промышленники забрасывали до десяти в день [Левин, 1897, с. 45, 46–48, 53–55]. Ольхонские буряты рыбачили и в открытом море, а также устраивались на промысел к русским рыбопромышленникам [Жамбалова, 2000, с. 107].

В новой экологической ситуации усиление со стороны государства природоохранных мероприятий, безусловно, вполне оправданно. Однако запрет на промысел омуля и охоту на нерпу приводит к тому, что основная нагрузка по жизнеобеспечению населения в отсутствие достаточного количества рабочих мест падает на частное скотоводство, которое, как известно, ведется здесь в экстремальных условиях крайне засушливой степи, которая также нуждается в природоохранной защите. Заготовка корма всегда была здесь проблемой и разрешалась раньше за счет создания на сухих и каменистых землях искусственно орошаемых и удобряемых сенокосных участков – утугов, а также за счет покупки сена на деньги от проданной овечьей шерсти или рыбы в других районах Иркутского ведомства [Жамбалова, 2000, с. 166, 331].

Природоохранные мероприятия в заповедной зоне коснулись и скотоводства. В 2000-е гг. потомкам тех, кто жил в селении Хадай, разрешили взять землю. Отец Т. Субановой оформил землю и разводил на родовой земле скот, строил коровники, выращивал за деньги чужих племенных телок и бычков. После включения Хадаю в территорию нацпарка приходится пла-

тить арендную плату за землю [Ким]. Прибыль от скотоводства также значительно сократилась из-за отсутствия рынка сбыта овечьей шерсти в Восточной Сибири.

Инновацией, повысившей в создавшихся условиях эффективность системы жизнеобеспечения жителей Ольхонского р-на, является туристический бизнес. С начала XXI в. индустрия туризма – динамично развивающаяся отрасль экономики, одно из приоритетных направлений социально-экономического развития многих стран. Мировой туризм демонстрировал устойчивый рост на протяжении трех десятилетий. Самое большое количество прибытий было в 2016 г. и составило 1,2 млрд [Тенденции ...]. Ольхон и Приольхонье концентрируют значительную часть турпотока Иркутской обл. и удерживают первые позиции по количеству туристских прибытий (свыше 40 % въездного турпотока области).

Отрасль в Ольхонском р-не развивается в соответствии с муниципальной районной программой развития туризма, ориентированной на формирование полифункциональных рекреационных центров. Развивается также рекреационная специализация, которой способствуют благоприятный климат, прибрежное местоположение, богатый животный мир Байкала и его побережья, наличие редких и исчезающих видов растений, обилие памятников природы, истории и культуры. Администрация района придает большое значение развитию сферы туризма – она способствует решению многих социально-экономических проблем, обеспечивает его приоритетное положение в списке наиболее привлекательных туристических мест России. Стратегия развития ориентирована на максимальное увеличение турпотока, что будет способствовать переходу на качественно новый уровень инвестиционной активности [Левашева, 2016, с. 58].

Развитие туризма на Ольхоне имеет свою специфику и ограничено во времени по природно-климатическим условиям и неразвитости туристической инфраструктуры. Местное население нацелено заработать средства к существованию в течение года за два летних месяца. На это время приходится около 90% всего притока туристов, на зимнее время – 1%. По мнению М.В. Левашовой, нагрузки в летний сезон без-

мерно высоки, поэтому планирование со стороны администрации района увеличения турпотока за счет инвестиций «проявление сугубо утилитарного подхода к оценке ресурсов. Поток отдыхающих в летний сезон значительно превышает единовременную рекреационную емкость территории» [Левашова, 2016, с. 60].

В июле 2005 г. во время пребывания на Ольхоне нами было зафиксировано, что очередь на грузопассажирский паром «Дорожник» вместимостью 50 человек и 12 легковых автомобилей, перевозящий пассажиров с материка на остров, была огромная. Россияне, поляки, корейцы, по их утверждению, были вынуждены стоять в очереди до двух суток. В 2016 г. с появлением второго парома «Ольхонские ворота» вместимостью 100 чел. и 16 легковых автомобилей, когда оба парома в совокупности совершали до 30 рейсов в день, ситуация стала полегче, в очереди на паром стояли от 6 до 8 часов, редко 10-12. Во время нашего пребывания на Ольхоне в 2019 г. было заметно, что проблема переправы на остров решена с появлением еще одного парома «Семен Батагаев», по емкости не уступающего «Ольхонским воротам». Кроме того, туристы посещают остров водным транспортом рейсами Иркутск – Байкальские дюны – бухта Песчаная – бухта Загли – Хужир – Усть-Баргузин и Иркутск – порт Байкал – Ольхон (залив Загли) – Северобайкальск – Нижнеангарск.

Прибрежные и островные жители, да и население материковой части района все летнее время стараются заработать на обслуживании туристов в условиях неравной конкуренции. Со второго десятилетия XXI в. территория осваивается крупными инвесторами и бизнесменами, а местное население перебивается мизерными возможностями приработка, которые также постепенно сокращаются. В п. Хужир останавливается большинство туристов, здесь расположено много баз отдыха, кемпингов, загородных отелей, гостевых домов, усадеб, домов для отпуска, юрт. Многие туристы разбивают палаточные лагеря. Летом 2020 г. двухместный номер стоил от 1300 руб./сутки, номера с отдельным санузелом от 2500 руб., элитные от 5000 руб. Туристам предлагают обзорную экскурсию по острову за 500-600 руб., водную экскурсию до мыса Хобой – 1600 руб., пешеходную прогулку от мыса Хобой до пади Узуры – 1100 руб., по-

ездку к озеру Шара-Нур – 1100 руб., водную прогулку на закате дня – 900 руб., поездку в падь Хатха – 850 руб., конный тур по берегам Байкала – 1800-4400 руб., вечернюю прогулку по островам Малого моря – 1000 руб., лежбище нерп – 2450 руб., поездку на катере на остров Огой и источники – 1800 руб. Любителей рыбной ловли возят на рыбалку за 2400-2500 руб. Аренда квадроциклов стоит 500 руб./час [Козлова]. У с. Харанцы (Малый Хужир) раскинулся пляж Сарайского залива, песчаная береговая линия длиной около 3 км и шириной до 1 км вглубь острова. Получает развитие зимний туризм на Ольхоне. Зимой предлагают подледную рыбалку, охоту, катание на коньках и лыжах по прозрачному байкальскому льду, катание на снегоходах и квадроциклах.

До конца 2017 г., пока не появилась Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура, при таком широком ассортименте услуг для значительного числа туристов жители острова могли найти свою нишу и неплохо заработать за сезон. В основном они имеют небольшие гостевые дома и кафе, столовые или пункт проката велосипедов. Другие работают водителями микроавтобусов, которые доставляют гостей из Иркутска, или возят туристов по бездорожью на УАЗ-452, «буханках», в труднодоступные уголки Ольхона, работают на низкооплачиваемых местах на турбазах. Это большое подспорье для населения, так как работать, кроме туристического сектора, на острове негде [Перцев]. Жители острова также сдают комнаты в своих домах, однако во избежание «подпольной» сдачи жилья без лицензии их проверяют несколько раз в месяц. Заходят проверяющие и в маленькие кафе, и в сувенирные лавки. Часто под видом туристов приходят в частные дома, расспрашивают об условиях и ценах, а затем требуют предъявить лицензию и штрафуют. Большинству местных жителей приобретение лицензии не по карману. Они, сдающие людям дешевые комнаты, не могут покрыть все траты, поэтому часто работают без лицензии, принимая только знакомых или по рекомендациям [Ким].

Есть другие услуги, которые предоставляют мелкие предприниматели. Житель п. Хужир держал водный аттракцион в Сарайском заливе, ранее принадлежащем территориально п. Хужир. Прибайкальский национальный парк, еще

не оформив до конца официальное разрешение на расширение территории, в июле 2019 г. вывесил таблички с указанием принадлежности пляжа парку, сделал вход в него по специальным разрешениям и вытеснил с территории местных мелких предпринимателей, в том числе водный аттракцион. Теперь предприниматель обустроил на берегу Байкала прогревочные – баньки-бочки, в которых люди греются, прежде чем окунуться в холодное озеро [Ким].

Как видно, в XXI в. произошли ощутимые изменения в жизнеобеспечении населения Ольхонского р-на Иркутской обл. Повысилось качество жизни за счет полной электрификации района, улучшения транспортной связи, торговых поставок, государственных социальных поддержек населения РФ и т.п. Население района постепенно растет. В то же время его повседневная жизнь протекает намного труднее, чем у жителей других сельских районов страны, в первую очередь, из-за отсутствия постоянных рабочих мест. К ним прибавляются трудности, связанные с проживанием с 1986 г. на заповедной земле Прибайкальского национального парка, которая исконно принадлежала их предкам. Ситуация усугубилась в 1996 г. с введением в Список ЮНЕСКО УВПН «Озеро Байкал». Предельно жесткие условия для выживания создают постоянные ограничения хозяйственной и любой деятельности на территории их поселений, охранные мероприятия по защите исчезающих эндемических видов Байкала, вплоть до многолетних запретов на добычу омуля и нерпы, на протяжении столетий являвшихся одним из основных источников существования. Единственным выходом является развитие частного скотоводства традиционными технологиями в гораздо худших, чем в предыдущие периоды истории условиях значительного сокращения сельскохозяйственных угодий и деградации степи. Получившая развитие с 1990-х гг. инновация по приему и обслуживанию туристов, массово посещающих остров летом, была подспорьем до прихода на Ольхон крупных бизнесменов и инвесторов. В первые годы туристического освоения Ольхона доход у местных жителей был выше, чем сейчас – они были основными поставщиками туристических услуг. Он значительно сократился, так как с каждым годом растут вложения крупных инвесторов в туризм на

Байкале и Ольхоне, строится все больше крупных туристических объектов, подрывающих мелкое предпринимательство ольхонских жителей. При активном развитии туризма на Ольхоне основная часть прибыли уходит крупным инвесторам, местные жители имеют небольшой доход из-за отсутствия социально-экономических ресурсов для более активного участия в процессе туристического освоения региона. С 2017 г., когда появилось решение об увеличении нацпарка за счет включения в его территорию населенных пунктов с отведенными им землями, жизнь в прибрежных селениях и на острове Ольхон практически парализуется.

Анализ приведенных материалов позволяет прийти к следующим выводам. В системе жизнеобеспечения населения Ольхона в XXI в. выявляются два этапа. Первое десятилетие носит позитивный благополучный характер. Появляется постоянное электроснабжение, развивается транспортная сеть за счет увеличения частных извозчиков, активно развивается инновационный туристический бизнес, на первых порах осуществляемый жителями Ольхона. Они осваивают новые формы сезонной работы по приему и обслуживанию туристов, строят небольшие гостевые дома, расширяют частные жилища для приема туристов, занимаются перевозкой туристов по острову, открывают магазины, организуют общественное питание, покупают инвентарь для аренды туристам, продают продукты со своего подворья и т.д. При этом они не оставляют традиционное ведение скотоводческого хозяйства, занимаются добычей и продажей омуля. Этот период представляется довольно стабильным в плане жизнеобеспечения населения после трудных 1990-х гг. Народ адаптировался к новым условиям, создал свои ниши для выживания. На этом этапе традиции и инновации гармонично дополняют друг друга, создавая приемлемые условия для жизни.

Второй этап ознаменован тем, что туризм на Байкале и Ольхоне становится международным, привлекает крупных инвесторов. Происходит расширение туристического бизнеса за счет появления крупных туристических объектов, ольхонские жители постепенно отодвигаются на задний план. Следует отметить, что крупные инвесторы местное население к работе почти не привлекают, а завозят своих работников. Мест-

ные жители не в состоянии конкурировать с крупным бизнесом из-за отсутствия социально-экономических и иных ресурсов и постепенно сдают позиции в освоенном ими инновационном туристическом бизнесе. Конец второго этапа отличается негативными тенденциями также из-за ужесточения природоохранных мероприятий, приобретающих угрожающий для выживания местного населения характер.

Литература

- Администрация Шара-Тоготского муниципального образования [Электронный ресурс]. – URL: <https://шара-тогот.рф> (дата обращения: 18.06.2020).
- Бадмаев А.А. К вопросу о “дикости” ольхонских бурят в XIX в. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2012. – Т. 18. – С. 322–325.
- Басаева К.Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят (по материалам Аларского и Ольхонского районов Иркутской области). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 114 с.
- Вострикова Е. Строительство дороги на Ольхоне уперлось в правовой тупик [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2019/06/19/reg-sibfo/stroitelstvodorogi-na-olhone-uperlos-v-pravovoj-tupik.html> (дата обращения: 19.06.2020).
- Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят. – М.: Наука, 1991. – 297 с.
- Дьячкова А.Н. Г.В. Ксенофонов – исследователь традиционной религии народов Сибири // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 3 (71). – С. 37–41.
- Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX – XX вв.). – Новосибирск: Наука, 2000. – 400 с.
- Жамбалова С.Г. Г.В. Ксенофонов и теория этноса: о специфике локальных групп // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 1 (4). – С. 58–64.
- Ким И. Нас выживают с острова. Будем воевать [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sibreal.org/a/30117545.html> (дата обращения: 24.06.2020).
- Ковальски М. Границы Прибайкальского нацпарка расширят. А надо ли? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.babr24.com/?IDE=189628> (дата обращения: 20.06.2020).
- Козлова Ю. Отдых на острове Ольхон – 2020. Лучшие турбазы, цены и советы [Электронный ресурс]. – URL: <https://make-trip.ru/baikal/otdykh-olkhon> (дата обращения: 22.06.2020).
- Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). – Новосибирск: Наука, 1982. – 175 с.
- Кулаков П.Е. Остров Ольхон: Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхотурского округа Иркутской губернии. // ЗРГО. – СПб., 1898. Т. 8, вып. 1. – 245 с.
- Левашева М.В. Проблемы освоения рекреационного потенциала острова Ольхон в контексте реализации концепции экологического туризма // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. – 2016. – Т.18. – № 1. – С. 56–68.
- Левин Н.П. Рыболовство и рыбопромышленность на Ольхоне // Известия ВСОРГО. – 1897. – Т. XXVIII. – № 1. – С. 44–81.
- Нанзатов Б.З. Расселение и этнический состав ольхонских бурят в XIX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2017. – № 2 (26). – С. 35–43.
- Ольхонское районное муниципальное образование. Иркутская область. Паспорт района [Электронный ресурс]. – URL: <http://ольхонский-район.рф/rasport-rayona.html> (дата обращения: 24.06.2020).
- Охрана Байкала. Статус объекта Всемирного природного наследия [Электронный ресурс]. – URL: <https://my-buryatia.ru/bajkal/ohrana-bajkala-status-obekta-vsemirnogo-prirodnogo-naslediya/> (дата обращения: 19.06.2020).
- Перцев А. Мы в капкане, мы в резервации. Жители острова Ольхон на Байкале оказались внутри национального парка. Их жизнь парализована [Электронный ресурс]. – URL: <https://meduza.io/feature/2019/07/15/my-v-kapkane-my-v-rezervatsii> (дата обращения: 22.06.2020).
- Прибайкальский национальный парк [Электронный ресурс]. – URL: <https://baikal-1.ru/territory/pribaikalsky/> (дата обращения: 22.06.2020).
- Приемская Е. В омуль с головой: что изменилось на Байкале после запретов на вылов [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/801078/evgeniia-priemskaia/v-omul-s-golovoi-chto-izmenilos-na-baikale-posle-zapreta-na-vylov> (дата обращения: 19.06.2020).
- Тенденции мирового туризма [Электронный ресурс]. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/yougeography/tendencii-mirovogo-turizma-5ce067e07ea51b00b38aac3a> (дата обращения: 20.06.2020).
- Хороших П.П. Материалы по орнаменту ольхонских бурят. – Иркутск, 1926. – 6 с.
- Электричество на Ольхоне провели десять лет назад [Электронный ресурс]. – URL: <https://moigoda.ru/irkutsk-ekonomika/elektrichestvo-na-olhone-proveli-desyat-let-nazad> (дата обращения: 18.06.2020).

S.G. Zhambalova

Olkhon in the XXI Century: Traditions and Innovations in the Life Support System of the Population

The article written by S.G. Zhambalova “Olkhon in the XXI century: traditions and innovations in the life support system of the population” examines the urgent problems of the life support for the population of the Olkhon island, located on the Lake Baikal World Heritage Site, where economic activity is strictly regulated. After the collapse of the socialist economy in the post-Soviet period, the population of Olkhon have revived the traditional forms of the life support and have found some new forms of it. Two stages of social development have been found in the XXI century. The first was stable: electricity was being supplied, the transport network was expanding, an innovative tourism business of the region was developing, carried out by residents of the island. The Olkhon Buryats were developing the traditional cattle-breeding economy, they were engaged in the extraction and sale of omuls. Traditions and innovations complemented each other harmoniously. At the second stage, the tourist business is expanding; the Olkhon residents cannot compete with investors. A ban on hunting omul appears, and hunting for seals had been previously prohibited. The 2017 decision to include settlements in the Pribaikalsky National Park area complicated the possibilities for the normal life support. The end of the second decade of the XXI century is unstable due to the tightening of environmental protection measures that are becoming a threat to the survival of the population.

Keywords: Olkhon, Baikal, world heritage, nature protection zone, Olkhon Buryats, life support, traditions, innovation, tourism.

Е.П. Антонов

DOI: 10.25693/SVG.V.2020.32.3.007

УДК 94(571.56)

Интеллектуальная биография «якутского националиста» и историка Егора Егоровича Алексеева

В статье речь идет об интеллектуальной биографии видного якутского историка Е.Е. Алексеева, специалиста в области изучения роли В.И. Ленина в исторической судьбе народов Якутской АССР, истории революции и Гражданской войны, национальной политике в 1917–1972 гг., деятельности органов советских спецслужб и исторических биографий руководителей региона. Показано влияние башаринской школы на формирование научных взглядов Е.Е. Алексеева, методологическая основа его трудов, сильные и слабые его стороны как исследователя. Анализируется, что в результате жарких дискуссий, продолжавшихся несколько десятилетий, публикации научных монографий и статей Е.Е. Алексееву и его единомышленникам удалось опровергнуть обвинения в «буржуазном национализме» и «реакционности» по отношению к классикам якутской литературы А.Е. Кулаковскому и другим представителям национальной интеллигенции. Рассмотрено, как современные российские историки подтвердили положения, выработанные якутским историком в 1960-е гг. об учете этнического измерения Гражданской войны, а также о красном терроре как основной причине развертывания вооруженного противостояния в России. Раскрывается попытка Е.Е. Алексеева разработать национальный дискурс как ответ на имперские идеи.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, национализм, государственные и политические деятели, якутская интеллигенция, Гражданская война, левачские перегибы, красный террор, национальный вопрос, репрессии.

© Антонов Е.П., 2020

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что историческая биография, как пишет Л.П. Репина, «не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое исследование», или биографическую историю, где личность «предстает перед нами не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, с окружающим миром в самых разных ее проявлениях, с культурными и интеллектуальными традициями» [Репина, 2019, с. 12]. В историческую науку Якутии Егор Егорович Алексеев вошел как известный специалист в области изучения роли В.И. Ленина в исторической судьбе народов республики, истории революции и Гражданской войны, национально-государственного строительства в 1917–1972 гг., деятельности органов ЧК–ОГПУ–НКВД и исторических биографий государственных и политических деятелей региона. Целью данной статьи является анализ процессов научного творчества Е.Е. Алексеева как «лаборатории», основанной на принципах и подходах советской и постсоветской исторической науки в контексте взаимодействия историков центра и Якутии.

Доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия), лауреат Государственной премии РС (Я) им. А.Е. Кулаковского, почетный гражданин Намского, Таттинского, Верхневилуйского, Нюрбинского улусов, академик Академии духовности РС (Я) Егор Егорович Алексеев родился в 1930 г. в Мегежекском наслеге Нюрбинского района ЯАССР. В 1957 г. он успешно окончил Государственный библиотечный институт в г. Москве, а в 1963 г. – Якутский государственный университет, где состоял членом научного студенческого кружка под руководством доктора исторических наук Г.П. Башарина. Впоследствии из этого объединения вышла «плеяда молодых историков» в составе историков В.Н. Иванова, М.М. Хатылаева, Н.А. Гоголева, С.В. Атласова, С.И. Ковлекова, Л.Т. Ивановой и др. [Антонов, 2013, с. 12; Ученые-исследователи, 2010, с. 28–29]. Будучи студентом II курса, в 1953 г. Егор Егорович получил доступ в «святая святых» — спецхран Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, где ознакомился с трудами запрещенных тогда авторов, в том числе с

произведениями А.Е. Кулаковского [Луковцев, 2013, с. 223]. Начитанность со студенческой скамьи, несомненно, отразилась на раннем и успешном «вхождении в будущую тему».

Формирование научных и общественно-политических взглядов Е.Е. Алексеева началось в период хрущевской оттепели, когда чувство свободы привело к появлению в стране когорты шестидесятников [Николаев, 2013, с. 26]. Свою трудовую деятельность Егор Егорович начал в 1957 г. в качестве инспектора Министерства культуры Якутской АССР. В этом же году развернулось обсуждение опубликованной в г. Москве книги «Очерки истории якутской литературы». На встрече разгорелась жаркая дискуссия с участием молодых историков Е.Е. Алексеева и В.Н. Иванова, редактора журнала «По ленинскому пути» И.И. Варламова, студентов ЯГУ П.Е. Ефремова, Р.Д. Ермолаева, писателей И.Е. Федосеева и Н.М. Заболоцкого, которые смело выступили за реабилитацию имени историка Г.П. Башарина, исследовавшего политическую биографию и литературное наследие основоположников якутской художественной литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева. Их оппоненты – писатели С.Р. Кулачиков-Элляй, А.Г. Абагинский, литературоведы Г.М. Васильев и Н.П. Канаев, партийно-советский руководитель А.А. Попов обвинили их в сознательной фальсификации деятельности классиков литературы [Луковцев, 2013, с. 223, 224]

В 1958 г. Е.Е. Алексеев перешел работать научным сотрудником в Центральный государственный архив ЯАССР, а в 1960 г. – преподавателем Якутского государственного университета. Ему довелось профессионально расти под руководством докторов наук Г.П. Башарина, И.М. Романова, А.Е. Мординова. В 1960–1964 гг. Егор Егорович состоял старшим лаборантом кафедры истории СССР, в 1964–1965 гг. – аспирантом Якутского государственного университета [Антонов, 2013, с. 12].

В 1962 г. вышла в свет монография Е.Е. Алексеева «Роль В.И. Ленина в установлении и упрочении Советской власти в Якутии». В ней анализировалась переписка В.И. Ленина со ссыльными большевиками в Якутии, пропаганда ленинских идей в Ленском крае, формирование кадров коммунистов из числа представителей коренного населения, роль вождя революции в

обретении Якутией статуса национальной государственности в форме автономной республики, экономическом и культурном возрождении края, левацкие перегибы со стороны Якутгуббюро РКП (б) во главе с Г.И. Лебедевым.

В 1965 г. новосибирский историк В.С. Познанский опубликовал на нее рецензию. В качестве достоинств монографии он приветствовал исключительный интерес якутского историка к деятельности В.И. Ленина, сыгравшего важную роль в освобождении якутского народа от эксплуататорского и национально-колониального гнета. Отметил кропотливую и полезную работу по учету подписанных В.И. Лениным протоколов и постановлений СНК РСФСР и Совета труда и обороны, касающиеся Якутии. Подчеркнул солидный задел Е.Е. Алексеева для будущей своей работы, широкое оперирование воспоминаниями старых якутских большевиков и удачное решение таких вопросов, как забота В.И. Ленина о товароснабжении Северо-Востока страны, тревога якутов за здоровье Ильича в годы его болезни и горе, с каким встретил якутский народ известие о его смерти.

В качестве замечаний было высказано, что Е.Е. Алексеев «не выявил ни одного нового, неизвестного ранее документа В.И. Ленина», не использовал документы Центрального партархива Института К. Маркса и В.И. Ленина при ЦК КПСС и Якутского партархива. Рецензент считал не обязательным «механически выписывать в произведениях В.И. Ленина слово «Якутия», и сослался на написанный вождем революции в октябре 1920 г. проект постановления Политбюро о необходимости проведения в жизнь автономии для калмыков и бурят-монголов, после которого Наркомнац РСФСР выдвинул вопрос о создании автономной Якутии. В рецензии говорилось, что Егор Егорович ввел в текст материалы, не имеющие прямого отношения к теме, например, рассказал все о якутской политсылке, начиная с 1649 г., а в главе о смерти В.И. Ленина упомянул обо всех изданиях его произведений вплоть до 1960 г., несмотря на наличие в монографии отдельной главы о торжестве дела Ленина в Якутии. Критике подверглось заявление Е.Е. Алексеева о том, что практические советы, указания и приказы Ленина в Якутии «исполнялись быстро и точно», но на следующей же странице сообщалось о срыве

распоряжения Владимира Ильича о предоставлении статистической отчетности в Москву. В целом, по мнению рецензента, якутский историк не сумел показать во всей многогранности роль В.И. Ленина в исторических судьбах якутского народа [Познанский, 1965, с. 102–104]. Как видим, критика носила довольно конструктивный характер.

В ответ Е.Е. Алексеев опубликовал статью «К вопросу изучения личной связи В.И. Ленина с Якутией» в «Трудах историко-филологического факультета Якутского государственного университета» (1966 г., вып. 1), где расценил рецензию В.С. Познанского как написанную «с целью дезориентировать общественное мнение». При этом якутский историк адресовал к новосибирскому историку цитаты В.И. Ленина о клевете и клеветниках.

В 1966 г. Е.Е. Алексеев под научным руководством д.и.н. Г.П. Башарина защитил на Ученом Совете ЯГУ кандидатскую диссертацию по теме: «Роль В.И. Ленина в установлении и упрочении Советской власти в Якутии». Однако отрицательные отзывы, поступавшие вплоть до 1970 г., замедлили утверждение ВАК диссертационной работы. В дело вступил «сам» бывший председатель Якутгуббюро РКП (б) Г.И. Лебедев, который отправил в ВАК жалобу с требованием приостановить решение о присуждении ученой степени, заявление в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС о привлечении к партийной ответственности за фальсификацию и подлог архивных документов и возбудил уголовное дело против Егора Егоровича за клевету [НА РС (Я). Ф. 3473. Оп. 2. Д. 105. Л. 32]. Поэтому ВАК вынужден был организовать широкое обсуждение этой работы, на которой в поддержку Е.Е. Алексева выступили якутские историки Г.П. Башарин, И.М. Романов и Г.Г. Макаров [Федосеев, 2013, с. 58]. В 1970 г. наконец-то увидел свет дополненный и исправленный, в том числе и по замечаниям В.С. Познанского, вариант монографии «По пути полного укрепления власти самих трудящихся (Роль В.И. Ленина в исторических судьбах народов Якутии)».

Е.Е. Алексеев рассматривал историю республики сквозь призму истории ее государственных, политических и культурных лидеров. Так, 18 февраля 1962 г. он опубликовал в газете «Кыым» статью «Архивные документы следует

использовать честно», где подверг критике книгу Г. Ефремова, Г. Тихонова и Н. Канаева «Против извращений истории якутской литературы» (Якутск, 1953), где классики якутской литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева обвинялись в «буржуазном национализме», «контрреволюционности» и «реакционности» [Федосеев, 2013, с. 59]. Эта публикация послужила одной из причин пересмотра постановления Якутского обкома ВКП (б) от 6 февраля 1952 г., огульно обвинявшее часть якутской интеллигенции во главе с историком Г.П. Башариным в буржуазном национализме. 16 февраля 1962 г. бюро Якутского обкома КПСС вынесло новое постановление «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы», где пересматривался прежний нигилистический подход к наследию основоположников художественной литературы якутского народа [Антонов, 2013, с. 13; Антонов, 2015, с. 358]. В 1966 г. Егор Егорович опубликовал монографию «Өксөкүлээх Өлөксөй. Олобун уонна айар үлэтин туһунан (1877–1926)» (Ексекулях Алексей. Жизнь и творческая деятельность), основанную на новых архивных документах, которые дополняли персональную биографию А.Е. Кулаковского, изложенную в монографии его учителя Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», изданную в 1944 г.

В статье Е.Е. Алексеева, Н.П. Канаева, Н.Н. Тобурокова «К некоторым вопросам биографии и творчества А.Е. Кулаковского», вышедшей в журнале «Полярная звезда» в 1975 г., формулировался вывод, что «Кулаковский оказывал большую помощь военному командованию, доставлял агентурные данные о белобандитах» [Алексеев, Канаев, Тобуроков, 1975, с. 119]. В статье Егора Егоровича «Теперь действительно непотопляем», опубликованной в 1989 г. в газете «Социалистическая Якутия», говорилось, что А.Е. Кулаковский «поддерживал связь с командующим красными войсками т. Байкаловым, информировал его в своих письмах». При этом цитировалось письмо чрезвычайно уполномоченного по Верхоянскому округу А.С. Ефимова родной внучке А.Е. Кулаковского – Людмиле Реасовне Кулаковской, что Алексей Елисеевич «не участвовал в областном съезде в Татте и не занимал никакой должности

у повстанцев», не входил в состав ВЯОНУ, не искал встреч с генерал-лейтенантом А.Н. Пепеляевым [Алексеев, 1989].

В 1990 г. последовала ответная статья историка В.А. Демидова, где приводилась фотокопия «приветствия» Верхоянского окружного съезда от 19 марта 1918 г. созданной по инициативе и проходившей под руководством А.Е. Кулаковского, на котором был высказан протест против большевистского движения, а сами большевики назывались неверными сынами России и Сибири. Со ссылкой на следственное дело из архива КГБ г. Новосибирска В.А. Демидов привел документ о получении А.Е. Кулаковским 19 августа 1922 г. от зав. военным складом Д.Т. Борисова 22 шкурок горностая в счет жалования, а также показания генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева о личном присутствии А.Е. Кулаковского на совещании представителей общественности в Аяне [Демидов, 1990, с. 20, 22, 26, 27]. Однако выявить конкретные факты контрреволюционной деятельности А.Е. Кулаковского до сих пор не удалось.

Политические биографии А.Е. Кулаковского и других представителей национальной интеллигенции Якутии, Бурятии, Горного Алтая и др. изучались В.С. Познанским и В.А. Демидовым в контексте господствовавших идеологических догматов об их «буржуазном национализме» и «реакционности». Подчеркнем, что от своих марксистских взглядов они не отреклись в годы перестройки. Несмотря на привлечение на свою сторону историками Новосибирска отдельных ученых из национальных республик и ветеранов КПСС, в Якутии среди широких кругов общественности тогда зародилось движение в поддержку идей профессора Г.П. Башарина, что можно расценить как пробуждение национальной общественности. Кроме того, огромную поддержку и помощь в публикации трудов А.Е. Кулаковского оказали видные русские писатели и литературоведы: В.И. Солоухин, С.А. Поделков, М.Н. Пархоменко, А.Д. Дементьев, В.И. Кочетков и др. [Антонов, 2015, с. 365].

В 1965–1988 гг. Е.Е. Алексеев работал старшим преподавателем и доцентом историко-филологического факультета Якутского госуниверситета [Антонов, 2013, с. 12]. При правлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева перед советскими историками была по-

ставлена задача – «заново переписать всю историю нерусских народов, положив в ее основу новую историческую концепцию», которая заключалась в пересмотре подходов ко всем национально-освободительным движениям, противодействовавшим царской империи. Согласно выбранному идеологическому курсу, они объявлялись реакционными и националистическими. [Авторханов, 1990, с. 142, 143]. Эта научная полемика изначально приобрела политический характер [Антонов, 2015, с. 358].

В.С. Познанский подверг критике Е.Е. Алексеева за преувеличение масштабов репрессий против мирного якутского населения со стороны партийно-советского руководства во главе с Г.И. Лебедевым, что стало причиной повстанческого движения в 1921–1922 гг. С целью опровержения попытки разделить большевиков по национальному признаку и негативное связать только с именами русских коммунистов новосибирский историк привел документы об участии якутов П.А. Ойунского, С.М. Аржакова, Г.С. Ефимова в подготовке постановления губревкома «Об изоляции тойонов». Он доказывал, что Г.И. Лебедев не призывал к поголовному истреблению якутов, а лишь информировал Сиббюро о том, что промедление с ликвидацией бандитизма может привести к истреблению коренного населения, и поэтому требовал немедленной переброски красноармейских частей из Иркутска. Новосибирские историки считали, что Г.И. Лебедев, П.А. Ойунский, А.В. Агеев, П.Ф. Савлук, А.Г. Козлов и их соратники без различия национальности проводили общегосударственную, коммунистическую политику, а не левацкую. При этом красный террор, развязанный ЧК и трибуналами, они объявили вымыслом [Познанский, 1965, с. 104; Познанский, 1967, с. 145–146; Демидов, Познанский, 1976, с. 59, 61, 62, 65, 67].

Что касается постановления «Об изоляции тойонов», то еще до приезда в Якутию Г.И. Лебедева Якутгуббюро 9 мая 1921 г. решило отменить постановление «Об изоляции тойонов». Но на четвертый день своей службы в качестве секретаря губбюро Г.И. Лебедев решил продолжить политику «классового расслоения» и «изоляции». На II губернском партийном совещании 19 июня 1921 г. была принята резолюция, подготовленная Г.И. Лебедевым, где отмечалось:

«губпартсовещание признает необходимым провести широкое классовое расслоение деревни и улусов». Так, новый секретарь губбюро вместо того, чтобы исправить ошибку своего предшественника, реанимировал левацкую политику классового расслоения и изоляции. Под нажимом «тройки» во главе с Г.И. Лебедевым постановление Якутского губревкома «Об изоляции тойонов и кулаков» было подтверждено 29 сентября 1921 г. и подписано председателем губревкома П.А. Ойунским, членами губревкома С.М. Аржаковым, А.Г. Козловым и Г.И. Лебедевым.

Сам же П.А. Ойунский поддерживал якутскую интеллигенцию. К примеру, в августе 1920 г. ревтрибунал без санкции губревкома арестовал по «оросинскому заговору» видных деятелей интеллигенции В.В. Никифорова, Р.И. Оросина, В.И. Новгорода, И.Н. Прядезникова, приговоренных к расстрелу. П.А. Ойунский, не согласившись с этим, добился отмены приговора. В феврале 1921 г. Якутгубчека арестовал несколько сот человек по обвинению в «февральском заговоре», и 30 из них было расстреляно. На этот раз П.А. Ойунский, И.Н. Барахов и другие выехали в Сибнац и настояли на вынесении постановления о гуманном отношении власти к повстанцам и национальной интеллигенции. Но Якутский губпартком 13 марта 1921 г. поддержал решение о расстреле заговорщиков и добивался от Сиббюро вынесения партийных взысканий П.А. Ойунскому и И.Н. Барахову. Также благодаря заступничеству П.А. Ойунского был освобожден из заключения председатель культурно-просветительного общества «Саха омука» (Якутская нация) В.Н. Леонтьев. Эти меры П.А. Ойунского дали повод Г.И. Лебедеву заговорить о проявлениях его «национализма» [Антонов, 2018, с. 29; Антонов, 2019].

В начале 1920-х гг., в отличие от времен большого террора 1930-х гг., президиумы (бюро) партийных комитетов в Сибири, да и в целом по стране старались пресекать многочисленные злоупотребления карательных органов. В начале 1920-х гг. не широкие слои РКП (б), а узкие группы – президиумы (бюро) и секретариаты комитетов партии имели реальные рычаги управления и также выступали истинными хозяевами в органах ЧК/ГПУ. Отсюда следует, что Якутгуббюро РКП (б) проводило не обще-

государственную, а левацкую политику в условиях нэпа [Антонов, 2019].

В.С. Познанский указал на отсутствие в трудах Е.Е. Алексеева документа В.И. Ленина о нарушениях в работе Якутгуббюро и тенденциозном обращении с ленинскими документами. Новосибирский историк полностью процитировал телеграмму Ем. Ярославского вождю революции об изжитых к моменту поступления жалобы Б.З. Шумяцкого фактов жестокости якутского партийного руководства и чекистов [Познанский, 1965, с. 104; Познанский, 1967, с. 143].

Это верно, но Ем. Ярославский также предложил В.И. Ленину для окончательной нормализации обстановки весной 1922 г. направить в Якутию «свежих товарищей для работы и замены оторвавшихся от партийного курса товарищей». Как видим, вопрос о смещении руководства Якутии во главе с Г.И. Лебедевым был предпринят на самом высоком уровне, а сам переворот и арест тройки стал лишь делом времени. Ныне в российской и мировой историографии доказано, что красный террор стал основной причиной Гражданской войны в Советской России [Антонов, 2019]. Современные историки подтвердили положения Е.Е. Алексеева об учете этнического измерения, а также красного террора как причин разворачивания Гражданской войны в России.

В период перестройки и ельцинских реформ Е.Е. Алексеев опубликовал то, что обдумывалось долгие годы, высказал все, что накопилось. В 1990-е гг. он стал одним из идеологов суверенитета Якутии, что проявлялось и в уважении со стороны первого президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева, и в цитировании его работ школьниками [Николаев, 2013, с. 26]. В 1989 г. Егор Егорович перешел на научную работу старшим научным сотрудником в Институт языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. В 1999–2004 гг. был ведущим научным и главным научным сотрудником отдела истории института. В 2004 г. Е.Е. Алексеев вышел на заслуженный отдых, а 24 октября 2010 г. ушел из жизни после тяжелой и продолжительной болезни.

27 апреля 1994 г. вышел исторический для народов Якутии указ Президента РФ Б.Н. Ельцина «О восстановлении справедливости в от-

ношении репрессированных в 1920–1930-е гг. представителей якутского народа». Согласно ему отменялось постановление ЦК ВКП (б) от 9 августа 1928 г. «О положении в Якутской организации» и восстанавливалась историческая справедливость о якутском народе как о «народе-интернационалисте». В подготовке текста этого документа огромную помощь оказал Е.Е. Алексеев, что также имело огромное значение в общественно-политической жизни Якутии [Кириллин, 2013, с. 148; Карамзин, 2013, с. 153].

В 1999 г. Е.Е. Алексеев защитил докторскую диссертацию по актуальной и сложной теме «Национальный вопрос в РС(Я). 1917–1944 гг.» и опубликовал ряд монографий и брошюр «История национального вопроса в Якутии. 1917–1941 г.», (Якутск, 1998); «Федеративный центр и автономии» (Якутск, 2000); «Изучение национального вопроса и защита чести и достоинства якутской интеллигенции» (Уфа, 1999); «Национальный вопрос в Республике Саха (Якутия)» (Казань, 1999).

В этих трудах Е.Е. Алексеев осветил особенности нациестроительства в аграрной окраине с использованием таких чрезвычайных форм власти, как ревкомы, просуществовавшие до конца 1920-х гг., а также впервые выявил положительную роль народных масс в создании и укреплении государственности Якутии [Бугай, 2013, с. 30–31]. Егор Егорович попытался переосмыслить такие крупные научные понятия, как нация, взаимодействие демократии и диктатуры, национальная консолидация, национализм, интернационализм, шовинизм [Валеев, 2013, с. 40]. Якутский историк предпринял попытку дать авторское определение понятию «национализм», борьба с которым сводилась к масштабным гонениям против всякого проявления национальной самобытности и национального возрождения. Егор Егорович пытался доказать абсурдность противопоставления понятий «национализм» и «интернационализм», когда интернационализм является разновидностью национализма, но на более высоком уровне и качестве. При этом у якутского историка, в отличие от многих историков 1990-х гг., отсутствовало желание очернить весь период советского национального строительства [Кузеев, 2013, с. 35, 36].

При этом Е.Е. Алексеев всегда подчеркивал важность интернациональной помощи центра в

развитии экономики, культуры, облегчении материального положения якутян. Показал процесс этнической мобилизации и социальной натурализации Якутии, характерный для многих автономных образований страны [Бугай, 2013, с. 32–33]. Труды якутского историка по национальному вопросу по своему характеру, содержанию и идейной установке были направлены на поиск и установление мира, дружбы, мирного сожительства, равноправного отношения народов России, защиту чести и достоинства национальных меньшинств [Валеев, 2013, с. 39]. В годы перестройки и ельцинских реформ 1990-х гг. именно принципиальность и твердость Егора Егоровича не позволили, в отличие от центра, односторонне очернить деятельность видных партийных и советских руководителей Якутии: Максима Аммосова, Платона Ойунского, Исидора Барахова, Степана Васильева, Ильи Винокурова и других [Антонов, 2013, с. 13–14].

В 1990-е гг. руководство УФСБ РФ по Республике Саха (Якутия) обратилось с просьбой написать исторический очерк о деятельности органов государственной безопасности к Е.Е. Алексееву, который в советский период подвергся гонениям со стороны КГБ за оппозиционные и независимые суждения [Карамзин, 2013, с. 150]. Углубленное и длительное исследование архивов ФСБ позволило Егору Егоровичу впервые предпринять успешную попытку в своих книгах «Признаю виновным: Служба безопасности Республики Саха (Якутия)», «Тайная война», «Обреченные» и др. охарактеризовать деятельность органов госбезопасности республики в годы сталинского террора и политическую реабилитацию представителей национальной интеллигенции. При этом автор подчеркнул важность существования органов безопасности как одного из институтов управления и не пошел по пути огульной критики всех сотрудников секретной службы, а попытался объективно охарактеризовать их деятельность персонально [Карамзин, 2013, с. 153; Антонов, 2013, с. 14].

В начале XXI в. критические отклики на труды Е.Е. Алексеева продолжали выходить. Так, В.Г. Скрипин привел новые материалы о том, как на заседании Якутского областного бюро РКП (б) от 25 августа 1922 г. П.А. Ойунский открыто предлагал привлекать к судебной ответ-

ственности за красный бандитизм лиц, совершавших такие деяния, только после введения новой военно-политической линии 22 апреля 1922 г., а виновных в преступлениях до этой даты оправдывал существованием приказа РВС 5-й армии №1350 за подписью И.П. Уборевича о репрессиях граждан и членов их семей за укрывательство и помощь бандитам. Также он привел материалы о том, как на закрытом общем собрании Якутской городской организации РКП (б) инструктор Якутгубревкома Осетров напоминал П.А. Ойунскому об изданном им приказе «брить бороды священнослужителям, жечь шаманские костюмы», об объявлении амгинских кулаков вне закона и о насмешках над чекистом П.П. Кочневым, который осмелился отдать «под суд ревком Амгинского района за незаконные конфискации, мародерства, истязания» [Скрипин, 2003].

Безусловно, новые архивные документы, обнаруженные В.Г. Скрипиным, дополняли общую картину истории Гражданской войны в Якутии, но в концептуальном отношении следует подчеркнуть, что между тройкой во главе с Г.И. Лебедевым и П.А. Ойунским и его сторонниками имела место быть конфликтная ситуация. Проф. Г.П. Башарин писал о выдвижении открытого политического обвинения в отношении П.А. Ойунского и всех якутов в национализме со стороны Г.И. Лебедева, а также смещении и высылке в улусы местных партийно-советских руководителей: П.А. Ойунского в Олекму председателем уездного ревкома, И.Н. Барахова – секретарем Вилюйского уездного бюро РКП (б) и т. д. Эти данные так и остались непровергнутыми. Доктор исторических наук Г.Л. Олех сформулировал вывод, что в первой половине 1920-х гг. все операции ЧК/ГПУ проводились при распорядительном, координирующем и мобилизующем участии руководства комитетов РКП (б). При этом главенство партийных органов «нигде и никем не оспаривалось и не подвергалось сомнению, а воспринималось как непреложный порядок вещей». Только президиумы (бюро) парткомов давали распоряжения органам ЧК/ГПУ «о возбуждении либо прекращении уголовных дел». Также происходило и в Якутии, где главным проводником террора выступал партийный орган – Якутгуб-бюро [Антонов, 2019].

В 2014 г. была опубликована монография омского историка А.В. Сушко «Процессы суверенизации Сибири в годы Гражданской войны», в которой давалась высокая оценка монографии В.А. Демидова по истории национального вопроса в Сибири как наиболее масштабной и сохранившей и поныне «большую научную ценность», поскольку впервые в ней излагались позиции основных политических партий по национальному вопросу и уделялось внимание деятельности националистов по суверенизации сибирских коренных народов. Оценка В.А. Демидовым лидеров политических элит нерусских народов Сибири как «буржуазных националистов» и «антисоветчиков», по мнению А.В. Сушко, воспрепятствовала формированию «пантеона национальных героев» и вынудила алтайских, бурятских и якутских историков выступить «единым фронтом на защиту своих «национальных пантеонов» [Сушко, 2014, с. 9, 10].

А.В. Сушко отметил достоинства труда Е.Е. Алексеева по национальному вопросу, основанного на новых и интересных архивных документах. Омский историк солидаризировался с выводами Егора Егоровича, что после установления советской власти в Якутии проводилась политика, полностью игнорирующая региональные и национальные особенности края, искусственно разжигался классовый антагонизм, вылившийся в военно-чекистский террор против всего якутского народа, а консолидация якутов и сотрудничество интеллигенции с другими социальными слоями населения осуществлялись после введения новой военно-политической гуманной линии [Сушко, 2014, с. 21].

Но в качестве замечаний А.В. Сушко отметил, что Е.Е. Алексеев, который считал труды В.А. Демидова «ненаучными», в собственных работах допускал «множество политически ангажированных утверждений, которые ничего общего с наукой иметь не могут» [Сушко, 2012, с. 18]. В качестве примера он привел довод о том, что «СССР, гордо именуемый на словах союзом равноправных народов, в действительности был унитарным, бюрократическим организованным русским государством с центром в Москве [Алексеев, 1999, с. 5]. По мнению омского историка, Егор Егорович просто поменял «отрицательное значение термина «национализм» на положительное», что не «не является

строгим научным». А.В. Сушко прямо призвал отказаться «от категорий «плохой» — «хороший» при исследовании национализма, который следует анализировать только «с точки зрения политических интересов общности, которую он защищает, указывая на его интегрирующую или дезинтегрирующую функцию по отношению к существующему государству» [Сушко, 2014, с. 22, 23].

В принципе такой подход омского историка к термину «национализм» носит, безусловно, новаторский характер. Однако А.В. Сушко предлагает именовать интеллектуалов якутского, бурятского, алтайского и других народов Сибири термином «националисты», апеллируя к тому, что они, начиная с коммунистов и заканчивая либералами, боролись за интересы собственных народов, что представляется попыткой реанимации имперского подхода к сибирским и дальневосточным народам России. Однако как бы выглядела попытка открыто именовать в научной литературе «националистами» представителей элит русских, украинцев и белорусов со ссылкой на то, что их деятельность укрепляла национальную идентичность этих славянских народов?

Таким образом, на формирование научных и общественных взглядов Е.Е. Алексеева в студенческие годы огромную роль сыграли научные и общественные взгляды докторов наук Г.П. Башарина, И.М. Романова и А.Е. Мординова.

На первом этапе своей научной деятельности, совпавшем с годами хрущевской оттепели, Е.Е. Алексеев сумел добиться, несмотря на не только научную критику, но и обвинения политического характера, публикаций двух монографий и успешной защиты кандидатской диссертации по ленинской тематике. Публикации Егора Егоровича о деятельности А.Е. Кулаковского послужили одной из причин пересмотра постановления Якутского обкома 1952 г., огульно обвинявшего часть якутской интеллигенции во главе с историком Г.П. Башариным в буржуазном национализме, и нигилистического подхода к наследию и деятельности классиков якутской литературы. Это имело огромное значение в общественно-политической жизни Якутии.

Второй этап деятельности Е.Е. Алексеева пришелся на годы правления в стране Л.И. Брежнева, когда и в условиях реализации курса на

слияние всех народов СССР в единый советский народ новосибирские историки начали разоблачать «буржуазный национализм» в Якутии, Бурятии и Горном Алтае. Была развернута критика трудов Егора Егоровича, в которых в качестве причин повстанческого движения в Якутии в 1921–1922 гг. назывались террор, изоляция, трудмобилизация, конфискации в отношении населения Ленского края со стороны Якутгуббюро РКП (б) во главе с Г.И. Лебедевым. Также новосибирские историки предпринимали усилия по реанимации взглядов сталинской эпохи на биографию А.Е. Кулаковского и других представителей национальной интеллигенции как «буржуазных националистов», «контрреволюционеров» и «реакционеров». В результате дискуссий, продолжавшихся десятилетия, Е.Е. Алексееву и его единомышленникам удалось опровергнуть обвинения в «буржуазном национализме» и «реакционности» по отношению к классикам якутской литературы, а новосибирским историкам В.С. Познанскому и В.А. Демидову – доказать беспочвенность утверждений о сотрудничестве А.Е. Кулаковского с военным командованием красных и с чекистами. Современные российские историки подтвердили положения Е.Е. Алексеева о наличии этнического измерения Гражданской войны, а также о красном терроре как основной причине развертывания Гражданской войны в России.

Третий этап научной деятельности Е.Е. Алексеева пришелся на годы перестройки, ельцинских реформ и начало XXI в., когда ему наконец-то удалось успешно защитить докторскую диссертацию по национальному вопросу, издать труды по национальной политике, персональной истории видных государственных, политических и культурных деятелей, а также по деятельности органов госбезопасности. На эволюцию научных и общественных взглядов Егора Егоровича огромное воздействие оказали периоды хрущевской оттепели, перестройки и ельцинских реформ 1990-х гг., совместная и длительная деятельность в течение десятилетий в составе команды исследователей башаринской школы Якутии.

По сравнению со своими предшественниками Е.Е. Алексеев впервые в методологии принял попытку сформировать национальный нарратив в контексте зарождения критики им-

перского подхода. Его труды по национальному вопросу нашли поддержку ведущих московских и татарских историков – специалистов по данной тематике. Последующая критика со стороны философа В.Г. Скрипина и историка А.В. Сушко не опровергла концептуальные основы трудов яркого и самобытного представителя якутской исторической школы советского и постсоветского периодов Е.Е. Алексеева. Слабой стороной Егора Егоровича как исследователя были излишняя грубость в отношении своих оппонентов и рецензентов, резкость, а порой и поверхностность выводов, чрезмерное восхваление одних исторических персоналий в ущерб другим. Монографии и статьи якутского историка были основаны на впервые вводимом в научный оборот богатейшем корпусе архивных документов УФСБ РФ, рассекреченных материалов Национального архива Республики Саха (Якутия) и т.д.

Активная общественная деятельность Е.Е. Алексеева выразилась в организации и руководстве обществом «Мемориал», поскольку благодаря его подвижнической работе состоялась политическая реабилитация участников движения конфедералистов во главе с П.В. Ксенофонтовым, а также увековечение на государственном уровне памяти А.Е. Кулаковского, М.К. Аммосова, И.Н. Барахова, С.В. Васильева, И.Е. Винокурова, В.Г. Павлова и других. Егор Егорович стоял у истоков историко-документального журнала «Илин», постоянно сотрудничал с журналом «Чолбон», регулярно выступал с лекциями в обществе «Знание» и выезжал в улусы республики с выступлениями перед сельским населением.

Литература и источники

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. – Вильнюс: ИМОИ: INPA, 1990. – 239 с.

Алексеев Е.Е., Канаев Н.П., Тобуроков Н.Н. К некоторым вопросам биографии и творчества А.Е. Кулаковского // Полярная звезда. – 1975. – №3. – С. 118–119.

Алексеев Е.Е. Теперь действительно непотопляем // Социалистическая Якутия. – 1989. – 21 окт.

Алексеев Е.Е. Национальный вопрос в Республике Саха (Якутия) (1917–1941 гг.) : дис. в виде научного доклада .. д-ра ист. наук. – Казань, 1999.

Антонов Е.П. Ведущий специалист в изучении национального вопроса // Егор Алексеев. / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Павлова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – 336 с.

Антонов Е.П. Наследие А.Е. Кулаковского в историческом нарративе новосибирской школы историков в 1970–1980-е годы // Проблемы национальной литературы: художественные поиски второй половины XX в. и современность. Мат. Всеросс. науч. конф., посвященной 100-летию Р.А. Кулаковского. / Отв. ред. Л.Р. Кулаковская. – Новосибирск: Наука, 2015. – С. 358–365.

Антонов Е.П. Платон Ойунский: национальная биография в Советской империи // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. – №4. – С. 27–33.

Антонов Е.П. Гражданская война в публикациях // Туймаада. – 2019. – Муус устар 25 к.; ыамыйын 2 к.

Бугай Н.Ф. Исследователь – известный российский ученый историк // Егор Алексеев / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Павлова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – С. 29–34.

Валеев Р.К. Национальный вопрос // Егор Алексеев / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Павлова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – С. 37–42.

Демидов В.А., Познанский В.С. К истории борьбы с белобандитизмом в Якутии в 1921–1923 гг. // Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Б.М. Шерешевский. – Новосибирск: НГУ, 1976. – С. 59–79.

Демидов В.А., Демидов В.В., Познанский В.С. Народы Сибири на путях интернационализма / Отв. ред. В.А. Миндолин. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 180 с.

Демидов В.А. Вымыслы и правда истории. К дискуссии вокруг А.Е. Кулаковского // Историография партийного руководства социалистическим строительством в Сибири. Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГУ, 1990. – С. 12–33.

Иванов В.Н. Основные направления исследований Е.Е. Алексеева // Егор Алексеев / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Павлова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – С. 6–11.

Карамзин А.И. Слово о принципиальном человеке // Егор Алексеев / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Пав-

лова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – С. 149–154.

Кириллин А.П. Тийэһэр тийэ киирсэрэ // Егор Алексеев / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Павлова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – С. 146–149.

Кузеев Р.Г. Национальный вопрос и национально-государственное строительство // Егор Алексеев / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Павлова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – С. 34–37.

Луковцев В.Н. Кырдык иһин туруулаааччылыын сэхэргэһи // Егор Алексеев / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Павлова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – С. 221–227.

Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 3473. Оп. 2. Д. 105.

Познанский В.С. В.И. Ленин и Советская Якутия // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. – 1965. – Вып. 1. – №1. – С. 102–105.

Познанский В.С. Письмо в редакцию // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. – 1967. – Вып. 2. – №6. – С. 143–146.

Репина Л.П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (К 140-летию А.И. Яковлева). Сб. тр. Всеросс. науч. конф. – Чебоксары, 2019. – С. 12–18.

Скрипин В. Гражданская война в Якутии: мифы и реальность // Московский комсомолец в Якутии. – 2003. – 22–29 окт.; 29 окт.–5 нояб.

Сушко А.В. Влияние личности историка на процесс изучения национализма (на примере изучения национализма в годы революции и Гражданской войны в Сибири) // Омский научный вестник. – 2012 – №1. – С. 16–19.

Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. – М.: Ленанд, 2014. – 376 с.

Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. Биобиблиографический справочник [Электронный ресурс] / Сост. Е.П. Антонов, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. – Якутск, 2010. – 316 с. – URL: igi.ysn.ru/spravochnik.pdf

Федосеев И.Е. Кырдыгы кынат онгостон // Егор Алексеев / Отв. ред. Е.П. Антонов, сост. А.В. Егоров, А.А. Павлов, В.Н. Луковцев, В.Н. Павлова, Н.А. Ханды. – Якутск: Бичик, 2013. – С. 57–61.

Ye.P. Antonov

Intellectual Biography of the “Yakut Nationalist” and Historian Yegor Yegorovich Alekseev

The article deals with the scientific work of the Yakut historian Ye. Ye. Alekseev, a specialist in studying the role of V.I. Lenin in the historical fate of the peoples of the republic, the history of the revolution and the Civil War, national policy in 1917 – 1972, the activities of the Soviet special services and historical biographies of the leaders of the region. It is shown that as a result of heated discussions that lasted for decades, Ye. Ye. Alekseev and his associates managed to refute the accusations of “bourgeois nationalism” and “reactionary” in relation to the classics of Yakut literature – A.E. Kulakovsky and others, and Novosibirsk historians – V.S. Poznansky and V.A. Demidov – to prove the groundlessness of the statements about the cooperation of A.E. Kulakovsky with the Red Military Command and Security Officers. It is considered how modern Russian historians have confirmed the provisions developed by Ye. Ye. Alekseev in the 1960s on taking into account the ethnic dimension of the Civil War, as well as on the “red terror” as the main reason for the deployment of the Civil War in Russia. In the article is demonstrated as in the XXI century the provisions of the Yakut historian on the content of the concept of “nationalism”, the vicissitudes of the Civil War and the history of the national question continue to cause heated debate.

Keywords: intellectual biography, nationalism, statesmen and politicians, the Yakut intelligentsia, the Civil War, leftist excesses, the Red Terror, the national question, repression.

Н.И. Данилова, Н.И. Попова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.008

УДК 811.512.157

Якутское языкознание в контексте научной парадигмы русской тюркологии

Планомерное изучение якутского языка связано с созданием Института языка и культуры при СНК ЯАССР – первого научного учреждения на Северо-Востоке Сибири – и представляет непрерывный процесс решения научных проблем и прикладных задач в течение 85 лет в контексте парадигм русской тюркологии в течение XX века. Смена парадигм имеет непосредственную связь с происходившими в стране общественно-политическими и социально-экономическими изменениями, которые дают стимул к появлению новых методологических принципов, научных подходов и структурных преобразований. Каждая из парадигм характеризуется новыми научными и практическими результатами, опирающимися на достижения предшествующего опыта изучения, что находит отражение в предлагаемой статье. Для якутского языкознания первый период развития русской тюркологии знаменателен тем, что благодаря В.В. Радлову «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского стал издаваться под грифом Академии наук. Вторая парадигма сложилась в советский период, когда решались задачи, в целом направленные на формирование литературного языка. В начале 90-х годов XX века сложилась новая научная парадигма русской тюркологии, в рамках которой в настоящее время развивается якутское языкознание, добившееся значительных успехов в последние десятилетия.

Ключевые слова: якутское языкознание, орфография и терминология, диалектология и диалектография, лексикология и лексикография, грамматика, социолингвистика.

Тюркология с богатой непрерывной научной традицией, с устоявшимися направлениями, четко определенными теоретическими концепциями по праву занимает достойное место в мировой системе лингвистических дисциплин наряду с индоевропеистикой, русистикой и учениями о других семьях языков. Несмотря на то, что историография научных взглядов в разных отраслях отечественной тюркологии рассмотрена в трудах известных

ученых, в том числе классиков востоковедения, позиция якутского языкознания в аспекте смен научной парадигмы вызывает огромный интерес. Изучение данного вопроса позволит не только определить место науки о якутском языке в системе взглядов современной тюркологии, но и наметить дальнейшие перспективы его развития.

Цель настоящей статьи заключается в анализе развития основных направлений якутского

языкознания в свете изменения научной парадигмы российской тюркологии.

Магистральные направления и методологические принципы научного изучения якутского языка за 85 лет существования Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГГиПМНС) выстраивались в соответствии с приоритетами научной парадигмы отечественного и в особенности тюркского языкознания.

В историографии отечественной тюркологии справедливо считается, что каждый период ее развития знаменовался сменой научной парадигмы с сохранением лучших достижений предшествующего периода, которые закономерно выступали фундаментальной академической базой для изучения конкретных тюркских языков. Первая парадигма российской тюркологии как системы филологических дисциплин соответствует «радловскому» этапу ее развития. Вторая парадигма сложилась в период существования Советского Союза в соответствии со сдвигами в теоретических взглядах на проблемы общего языкознания в российской и мировой лингвистике. С 1991 г. после распада СССР формируется новая научная парадигма в рамках только российской тюркологии. В этой парадигме проходят структурные изменения и сдвиги в методологических принципах [Насилов, 2011, С. 1176].

Справедливости ради надо заметить, что «тюркология европейского периода накануне Радловской эпохи впервые вошла в общее русло научного языкознания того времени через труд О.Н. Бетлингга «О языке якутов» (1851 г.)» [Самойлович, 2005, с. 117]. Грамматика Бетлингга ознаменовала «начало формирования научного теоретического подхода к изучению грамматического строя тюркских языков» [Благова, 2012, с. 37], претворение передовых лингвистических идей индоевропеистики в собственно якутоведение и расширила научную парадигму тюркологии сравнительно-историческим направлением исследований.

Первый этап развития российской тюркологии – это «последнее шестидесятилетие дооктябрьского периода, которое прошло под знаком неутомимой и многогранной деятельности В.В. Радлова» [Кононов, 1972, с. 107]. Он характеризуется как «период первичного накопления

и научного освоения обширного нового языкового материала» [там же, с. 1176].

Свое имя в мировой тюркологии В.В. Радлов увековечил прежде всего тем, что «ввел в научный обиход огромный материал по тюркским языкам («Образцы народной литературы тюркских племен» в 10 томах); создал первую сравнительную фонетику тюркских языков (см. W.Radloff. *Phonetik der nördlichen Türk-sprachen*. Leipzig, 1882); перевел, исследовал и издал все главные рунические памятники и ряд памятников древнеуйгурской письменности» [Благова, 2012, с. 252]. Труды В.В. Радлова практически определили, по общему мнению, основные направления дальнейшего развития в России тюркского языкознания, составили теоретическую, концептуальную базу тюркологической парадигмы.

Его научная и научно-организационная деятельность имели огромное значение и для якутского языка, в частности, благодаря организованному им финансированию, начиная с 1907 года, публикации «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского как издания Академии наук [Благова, 2012, С. 252].

«Радловский» период тюркологии закончился «с революцией 1917 г., коренным образом изменившей общественный строй в стране и определившей новую идеологическую платформу развития науки» [Насилов, 2011, с. 1175]. Вторая парадигма сложилась в период существования Советского Союза для формирования новых задач тюркологии и определения новых подходов к решению теоретических и практических вопросов, обусловленных особенностями общественного развития и фундаментальным сдвигом в состоянии языковой ситуации у тюркоязычных народов [там же, с. 1175].

Согласно приоритетам языковой политики того периода, на передний план вышли прикладные задачи языкового строительства, а именно задачи разработки алфавита, орфографии, создания словарей, учебников и учебных пособий, которые в целом были направлены на формирование литературного языка. Создание литературного языка – процесс объективный, обусловленный как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами и потому длительный. И, как правило, требующий непосредственного участия передовых представите-

лей национальной интеллигенции – деятелей культуры, литературы, филологов, общественных деятелей [Слепцов, 2018, с. 13]. Закономерно инициаторами процесса становления и стабилизации норм якутского литературного языка выступили А.Е. Кулаковский и П.А. Ойунский [Слепцов, 2018, с. 13].

Но этому предшествовала многотрудная деятельность по созданию общедоступного алфавита якутского языка на основе международной фонетической транскрипции, над которым много лет трудился С.А. Новгородов в период студенчества на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета (1913–1923). Несмотря на то, что можно говорить о существовании дореволюционной письменности на якутском языке – миссионерской, а затем и академической бетлингковской, на которых были созданы литература религиозного содержания, элементарные учебные пособия, научные грамматики, издания периодической печати (газеты «Якутский край», «Саха саната»), первые литературные произведения, она не достигла статуса национальной.

Огромный вклад в усовершенствование и утверждение нового якутского алфавита внесли российские ученые-востоковеды (А.Н. Самойлович, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба), вовлеченные в практическую деятельность по созданию письменности для ранее бесписьменных языков. Большая занятость в Академии наук и университете, обеспечивавших развитие основных теоретических и прикладных направлений тюркского языкознания, не мешали российским ученым живо интересоваться и практикой языкового строительства в тюркоязычных республиках, принимать самое активное участие в процессе обсуждения и решения вопросов унификации алфавитов тюркских народов, вопросов орфографии и нормирования литературных языков [см.: Данилова, Попова, 2007, с. 349].

Благодаря их усилиям тюркологическая парадигма как в центре, так и на периферии приобрела четкую структуру в виде 10 научных направлений: 1) фонетика и грамматика современных тюркских языков; 2) лексикография и лексикология; 3) диалектография и диалектология; 4) история формирования тюркских национальных языков; 5) изучение и издание памятников тюркской письменности; 6) историческая фоне-

тика и грамматика отдельных тюркских языков и сравнительно-историческая фонетика и грамматика групп тюркских языков; 7) «алтайская теория» и тюркское языкознание; 8) описание тюркоязычных рукописей; 9) история отечественной тюркской филологии; 10) библиография отечественной тюркологии [Кононов, 1980, с. 14].

Традиционно сложилось, что планомерное изучение якутского языка в ИГиПМНС СО РАН началось с решения вопросов терминологии и орфографии в тесной связи с вопросами диалектологии. Заметные результаты в области лексикологии, лексикографии и грамматики стали появляться чуть позже по мере пополнения штата подготовленными специалистами. Ниже рассматривается поступательный ход развития названных направлений якутского языкознания в контексте смены научных парадигм отечественной тюркологии.

Вопросы терминологии и орфографии находились в поле зрения деятелей языкового строительства республики задолго до создания института. К моменту открытия института в 1935 г. унифицированный алфавит якутского языка на основе латиницы был утвержден и введен в практику использования в государственных и образовательных учреждениях республики, что послужило основанием для перехода к научной разработке вопросов терминологии и орфографии. Первоочередной задачей стало формирование терминологической системы, связанной с определенными ранее не освоенными областями профессиональной деятельности, продиктованное новыми условиями «небывалого расширения общественных, культурных функций якутского языка, политики широкой коренизации, внедрения его в систему народного образования, в сферу деятельности государственного аппарата и учреждений» [Быганова, 1996, с. 9]. Первым научным мероприятием, на котором были намечены принципы якутской терминологии, стала «Первая всякутская языковедческая конференция», которая состоялась 7–15 августа 1935 года в г. Якутске накануне официального основания ИЯиК при СНК ЯАССР. Протоколом секции было решено «отредактировать и санкционировать Словарь тов. Ойунского для школьного использования» [РФА ЯНЦ СО РАН, ф.5, опись 4, ед.хр. 5, с. 7]. Данная работа под

названием «Русско-якутский термино-орфографический словарь («Нууччалыы-сахалыы терминнээх-арпагырааппыйа тылларын кинигэтэ») была издана в том же году в Москве под грифом НИИ национальностей СССР при ЦИК СССР.

Очевидно, что словарь по сути воплотил идеи автора, которые, во-первых, утверждали путь обогащения национальных языков иноязычными терминами, и, во-вторых, послужили основой для использования фонетического принципа правописания терминов (П.А. Ойунский). Эти идеи имели активных противников в лице ярких представителей передовой якутской интеллигенции того времени, которые в бурных дискуссиях отстаивали свои принципы терминотворчества и правописания принимаемых терминов (А.Е. Кулаковский и Г.В. Баишев – Алтан Сарын, В.Н. Леонтьев и др.). Их позиция сводилась к тому, что термины следует создавать за счет собственных ресурсов языка или привлекать лексические фонды родственных тюркских или монгольских языков и придерживаться при их правописании морфологического принципа. Эта тенденция использования внутренних возможностей якутского языка в практике создания терминов и составления терминологических словарей имела место быть до середины 1930-х гг. во многих тюркоязычных регионах и послужила основанием для обвинения авторов идеи в их принадлежности к пантюркизму.

В последующий период терминологической деятельности института, «с конца 30-х годов целенаправленная терминологическая работа по использованию собственных ресурсов языка приостановилась, и вся якутская письменная литература стала ориентироваться на термины, заимствованные из русского языка, оригинальные же термины, созданные и широко функционировавшие в 20–30-е годы, постепенно предавались забвению или вытеснены русизмами» [Слепцов, 2008, с. 218].

Заметным событием в терминологической деятельности института стало издание в 1955 году «Краткого терминологического словаря якутского языка» («Саха тылын кылгас терминологическай тылдьыта»), составленного известным фонетистом и диалектологом П.П. Барашковым под редакцией Л.Н. Харитоновой. Словарь преследовал практические цели перевода широко распространенных терминов нау-

ки и техники, а также общеупотребительной лексики на якутский язык. Несмотря на то, что большинство терминов здесь представлено в русской форме написания: *алфавит, баланс, бомба, герой, дифтонг, колхоз, лимит, насос, радио, тема* и т. д., впервые в якутской терминологической практике была допущена вариантность подачи целого ряда терминов, например: *абориген – абориген, олохтоох киһи; аргумент – аргумент, дакаастабыл; белила – үрүҥ кырааска, бэлиилэ* и т.д. Автор допускает правомерность использования и правописания того или иного варианта термина в зависимости от ситуации речи. Во многих случаях термины переведены: *адамово яблоко (анат.) – хабарба болчуоҕа, акклиматизация – олохтоох климатка үөрэни, аннулирование – хаалларыы, көтүрүү, вех – аһыы от, бурут* и т.д. (там же). В словаре также встречаются фонетизированные, т.е. оформленные в соответствии со звучащей речью слова и термины, например: *баржа – баарса, брюква – бүрүүкүбэ, доярка – дайаарка* и т.д. Словарем был утвержден основной корпус лингвистических терминов на якутском языке: *вводное слово – кыбытык тыл, главное предложение – тутаах этии, гласный звук – аһаҕас дорбоон* и т.д.. В целом словарь, призванный сыграть позитивную роль в установлении и упорядочении якутской терминологии, не получил должного внимания и своевременной заслуженной оценки, поскольку изданный в 1955 г. и утвержденный в 1963 г. проект правил якутской орфографии на долгие годы предписывал цитатный принцип правописания заимствованных слов, прежде всего терминов.

В связи с новой общественно-политической и социально-экономической ситуацией в стране, провозглашением титульных языков национальных республик государственными наравне с русским языком в начале 90-х годов XX века произошли изменения в языковой политике и языковом строительстве государства. Особую актуальность приобрела терминоведческая работа, нацеленная на совершенствование функциональных стилей титульных языков в качестве государственных [Быганова, 1996, с. 3].

В это время были определены основные тенденции и закономерности развития современной якутской терминологии, «выявлены оптимальные терминообразующие средства якут-

ского языка и обосновано максимальное использование внутренних возможностей его лексического богатства» [Оконешников, 2005, с. 3]. Научное терминоведение в институте развивается в аспекте разработки методологии и конкретных приемов составления специальных терминологических словарей. На этой основе издан ряд переводных терминологических словарей по отраслям знаний.

Совершенно очевидно, что терминология самым тесным образом связана с орфографией. Специфической особенностью начального периода ее истории является борьба двух противоположных точек зрения. С одной стороны – использование при орфографировании заимствованных слов фонетического принципа (П.А. Ойунский, А.А. Иванов-Кюндэ, Г.У. Гермогенов), с другой стороны – морфологического принципа (Г.В. Баишев-Алтан Сарын, К.О. Гаврилов, С.Н. Донской-И, И.Д. Тимофеев-Моруо), который предполагает сохранение форм прототипов и введение в якутский алфавит букв, обозначающих русские звуки [Васильева и др., 2016, с.69].

Характер орфографической деятельности института с конца 1930-х годов стал формироваться в контексте государственной идеологии и политической ситуации в стране, предопределившей массовый переход национальных алфавитов от латиницы к кириллице. Работа по введению нового алфавита на основе русской графики велась под научным руководством Института языка и мышления им. Н.Я. Марра РАН, представители которого академик С.Е. Малов и Е.И. Убрятова принимали непосредственное участие в переходе якутской письменности на кириллицу.

В 1939 г. силами сотрудников Института языка и культуры были разработаны новые орфографические правила, которые были утверждены приказом Наркома просвещения РСФСР и опубликованы в республиканских газетах. В том же 1939 г. было выпущено отдельное издание «Алфавит и орфография якутского языка» («Саха тылын алпабыыта уонна орпограаппыата»), набранное латиницей для удобства восприятия населением.

Дальнейшая деятельность института по усовершенствованию правописания привела к утверждению Правил якутской орфографии в

1962 г. На основе этих правил в 1963 г. был подготовлен и издан орфографический словарь якутского языка (П.П. Барашков и Н.Е. Петров) под редакцией Л.Н. Харитоновой. Словарь был переиздан в 1975 г. под редакцией Н.Е. Петрова и вплоть до конца 1980-х годов закреплял тенденцию сохранения прототипической формы написания заимствованных слов как средство обогащения и пополнения лексического фонда якутского языка.

В 1994 г. институт выступил инициатором усовершенствования правил якутской орфографии, для чего была создана Орфографическая комиссия. Результатом ее деятельности явилась новая редакция правил, которая в 2001 г. была утверждена Правительством РС (Я) и легла в основу «Орфографического словаря», изданного в 2002 г. В связи с тем, что вопросы унификации написания заимствованных слов не были решены до конца, словарь носил экспериментальный переходный характер.

Понимая роль орфографии в нормализации литературного языка, институт в течение последующих 10 лет отслеживал опыт применения в языковой практике Правил 2001 года (Н.М. Васильева) и с учетом результатов исследования в 2015 г. издал новый «Орфографический словарь якутского языка». Масштабная исследовательская и аналитическая работа позволила решить вопрос правописания большого пласта лексического состава якутского языка, представляющего трудность для пишущих на нем.

Уже в первые годы языковедческой деятельности института весьма выпукло обозначилась тесная связь и взаимная обусловленность различных проявлений языка. «Работа над разработкой правил орфографии показала, как важно иметь материалы по диалектам языка. Институт ЯиК начал изучение диалектов. С этой целью в 1940 году был опубликован специальный вопросник. В этом же году осуществлена и первая диалектологическая экспедиция» [Убрятова, 1945, с. 33], которая положила начало появлению в институте самостоятельного направления – диалектографии и диалектологии. Якутская диалектология развивалась по трем основным аспектам: диалектная лексикография, системное описание территориальных говоров (диалектография) и лингвистическая география. В этих рамках была дана интерпретация важнейших фонетических

идентификаторов диалектного членения якутского языка, в том числе оканья и аканья, проведено системное членение и классификация говоров, установлены и описаны четыре диалектные зоны якутского языка.

Немало сделано в области диалектной лексикографии – в 1976 г. был издан первый в истории данного направления «Диалектологический словарь». Второе издание «Диалектологический словарь языка саха: доп. том» (1995) «отличается от первого в основном широким охватом территории за пределами республики и полнотой иллюстративного материала, вплоть до рисунков» [Воронкин, 1999, с. 14]. В отличие от подобного типа словарей тюркских языков он последовательно двуязычен и снабжен приложениями.

Одним из основных достижений якутской диалектологии является диалектное членение якутского языка на четыре диалектные зоны: северо-западную, виллойскую, центральную и северо-восточную [Воронкин, 1980], которые получили комплексные монографические описания (северо-западная – М.С. Воронкин, северо-восточная – Е.И. Коркина, центральная – С.А. Иванов). Описание виллойской группы говоров представлено в рукописном виде (М.С. Воронкин).

Сотрудники института принимали участие во всех крупных значимых проектах тюркской диалектологии, в том числе в составлении «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», который задумывался как «обобщение результатов диалектологических исследований» [Насилов, 2011, с. 1178].

Одними из первых среди тюркских народов якутские диалектологи составили региональные атласы всех четырех диалектных зон, которые затем были сведены в «Диалектологический атлас якутского языка: сводные карты» в двух частях (Ч.1. Фонетика, 2004; Ч.2. Морфология и лексика, 2010)». Данное лингвогеографическое исследование, представляющее собой национальный свод материала говоров якутского языка, содержит, кроме карт, лингвистические комментарии и заметки. На основе анкетирования и материала диалектологического атласа якутского языка дана общая характеристика фонетических (П.П. Барашков), морфологических (С.А. Иванов) особенностей говоров. Лексический состав говоров якутского языка рас-

смотрен в аспекте словообразовательных и семантических особенностей территориальных говоров (С.А. Иванов).

С полным правом можно утверждать, что якутские диалектологи в результате напряженной и плодотворной работы достигли больших успехов, демонстрирующих высокий уровень развития своей отрасли, и внесли существенный вклад в диалектологическое изучение тюркских языков, в равной степени и в развитие современной тюркологии.

Якутская лексикография, представленная известными фундаментальными образцами, начиная со словаря О.Н. Бетлингга, традиционно разрабатывалась как двуязычная на фоне той источниковой и методической базы, которая была наработана за период деятельности академических экспедиций.

Особое место в тюркской и якутской лексикографии занимает «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского, получивший высокую оценку тюркологов и востоковедов и не потерявший своего научного и общекультурного значения по сей день. В списке источников и пособий словаря представлены фамилии В.В. Радлова, С.Е. Малова, А.Н. Самойловича, К.К. Юдахина со следующими пояснениями: Малов С.Е. – чтение корректур (сравнение с турецкими наречиями), Радлов Вас. Вас. – записи якутских слов на полях рукописного «Лексикона, или Собрания якутского языка», Самойлович А.Н. – акад. чтение корректур (сравнение с турецкими наречиями), Юдахин К.К. – чтение корректур (сравнение с турецкими наречиями). Из этого можно сделать вывод, что свои первые шаги якутская лексикография делала при непосредственном участии видных петербургских тюркологов.

В реализации этой уникальной работы огромную роль сыграли «Словарь» и «Грамматика» акад. О.Н. Бетлингга, ставшие теоретической и практической основой «Словаря» Э.К. Пекарского [Оконешников, 2013, с. 103], так как «весь словарь вошел позднее в «Словарь якутского языка» и как материал, и как образец для лексикографической работы» [Убрятова, 1990, с. 12].

С 30-х годов прошлого столетия, после того как тюркоязычные народы России получили письменность, возникла необходимость разработки и составления, наряду с учебными про-

граммами, учебниками и учебными пособиями по родным языкам, переводных словарей небольшого объема, предназначенных для изучения национальных языков.

В качестве примера достижения начального этапа становления якутской двуязычной лексикографии может быть представлен «Русско-якутский словарь» (Н.Н. Павлова и И.Н. Попов) (1948). Словарь оценивается специалистами как «весьма заметное во всех отношениях явление... В нем впервые в якутской лексикографии довольно последовательно использована комбинация двух приемов раскрытия значения русских слов: перевод и элементы толкования» [Слепцов, 1990, с. 51]. Он сыграл значительную роль в «известной активизации, способствовал оживлению и освоению лексического богатства якутского языка» [там же, с. 54].

В 1968 г. в Москве под редакцией П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонova был издан «Русско-якутский словарь». «Он ознаменовал собой качественно новый этап в развертывании лексикографической работы в республике ... и до сих пор остается лучшим нормативным словарем якутского литературного языка» [Слепцов, 1990, с. 56]. Значительным достижением лексикографов института в этот период является «Якутско-русский словарь», изданный под редакцией П.А. Слепцова. Словарь отличается широтой охвата лексического богатства якутского языка, «отражает и неологизмы советского периода, в том числе слова, заимствованные из русского языка, и интернационализмы» [там же, с. 57].

В дальнейшем лексикографическое направление якутского языкознания естественным образом развивается в русле теоретической концепции и практики тюркской лексикографии, методологическая основа и принципы которой были разработаны и опубликованы в известной монографии А.А. Юлдашева «Принципы составления тюркско-русских словарей». Автор представляет ее как «первое теоретическое обобщение накопленного более чем за двести лет огромного опыта составления тюркско-русских словарей» [Юлдашев, 1972, с. 5].

Развитие якутской лексикографии по общепринятым в тюркологии принципам закономерно привело к разработке проекта по созданию академического большого толкового словаря

якутского языка в 15-ти томах. Работа началась в 1972 г. под руководством П.А. Слепцова в соответствии с оригинальной идеей, до сих пор не освоенной на практике тюркской лексикографией, по созданию «национального словаря нормативно-регистрирующего типа» [Слепцов, 2008, с. 533]. Непреходящее значение подобного типа словаря «заключается в стремлении зарегистрировать и показать многовековое богатство якутского народа, как можно полнее охватить и представить лексику якутского языка» [там же]. Первый том словаря увидел свет в 2004 г. и получил большой общественный резонанс и заслуженную оценку. 15-й завершающий том вышел в 2018 г. По мнению главного редактора издания, жанровое своеобразие словаря состоит в том, что он, будучи толковым, реализован и как двуязычный: значения слов раскрываются и на якутском, и на русском языках [Слепцов, 2008, с. 536].

К настоящему времени лексикографический корпус якутского языка содержит довольно внушительный список словарей самого разного типа: переводные двуязычные, переводные трехязычные, терминологические словари разных типов, словарь заимствованных слов, этимологический, диалектологические, фразеологические, словарь узусных форм и выражений, словарь сочетаемости имен, ономастики. В последнее время в связи с развитием информационных технологий и внедрением их в сферу лексикографии появились электронные и онлайн якутско-русский, русско-якутский словари [Данилова, Дьячковский, 2020, с. 75].

Что касается вопросов якутской лексикологии, общих и частных, их разработка в рамках программной лингвистической деятельности института была заложена монографическим исследованием Л.Н. Харитонova «Типы глагольной основы в якутском языке» (М.-Л., 1954). В начале 1960-х годов под его руководством была написана диссертационная работа по русским лексическим заимствованиям в якутском языке в двух частях (Слепцов, 1964, 1975). Впоследствии после переключения Л.Н. Харитонova на грамматические проблемы языка, лексикологическое направление, как уже упоминалось выше, получило развитие под руководством П.А. Слепцова. Был проведен целый ряд исследований в форме кандидатских диссертаций в

разных жанрах лексикологии: этимологии (Г.В. Попов), фразеологии (А.Г. Нелунов, Л.М. Готовцева), топонимики (В.Д. Монастырев, Н.М. Иванов) и по отдельным аспектам лексической семантики в области полисемии и семантической структуры слова (Ф.Н. Дьячковский, Е.Н. Афанасьева, Е.П. Копырина), синонимии (Н.Н. Васильева), омонимии (Е.В. Семенова) и др. В серии сборников научных статей, изданных институтом, на основе обширного фактического материала обсуждались наиболее актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии, непосредственно связанные с созданием «Толкового словаря якутского языка», развитием и укреплением норм литературного языка. Теоретические исследования составили значимую систематизирующую методологическую основу Большого толкового словаря якутского языка.

Одним из основных ориентиров языкового строительства в историческую эпоху XX в. в России было создание грамматик младописьменных народов. При выполнении этой задачи выделилась целая плеяда блестящих тюркологов-лингвистов (Е.А. Поцелуевский, Н.П. Дыренкова, А.К. Боровков, А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев), авторов известных академических грамматик тюркских языков, которые в свою научную орбиту вовлекли и представителей тюркоязычных окраин.

«В 1950–80 гг. были разработаны комплексные грамматические описания многих тюркских языков, представленные как отдельными их грамматиками (татарской, башкирской, казахской, якутской, туркменской, узбекской, хакасской, каракалпакской, ногайской, гагаузской и др.), так и описанием отдельных ярусов языка – морфологии, синтаксиса, лексики» [Насилов, 2011, с. 1176].

Разработке академической грамматики якутского языка (фонетика, морфология – 1982, синтаксис – 1995) предшествовала серия фундаментальных монографических исследований Л.Н. Харитоновой «Типы глагольной основы в якутском языке» (1954), «Формы глагольного вида в якутском языке» (1960), «Залоговые формы глагола в якутском языке» (1963), Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» (1970), проведенных на основе господствовавшего тогда в тюркском языкознании метода

морфологического анализа, модифицированного применительно к тюркским языкам Н.К. Дмитриевым [Севортян, 1971, с. 13]. Вместе с тем исследовательские труды Л.Н. Харитоновой и Е.И. Коркиной, посвященные якутскому глаголу, носят пионерный характер в тюркологии. Они заложили прочную традицию исследования грамматических категорий в тюркских языках как лексико-грамматических систем, проявляющихся на синтаксическом уровне языка.

Формы выражения синтаксических отношений в якутском языке на уровне простого и сложного предложений были описаны в работе Е.И. Убрятовой «Исследования по синтаксису якутского языка» (Простое предложение – 1950, Сложное предложение – 1976). В исследованиях установлено «наличие предикативных словосочетаний, обладающих свойством сочетаться друг с другом теми же способами, какими сочетаются отдельные слова в простом предложении (управление, согласование, примыкание, изафет)» [Убрятова, 1976, с.23]. Выдвинуто положение о способности зависимых предикативных сочетаний, в основном возглавляемых причастными формами глагола, принимать падежные аффиксы, которые выступают в качестве средства выражения подчинительной связи между зависимым и главным компонентами сложной синтаксической конструкции. На этом основании новосибирской лингвистической школой разработана теория предикативного склонения причастий в алтайских языках, провозгласившая принципиально новый подход к изучению сложных синтаксических конструкций в агглютинативных языках Сибири. И это явилось заметным вкладом в расширение границ языкового поля российской тюркологии и в обновление ее научной парадигмы.

В 80–90-х гг. XX в. тюркское языкознание, как определяет Д.М. Насилов, характеризуется «выдвижением новых научных задач, поиском актуальных решений», которые «совпали ... с концептуальными сдвигами, происходящими в мировой лингвистике в целом и, естественно, в теоретических взглядах на проблемы общего языкознания у российских филологов» [Насилов, 2011, с. 1180].

Принципиально новым для якутского языкознания того периода стало семантическое направление, в рамках которого профессором

Н.Е. Петровым было предпринято изучение языковой модальности как семантической категории в серии фундаментальных работ («О содержании и объеме языковой модальности» (1982), «Модальные слова в якутском языке» (1984), «Модальные сочетания в якутском языке» (1988), «Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке» (1999)).

Изучение якутского языка приобретает функционально-семантическую направленность. В этом русле проводятся монографические исследования отдельных функциональных форм глагола (Г.Г. Филиппов, Н.И. Попова, Е.И. Коркина), местоимений и аналитических средств синтаксической связи (Н.И. Данилова), способов выражения сравнения (Ю.И. Васильев). В русле идей новосибирской синтаксической школы получает развитие направление, рассматривающее особенности структурно-семантической организации сложных синтаксических конструкций (И.Е. Алексеев, Н.Н. Ефремов) и простого элементарного предложения (Н.И. Попова) с выходом на их модельное представление.

Следующий этап развития якутского языкознания тесно связан с теми изменениями, которые обусловлены новой парадигмой российской тюркологии, возникшей после 1991 года. Ее характерные черты, которые укрепили теоретические позиции отечественных тюркологов, – это обращение к новейшим методологическим течениям мировой и отечественной лингвистики и применение соответствующих прогрессивных методов изучения языкового материала [Насилов, 2011, с. 1182].

Научный интерес якутских грамматистов сместился в сторону полевого структурирования семантических категорий: аспектуальности, темпоральности и таксиса и др. вслед за ставшей популярной в отечественной лингвистике школой функциональной грамматики А.В. Бондарко. Результаты исследований в данном направлении на материале якутского языка представлены как в диссертационных исследованиях (Е.М. Самсонова, В.И. Харабаева), так и в коллективных монографиях (2013, 2015, 2017).

Зарождение социолингвистики как отдельного направления в комплексе научно-теоретических проблем новой парадигмы тюркологии наблюдалось еще в 20–30 годы XX века во многом благодаря известным российским лингви-

стам и востоковедам: В.М. Жирмунскому, Е.Д. Поливанову и другим. В силу известных причин исследование функционального состояния языков народов СССР, в том числе тюркских, возобновилось после перерыва лишь в 60-е годы прошлого века главным образом в аспекте осмысления теоретических основ социолингвистики. В это время якутский язык попал в поле зрения российских исследований по данному направлению, в частности, в рамках масштабного социолингвистического изучения языков народов Сибири [Слепцов, 2003, с. 12].

Новое для якутского языкознания научное направление берет начало в 1980-е годы и развивается в настоящее время по теоретическим и методологическим постулатам российской и тюркской социолингвистики. Но планомерное развитие, как и во всех тюркоязычных регионах, оно получило в 1990-е годы в силу изменения социально-политических реалий и культурно-языкового ландшафта России. Главным объектом изучения якутской социолингвистики являются проблемы языковой ситуации в РС(Я), приоритетной из которых является «изучение функциональной дистрибуции саха и русского языков в основных коммуникативных сферах» [там же, с. 20]. Данная важная проблема функционирования государственных языков РС (Я) – русского и якутского – в разных коммуникативных сферах получила освещение в ряде специальных монографических исследований (см. монографии Т.В. Аргуновой, Н.И. Ивановой, Р.И. Васильевой).

Предпринимаемые в последнее время исследования и практические мероприятия по регулированию норм орфографии и терминологии, изучение функциональных сфер и стилей словоупотребления, вопросы лексикологии и лексикографии связаны с проблемой литературного якутского языка как стержневого компонента языковой ситуации и научно обоснованы в образцовом капитальном труде П.А. Слепцова в двух книгах «Якутский литературный язык: истоки, становление норм» (1986), «Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм» (1990).

Изложенное позволяет констатировать, что те научные направления, которые были предусмотрены при создании института, не только сохранились, но и прошли проверку временем,

постепенно и целенаправленно набирая силу, укрепляясь, развиваясь вширь и вглубь. Трудно переоценить значимость того вклада, который представители первых поколений исследователей, несмотря на их ограниченный состав и недостаточность необходимой научной квалификации, внесли в становление и формирование методологической и практической базы якутского языкознания.

Обращение к новейшим принципам и методам изучения языкового материала неизменно зиждется на конкретном научном опыте предшественников. Так, изучение семантических категорий аспектуальности и итеративности в рамках теории функциональной грамматики может быть основано только на изучении видовых форм глагола, исследование категорий темпоральности, персональности и таксиса не может обойтись без фундаментальных знаний о временных, причастных и деепричастных формах. Решение других актуальных вопросов: терминологии, орфографии, диалектологии, лексикографии, топонимики якутского языка – также основаны на принципе сохранения, развития и совершенствования традиций, нацеленных на решение актуальных и первостепенных вопросов всестороннего изучения якутского языка и его истории.

Содержание научного наследия якутских языковедов дает возможность ставить новые задачи и стремиться к новым достижениям, отвечающим современной парадигме российской тюркологии и соответствующим реалиям и перспективам развития лингвистики. Особого внимания требует проблема языковых контактов, в том числе якутско-монгольских в диахроническом и синхроническом аспектах.

В этом направлении уже имеется существенный задел в работах, начиная с О.Н. Бетлингга, польского ученого профессора Ст. Калужинского, В.И. Рассадина, Е.И. Убрятовой, С.А. Иванова, Н.М. Иванова. Выполнен ряд лексикологических исследований в рамках диссертационных сочинений, где обсуждается монгольский адстрат в якутском языке по разным тематическим группам.

Новый этап изучения проблемы монгольско-якутских контактов предполагает решение вопроса о том, какой из монгольских языков оказал влияние на якутский язык, определение при-

мерного времени проникновения монголизмов, полагая, что это имеет важное значение как для истории якутского языка, так и истории якутского народа.

Развитие информационных технологий и внедрение их в сферу гуманитарных наук заставляют связывать перспективу развития языкознания с разработкой специализированного цифрового продукта, ориентированного на создание условий для изучения языка на ином качественном уровне. Речь идет о лингвистическом корпусе, базирующемся на полевых фольклорных, диалектологических материалах и внушительном объеме изданных текстов разного стиля, куда может быть обеспечен доступ и исследователей, и широкого круга пользователей сети Интернет.

Благодаря давней традиции исследования видными отечественными и зарубежными востоковедами-тюркологами якутского языка, их действительному участию в подготовке кадров для Якутии, результаты изучения грамматического и лексического строя якутского языка по своему объему и содержанию занимают достойное место в общей парадигме тюркологии.

Литература и источники

Благова Г.Ф. История тюркологии второй половины XIX-начала XX века в России. – М.: Восточная литература, 2012. – 310 с.

Быганова В.И. Якутская терминология (этапы становления). – Якутск: АКД, 1996. – 21 с.

Васильева Н.М., Данилова Н.И., Нелунов А.Г., Попова Н.И. Якутская орфография в новой редакции // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – №1(14). – С. 68–74.

Воронкин М.С. Диалектная система якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.

Данилова Н.И., Дьячковский Ф.Н. Большой толковый словарь якутского языка: основы, предпосылки, структура // Урало-алтайские исследования. – 2020. – №1 (36). – С. 71–81.

Данилова Н.И., Попова Н.И. Российские тюркологи и якутское языкознание / Россия и Якутия: сквозь призму истории. – Якутск, 2007. – С. 342–356.

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.

Кононов А.Н. Тюркское языкознание в СССР на современном этапе. Итоги и проблемы // Проблемы современной тюркологии. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1980. – С. 12–23.

Краткий терминологический словарь якутского языка = Саха тылын кылгас терминологическай тылдьыта / Составитель П.П. Барашков. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1955. – 300 с.

Насилов Д.М. Российская тюркология наших дней: к смене научных парадигм / Языкознание, грамматика и обучение языку. Т.3. Международный конгресс по изучению Азии и Северной Африки. 10–15.09.2007. – Анкара, 2011. – С. 1173–1184.

Оконешников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии якутского языка (на материале общей и отраслевой лексикографии): Автореф. ... доктора филол. н. – Якутск, 2005. – 52 с.

Оконешников Е.И. О.Н. Бетлингк и «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского / О.Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии. – Якутск, 2013. – С. 101–103.

Русско-якутский термино-орфографический словарь. Составлен П.А. Ойунским при участии С.П. Харитоновой, Г.С. Тарского. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935. – 266 с.

Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / Серия «Классики отечественного востоковедения». – М., 2005.

Севортян Э.В. Лингвистическое наследие Н.К. Дмитриева и современная советская тюркология // Структура и история тюркских языков. Сборник научных статей. – М., 1971. – С. 7–19.

Слепцов П.А. Актуальные проблемы изучения современных языковых процессов в РС(Я) // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 11–42.

Слепцов П.А. Якутская терминология // Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск, 2008. – С. 207–225.

Слепцов П.А. О некоторых проблемах якутского литературного языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. – №3(24). – С. 11–19.

Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка. – Якутск, 1945. – 36 с.

Убрятова Е.И. Предисловие редактора // О.Н. Бетлингк. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 5–14.

РФА ЯНЦ СО РАН. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН.

N.I. Danilova, N.I. Popova

Yakut Linguistics within the Scientific Paradigm of Russian Turkology

The establishment of the Institute of Language and Culture in the Yakut ASSR, the first research institution in north-eastern Siberia, marked the beginning of a systematic study of the Yakut language. The institute has been addressing fundamental and applied scientific problems for 85 years within the scientific paradigm of Russian Turkology in the 20th century. The change of the paradigms induces novel methodological principles, approaches, and structural transformations. The paper shows that each paradigm is characterized by new scientific and practical results based on previous research experience.

Keywords: Yakut linguistics, orthography and terminology, dialectology and dialectography, lexicology and lexicography, grammar, sociolinguistics.

Г.Г. Филиппов

DOI: 10.25693/SVG.2020.32.3.009

УДК 811.512.157'367.625.43

Развитие форм спряжений причастий якутского языка по именному типу предикации предложения

В тюркском языкознании спряжение личных форм глагола исследовано в разных аспектах: и исторически, и синхронно. Но нерешенных проблем еще много. Так, еще точно не выявлена функциональная форма спряжения причастия: имя действия, имя деятеля, причастие, личная форма глагола, деепричастие? Не установлены словоформы, употребляемые в качестве аффикса спряжения. Многие исследователи признают как аксиому положение о том, что аффиксом спряжения выступают личные местоимения. Также существует утверждение о том, что аффиксом спряжения становится аффикс принадлежности. А.М. Щербак пишет о том, что в настоящее время разграничение двух типов спряжения – лично-местоименного и притяжательного – настолько бесспорно и очевидно, что было бы, по меньшей мере, странным это игнорировать. Многие исследователи, признающие аффикс принадлежности одним из показателей спряжения, утверждают, что данный аффикс содержит в своей семантике значение прошедшего времени. Вместе с тем существует и утверждение Е.И. Убрятовой о том, что аффиксы принадлежности не присоединяются к причастным формам тюркских языков. Мы считаем, что тюркское простое предложение имеет именную тип спряжения. В данной статье обосновываем происхождение формы личного спряжения – омонима аффикса принадлежности путем стяжения связки в позиции спряжения именного сказуемого в прошедшем времени: $\text{э} + \text{ти} + \text{м}$ (*-н*, *0*, *-бит*, *-гит*, *-лэр*) и утверждаем: значение прошедшего времени этой форме придает именно данная спрягаемая форма. Для установления словоформы аффикса спряжения демонстрируем спряжение причастий по трем временным формам: причастное сказуемое прошедшего времени, причастное сказуемое настоящего времени и причастное сказуемое будущего времени. Также доказываем то, что аффикс принадлежности не может быть аффиксом спряжения именного сказуемого, так как изафет при причастии (имени) не может переходить в согласование.

Ключевые слова: причастие, имя действия, личный глагол, формы спряжения, именной тип спряжения, аффикс принадлежности, аффикс сказуемости, личное местоимение, стяжение связки.

Причастия тюркских языков имеют много общего и в то же время отличаются некоторыми особенностями, связанными с историческим обособленным развитием этих языков и с контактами с родственными и неродственными языками. Первичные причастия якутского языка имеют родственные связи с древнетюркским и древнеуйгурским языками. В то же время вторичные причастия на *-ааччы* и *-а/-ыы илик* схожи с сибирскими тюркскими языками. Якутский язык имеет и свои собственные причастия, образованные с помощью аффикса на *-лаах* от первичных причастий на *-быт/-батах*, *-ар/-бат* и *-яхах/-ымыах* [Убрятова, 1976].

Причастия имеют признаки и имени, и глагола, поэтому в синтаксической функции и в со-

четании с другими классами слов причастия приобретают своеобразные свойства. Сохраняя все признаки глагола, причастие управляет и спрягается, а как имя управляется (склоняется), согласуется, примыкает к имени.

Синтаксическая сочетаемость причастных синтетических и аналитических формообразований связана с их грамматическими признаками и природой их функционирования, с одной стороны, как глагола, с другой стороны, как именного образования.

В тюркологии существует аксиома: все функциональные формы глагола исторически восходят к причастным формам. Это подтверждается соответствием функций современных личных глаголов, деепричастий и инфинитивов с той

ролью, которую выполняют современные причастия при словоизменении и формообразовании. Все причастия, их синтетические и аналитические формообразования при спряжении выполняют функции личных глаголов, создают видо-время-модальные формы наклонений и времени. А причастия, склоняясь, становятся полипредикативными членами предложения, выполняют роль обстоятельственного зависимого предикативного члена, как и деепричастие. А также, в частности, некоторые падежные формы выступают в роли дополнительного (изъяснительного и инфинитивного) члена предложения, в которых аффикс дательного падежа на *-га* образует инфинитивные формы на *-ьяхха*, *-арга* и *-тахха*.

Причастные формообразования и словоизменения вызывают затруднения даже в синхронических исследованиях. Историческое же изучение этой проблемы без теоретической методологии сложно, и видимо, неэффективно. В свое время Е.И. Убрятова при синхронном изучении функции причастий и причастных форм использовала исторические комментарии и толкования. Такой подход способствовал не только описанию функции причастий, но и раскрытию их значений и развития семантики [Убрятова, 1985].

В современных тюркских языках для образования видо-время-модальных форм активно используются первичные деепричастия как основной элемент аналитической финитной формы. При этом первичные причастные формы участвуют как время-модальный элемент, а вспомогательный глагол образует видовую аналитическую форму, например: *бар+ан хаал+быт+ым* – уходить+ан остаться+быт+ым ‘уходив (завершить) остался’ – ‘уходить остался’ (завершающий вид); *көр+ө ис+нит+э* – видеть+ө (идти)+нит+э ‘видя (долго, всегда) шел’ – ‘видя шел’ (продолжительный вид); *ыл+а обус+убут+а* – брать+а ударить+убут+а ‘беря (быстро) ударил’ – ‘брать закончил мгновенно’ (кратный вид); *көр+ө тур+ар* – смотреть+ө стоять+ар ‘смотря (продолжать) стоял’ – ‘смотреть продолжает’ (продолжительный вид) [Харитонов, 1963].

В якутском языке, как правило, к аналитической форме вида могут присоединяться любые времяпричастные формы. Но не всегда эти деепричастные сочетания имеют подобные видо-вые значения. Эти сочетания могут иметь другое

видовое значение или даже функционировать как свободное словосочетание. Л.Н. Харитонов впервые выявил в якутском языке видовые значения деепричастий на *-ан* и *-а/-ы* с некоторыми вспомогательными глаголами. Впоследствии Е.И. Коркина установила, что сочетания деепричастия на *-ан тур+а+афф.* *сказуемости* и *-ан тур+ар+даах+афф.* *сказуемости* имеют значения прошедшего времени [Коркина, 1970].

Таким образом, природа деепричастных аналитических форм якутского языка иная, чем в сибирских языках, и ждет дальнейшего сравнительного исследования.

Тем не менее и эти данные доказывают, что для образования деепричастных аналитических форм важное значение имеют, во-первых, конкретная форма и значение деепричастия; во-вторых, второй компонент должен быть вспомогательным глаголом в форме основы глагола и с соответствующим значением; в-третьих, если второй компонент с другой временной формой приобретает иное видо-время-модальное значение, то 1) они с деепричастием образуют свободное словосочетание, например: *көрөн турабын* ‘стою и смотрю’; 2) второй компонент с соответствующей формой имеет особое время-модальное значение, например: *көрөн турабын* ‘увидел, было’, ‘наблюдаю, продолжаю смотреть’. Видимо, сибирско-тюркские языки с деепричастиями образуют аналитические формы подобного типа.

Особенности формообразования и словоизменения причастий якутского языка связаны с его глагольно-именными признаками, т.е. с его сочетаемостью с другими категориями слов.

Причастие как функциональная форма глагола имеет тройственное употребление. Во-первых, примыкая к именам и сочетаясь изафетом с именем, образует определительное единство: *үөрэнэр оҕо* ‘учащийся ребенок’, *күни үөрэнэр оскуолата* ‘школа, где учится он’. Во-вторых, спрягаясь, становится сказуемым простого предложения, т.е. употребляется в качестве личной формы глагола: *мин сарсын кэлиэбим* ‘я приду завтра’, *күни бэбэһээ барбыта* ‘он уехал вчера’. В-третьих, при склонении причастные сказуемые выступают зависимыми предикативными членами, сказуемыми придаточных предложений.

Причастные личные формы спрягаются подобно именным сказуемым с аффиксом сказуе-

мости. В якутском и тюркском языкознании также существует утверждение о том, что причастие спрягается с аффиксом принадлежности [Грамматика, 1982, с. 226; Щербак, 1981, с. 22–40; Севортян, 1956; Сравнительно-историческая грамматика, 2002]. И этот притяжательный аффикс имеет значение прошедшего времени, которое передается спрягаемой причастной форме [Убрятова, 1950, с. 104]. О.Н. Бетлингк это явление не смог объяснить. «Мне здесь не совсем ясно, как аффиксированное притяжательное выразило прошедшее время», – писал он [Бетлингк, 1990, с. 354]. То, что данный аффикс в якутском языке является стяженной формой показателя прошедшего времени $\text{э} + \text{ти} + \text{м}$ (*-н*, *-0*; *-бит*, *-гит*, *-лэр*) именного сказуемого, впервые установила Е.И. Коркина [Коркина, 1970, с. 116–121].

В современной тюркологии многие исследователи аффиксы спряжения финитных форм считают полными и краткими разновидностями аффикса сказуемости [Ооржак, 2018; Сай, 2017; Семин, 2017]. С.С. Сай, специально изучавший проблему кратких и полных форм аффиксов спряжения на материале башкирского языка, пишет: «Видимо, такая иерархия форм отражает этапы грамматикализационного развития. Известно, что все синхронно представленные в башкирском языке синтетические финитные глагольные формы индикатива имеют инфинитивное происхождение ... Очевидно, эти формы прошли развитие от именного к глагольному полюсу не в равной мере. Таким образом, сочетаемость с краткими показателями согласования является одним из грамматикализованных свойств, отражающих положение формы на пути от именных к глагольным сказуемым в башкирском языке» [Сай, 2017, с. 351].

В данной статье рассматриваются особенности спряжения якутских причастий в позиции сказуемого простого предложения в трех временах: прошедшем, настоящем и будущем. То есть к каждому причастию как имени существительному или прилагательному мы присоединяем формы именного сказуемого: прошедшего времени $\text{э} + \text{ти} + \text{м}$, (*-н*, *-0*, *-бит*, *-гит*, *-лэр*), форму настоящего времени с аффиксом сказуемости *-бын*, *-бын*, *-0*, *-бит*, *-гит*, *-лар* и форму будущего времени *буол* $\text{-уох} + \text{ум}$ (*-ун*, *-а*, *-нут*, *-хут*, *-тара*). Нас больше интересуют формы спряжения причастий в прошедшем и настоящем време-

нах, так как форма будущего времени образует перифрастическую форму от глагола *буол*-, которая изучена в тюркологии более основательно.

Словоизменение причастий – именное, но оно не совсем идентично со словоизменением имен существительных и прилагательных, так как причастие в сравнении с именами больше глагольно-предикативная словоформа, у которой видо-время-модальная семантика является исконной, а именная – в большей части функционально-ролевой. Именное сказуемое при спряжении по трем временам имеет следующие формы:

В прошедшем времени: *учуутал эти+м* (*-ин*, *0*, *-бит*, *-гит*, *-лэрэ*). Эта аналитическая спрягаемая форма, стягиваясь, образует синтетическую форму спряжения на *учуутал+ым* (*-ын*, *-а*, *-быт*, *-гит*, *-лара*).

В настоящем времени: *учууталбын* (*-гын*, *-0*, *-быт*, *-гит*, *-лар*).

В будущем времени: *учуутал буолуобум* (*-ун*, *-а*, *-нут*, *-хут*, *-тара*).

А.М. Щербак в «Очерке по сравнительной морфологии тюркских языков» пишет: «...аффиксы лица и числа, будучи выразителями предикативности, присоединяются не только к глаголу, но и к имени, однако совпадение глагольных форм с именными в этом плане охватывает, главным образом, первую, начальную, ступень развития глагольных показателей лица и числа [Щербак, 1981, с. 23–40]. Анализ показателей спряжения глагольных финитных форм Александр Михайлович проводит по трем группам: 1) формы настоящего, настоящего-будущего и других времен в форме желательного-сослагательного наклонения; 2) формы прошедшего времени изъявительного наклонения и в форме условного наклонения; 3) формы повелительного и желательного наклонений.

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Региональные реконструкции» анализ спрягаемых форм глагола проводят по группам языков: 1) огузская; 2) кыпчакская; 3) карлукско-уйгурская; 4) кыргызская; 5) тобаская; 6) якутская; 7) болгарская группа [Сравнительно-историческая грамматика, 2002].

Мы проводим анализ спряжения причастных финитных форм глагола якутского языка в свете именного типа предикации предложений.

Спряжение причастий не всегда соответствует данной системе, ибо их предикативное функ-

ционирование иное: в этой позиции причастие становится личным глаголом.

1. Спряжение первичных причастий

Спряжение причастия на *-ар/-ыыр/-бат*:

Настоящее время. Положительная форма: *бар+а()+бын*, *бар+а()бын*, *бар+ар*, *бар+а()+быт*, *бар+а()быт*, *бар+ал+лар*. Отрицательная форма: *бар+бап+нын*, *бар+бак+кын*, *бар+бат*, *бар+бап+ныт*, *бар+бак+кыт*, *бар+бат+тар*. Выражается действие, устанавливаемое говорящим лицом, происходящее в момент речи, постоянно или длительно.

Прошедшее время. Положительная форма: *бар+ар+ым* (этим), *бар+ар+ынг* (этинг), *бар+ар+а* (этэ), *бар+ар+быт* (этибит), *бар+ар+гыт* (этигит), *бар+ал+лар+а* (этилэр+э). Отрицательная форма: *бар+бат+ым* (этим), *бар+бат+ынг* (этинг), *бар+бат+а* (этэ), *бар+бап+ныт* (этибит), *бар+бак+кыт* (этигит), *бар+бат+тар+а* (этилэр+э). Имеет значение действия, прошлого, обычно совершаемого действия, свидетельствуемого говорящим лицом.

Будущее время. Положительная форма: *бар+ар буол+уоҕ+ум* (буолуом), *бар+ар буол+уоҕ+ун* (буолуон), *бар+ар буол+уоҕ+а* (буолуо), *бар+ар буол+уох+нут*, *бар+ар буол+уох+хут*, *бар+ар буо+уох+тар+а*. Отрицательная форма: *бар+бат буол уох+ум* (буолуом), *бар+бат буол+уох+ун* (буолуон), *бар+бат буо+уох+а* (буолуо), *бар+бат буол+уох+нут*, *бар+бат буол+уох+хут*, *бар+бат буол+уох+тар+а*.

Примечание: В 1-м и во 2-м лицах форма на *-ар/-ыыр* превращается в *-а/-ыы*, что О. Н. Бетлингк объяснил выпадением звука *-р* или появлением *-р* в 3-м лице. Е.И. Убрятова объяснила этот факт тем, что здесь смешались формы спряжения двух древних причастий на *-а/-ыы* и *-ар/-ыыр*. В современном якутском языке причастие в 1-м и 2-м лицах ед. и мн. числа не спрягается с аффиксом сказуемости, а в 3-м лице имеет форму спряжения с аффиксом сказуемости. Отрицательная форма на *-бат* также спрягается с аффиксом сказуемости. Поэтому полагаем, что и причастие на *-ар* раньше спрягалось с аффиксом сказуемости.

Спряжение причастия на *-быт/-батах*. Причастия на *-быт/-батах* не могут иметь форм настоящего времени по семантике. Но спряжение

с аффиксом сказуемости выражает не настоящее время, а прошедшее давнопрошедшее результативное эпизодическое действие, которое говорящий устанавливает или оглашает в момент речи. Положительная форма: *бар+быт+нын*, *бар+быт+кын*, *бар+быт*, *бар+быт+ныт*, *бар+быт+кыт*, *бар+быт+тар* 'ушел, оказывается'. Отрицательная форма: *бар+батах+нын*, *бар+батах+хын*, *бар+батах*, *бар+батах+ныт*, *бар+батах+хыт*, *бар+батах+тар* 'оказывается, не ушел'. Данное спряжение по значению соответствует спряжению аналитической формы *-быт эбит+аффикс сказуемости*. Положительная форма: *Барбыт эбит+нин* (-кин, -0, -нит, -кит, -тэр). Отрицательная форма: *бар+батах эбин+нин*, *бар+батах эбик+кин*, *бар+батах эбит*, *бар+батах эбин+нит*, *бар+батах эбик+кит*, *бар+батах эбит+тэр* 'оказывается, не ушел'. Вполне возможно, эта синтетическая форма могла образоваться от стяжения данной аналитической формы, так как сам аффикс сказуемости не может внести значение эвиденциальности (освидетельствования): 'оказывается'.

Спрягаемые формы причастия на *-быт/-батах* со связкой *э+ти-* в форме древнего аффикса сказуемости *-м* (*-н*, *-0*, *-бит*, *-гит*, *-лэр*) обозначают не прошедшее время, а прошедшее давнопрошедшее результативное одновременное действие, которое говорящий констатирует в момент речи как свидетель об установленном им уже тогда совершившемся действии. Положительная форма: *бар+быт этим*, *бар+быт этинг*, *бар+быт этэ*, *бар+быт эти+бит*, *бар+быт эти+гит*, *бар+быт эти+лэр* 'ушел (ушли) было'. Отрицательная форма: *бар+батах+этим*, *бар+батах+этинг*, *бар+батах этэ*, *бар+батах эти+бит*, *бар+батах эти+гит*, *бар+батах эти+лэр* 'не ушел (ушли) было'.

Примечание: стяженный вариант спряжения причастия на *-быт/-батах* *эти+м*: *-быт/-батах+м* (*-н*, *-а*, *-ныт*, *-хыт*, *-тара*) в современном якутском языке имеет иное значение и выражает прошедшее давнопрошедшее результативное одновременное действие, которое говорящий констатирует в момент речи как достоверный очевидец совершенного в прошлом действия. Положительная форма: *бар+быт+ым*, *бар+быт+ынг*, *бар+быт+а*, *бар+бын+ныт*, *бар+бык+кыт*, *бар+быт+тара* 'ушел (ушли)'.

Отрицательная форма: *бар+батах+ым, бар+батах+ын, бар+батах+а, бар+батах+ныт, бар+батах+хыт, бар+батах+тара* ‘не ушел (ушли)’.

Спряжение причастия на *-ых/-ымах-ья* *суох* со связкой *э+ти* в форме древнего аффикса сказуемости *-м* (*-н, -о, -ныт, -хыт, -тар*) выражает: 1) модальность с будущим временным значением, которую говорящий констатирует в момент речи как желание, просьбу, совет; 2) сослагательную модальность, в которой данная форма выражает то, что при наличии условного периода говорящий мог бы совершить действие. При этом в зависимости от значения условного периода форма на *-ых* *этим* выражает то будущее, то прошедшее время: *кэлэринг* (*кэлбитин*) *буоллар, кэпсиэх этим* ‘если придешь (пришел бы), расска(жу) (рассказал бы)’.

Положительная форма: *бар+ых (ья) этим, бар+ых (ья) этинг, бар+ых (ья) этэ, бар+ых (ья) эти+бит, бар+ых (ья) эти+гит, бар+ых (ья) эти+лэр* ‘ушел (ушли) бы’. Отрицательная форма: *бар+ымах (ья суох)+этим, бар+ымах (ья суох)+этинг, бар+ымах (ья суох) этэ, бар+ымах (ья суох) эти+бит, бар+ымах (ья суох) эти+гит, бар+ымах (ья суох) эти+лэр* ‘не ушел (ушли) бы’.

Примечание: связка *э+ти*+древний аффикс сказуемости, который все предикаты переносит в прошлое время. В данном случае причастию на *-ых* с семантикой будущего времени придает желательное и сослагательное значения. Имени аффикс придает значение ‘был кем’, причастию на *-ых* – еще ‘был ... -щим’. Данное значение потенциально (скрыто) существует. Оно сохраняется и при стяжении *-ых этим* (...) на *-ыабым* (*-ын, -а, -ныт, -хыт, -тара*), например: *Кини кэлиэбиттэн биһиэхэ саха тылын үөрэтэр.* – ‘С тех пор как он приехал, он нам преподает якутский язык’. Положительная форма: *бар+ых+ым, бар+ых+ын, бар+ых+а, бар+ых+ныт, бар+ых+хыт, бар+ых+тара* ‘уйду (-ешь, -ет, -ем, -ете, -ут)’. Отрицательная форма: *бар+ымах+ым, бар+ымах+ын, бар+ымах+а, бар+ымах+ныт, бар+ымах+хыт, бар+ымах+тара* ‘не уйду (-ешь, -ет, -ем, -ете, -ут)’. В современном якутском языке значения аналитической и синтетической форм спряжения разошлись. Если аналитическая форма от ‘был кем’ стала выражать желатель-

ность и сослагательность, то синтетическая форма – будущее действие, например: *Бугун кини миигин кытта тыйаатырга сылдыаба* – ‘Сегодня он со мной сходит в театр’.

Спрягаемая форма причастия на *-ых* с аффиксом сказуемости не стала личной формой. Положительная форма: *бар+ых+нын* ‘уходящий я’, *бар+ых+хын* ‘уходящий ты’, *бар+ых* ‘уходящий он’, *бар+ых+ныт* ‘уходящие мы’ (омоформа ‘уйдем’), *бар+ых+хыт* ‘уходящие вы’ (омоформа: ‘уйдете’), *бар+ых+тар* ‘уходящие они’. Отрицательная форма: *бар+ымах+нын* ‘неуходящий я’, *бар+ымах+хын* ‘неуходящий ты’, *бар+ымах* ‘неуходящий он’, *бар+ымах+ныт* ‘неуходящие мы’ (омоформа ‘не уйдем’), *бар+ымах+хыт* ‘неуходящие вы’ (‘не уйдете’), *бар+ымах+тар* ‘неуходящие они’. В переводе данное спряжение не имеет личного значения. Это спряжение примечательно и тем, что оно свидетельствует о том, что причастия не всегда имели личные свойства глагола.

Сочетание причастия на *-ых* с глаголом *буол* – ‘будь’ в форме будущего времени на *-ых+ым* (*-ын, -а, -ныт, -хыт, -тара*) (в единственном числе часто употребляется *буолуом, буолуон, буолуо*) обозначает согласие совершить действие, например: *барых буолуом* ‘соглашусь пойти’, *сытых буолуом* ‘соглашусь лечь’, *от охсуох буолуом* ‘соглашусь косить (траву)’. Подобное сочетание глагола *буол* с именами и причастиями образует сложный глагол, к которому могут присоединяться любые функциональные формы глагола.

Древнее причастие на *-тах/-батах* не спрягается с аффиксом сказуемости, со связкой *э+ти* ‘был’ и глаголом *буол* – ‘будь’. Спрягается только с аффиксом принадлежности. Положительная форма: *Мин (эн, кини, биһиги, эһиги, кинилэр) көрдөх* (*-үм, -үң, -ө, -пүт, -хүт, -төрө*) – ‘Я (ты, он, мы, вы, они), возможно, увида (-л, -ли)’. Отрицательная форма: *Мин (эн, кини, биһиги, эһиги, кинилэр) көрбөтөх* (*-үм, -үң, -ө, -пүт, -хүт, -төрө*) *буолуо* ‘Я (ты, он, мы, вы, они), возможно, не увида (-л, -ли)’. Выражает предположение говорящего лица об уже состоявшейся совершенности действия в прошедшем времени или служит для обозначения действий уже состоявшихся к моменту речи, близкого к значению прошедшего категорического време-

ни, но осложненного дополнительным эмоционально-модальным оттенком: *Эрэй диэни энгэрдэстэбим, буруй диэни мунастабим!* ‘Со страданием спутничал ведь, с мучениями боролся ведь я!’ [Коркина, 1970, с. 271].

Примечание: интересно то, что причастие на *-тах* растеряло не только спряжение, но и парадигму словоизменения. Видимо, причиной тому стало изменение первоначальной семантики, т.е. вытеснение его формой на *-быт*. При этом отрицательная форма на *-батах* стала обозначать отрицание причастия на *-быт* в древнетюркском и якутском языках. В тех языках, где причастие на *-тах* (-дух) сохранилось, отрицание на *-ма-быт* не вытеснено формой на *-матах*.

2. Спряжение вторичных причастий

Все вторичные причастия (*-быттаах/-батахтаах*, *-ардаах/-баттаах*, *-яхтаах/-мыахтаах/-ья суохтаах*, *-а/-ыы илик*, *-ааччы/-ааччыта суох*), в основном, спрягаются одинаково формами: *-э+ти+древний* аффикс сказуемости, со стяженным новым аффиксом спряжения и аффиксом сказуемости.

Спряжение причастия на *-а/ыы илик* со связкой *э+ти* в форме древнего аффикса сказуемости *-им* (*-инг*, *-а*, *-нит*, *-кит*, *-тэрэ*) выражает установленное говорящим в прошлом несовершившееся действие в момент речи, например: *Мин былларыын баччаҕа куоракка киһирэ илигим (илик этим)* – ‘В прошлом году в это время я в город еще не переехал было’; *Тыа дьоно урут массыына көлөнү көрө илик этилэр (иликтэрэ)* – ‘Сельские люди тогда машину-возчика еще не видели было’.

Спряжение причастия на *-а/ыы илик* с аффиксом сказуемости *-пин* (*-кин*, *-0*, *-пит*, *-кит*, *-тэрэ*) выражает несовершившееся в данный момент действие, подтверждаемое говорящим лицом, например: *Мин эйигиттэн үлэбэ ыларга көрдөһө иликпин* – ‘Я вас не просил принять меня на работу’; *Василий бүгүн манна көстө илик* – ‘Василий сегодня здесь не появлялся’.

Причастие на *-ааччы* выражает обычно совершаемое действие, поэтому его семантика отражает произошедшие в прошлом и повторявшиеся и потому ставшими обычными действия. Спряжение причастия на *-ааччы* с аффиксом сказуемости имеет некоторые особенности. Положительная форма: *көр+өөччү+бүн* (*-гүн*, *-0*, *-бүт*, *-гүт*, *-лэрэ*) – ‘видел(и), бывало’. Отрица-

тельная форма: *көр+өөччү+м* (*-үг*, *-тэ*, *-бүт*, *-гүт*, *-лэрэ*) *суох*; *көр+өөччүтэ суох-пун* (*-хун*, *-0*, *-пунт*, *-хут*, *-тар*), ‘не видел(и), бывало’, например: *мин кинини куруук кулуупка көрөөччүбүн* – ‘я его всегда видел в клубе’. *Эн биһиэхэ сайылыкка сылдьааччыгын* – ‘Ты у нас бывал на летнике’; *Кини биһигини көрөөччүтэ суох* – ‘Он нас не замечал’.

Спряжение причастия на *-ааччы* со вспомогательным глаголом *э+ти* с древним аффиксом сказуемости. Положительная форма: *көр-өөччү э+ти+м*, (*-г*, *-0*, *-бит*, *-гит*, *-лэрэ*). Отрицательная форма: *көр-өөччү+м* (*-үг*, *-тэ*, *-бүт*, *-гүт*, *-лэрэ*) *суох этэ*; *көр-өөччүтэ суох-пун* (*-хун*, *-0*, *-пунт*, *-хут*, *-тар*) *этэ* ‘не видел(и) бывало’, например: *Кини ол туһунан санатааччыта суох этэ* – ‘Он об этом никогда не напоминал было’; *Эн обо сылдьан биһиэхэ Арыылаахха хонооччу этин* – ‘Ты в детстве у нас на Арылахе (часто) ночевал было’; *Сайын Илдьингэ куруук ардааччы этэ* – ‘Летом в Ильин день всегда дождь шел бывало’. Спряжение со стяженным вариантом в современном якутском языке почти не употребляется. Оно осталось в языке как часть спряжения отрицательного варианта: *көр-өөччү+м* (*-г*, *-тэ*) *суох*. *Сайын дойдубар кэлэн баран кинини көрөөччүм суох (көрөөччүтэ суох-пун)* – ‘Летом, когда приезжал на родину, я его не видел’. Таким образом, значения спряжения с аффиксом сказуемости в положительной форме и стяженного варианта в отрицательной форме как бы сблизились: *Кыһын үөрэх кэмигэр эрэ көрсөөччүбүн* – ‘Только зимой во время учебы встречал’. Оба варианта спряжения с аффиксом сказуемости и со связкой *э-ти* обозначают прошедшее обычно совершаемое действие, подтверждаемое говорящим лицом. Они отличаются тем, что, во-первых, с аффиксом сказуемости говорящий выражает достоверное утверждаемое обычно совершенное действие в прошлом в момент речи, а со связкой *-э+ти+древний* аффикс сказуемости обозначает освидетельствуемое обычно совершенное говорящим лицом действие: *сылдьааччы этэ* ‘навещал бывало’, *көрөөччү этэ* ‘смотрел бывало’. Таким образом, в спряжении причастия на *-ааччы* аффикс сказуемости не имеет значения настоящего времени, как в именном спряжении, оно подавляется семантикой прошедшего времени причастия, а при спряжении со связкой *э+ти* с древним аф-

фиксом сказуемости значение прошлого сохраняется как свидетельство прошлого повторявшегося действия.

Именная частица *суох* ‘нет’ образует отрицательную форму двумя способами, которые имеют одинаковое значение: *көр-өөччү+м* (-ун, -тэ, -бүт, -гүт, -лэрэ) *суох*; *көр-өөччүтэ суох-пун* (-хун, -0, -пут, -хут, -тар) ‘видел(и) бывало’. Данное отрицание по форме соответствует отрицанию именного изафетного сказуемого: 1) *ат-а суох-пун* (-хун, -0, -пут, -хут, -тар). Эта форма соответствует категории обладания (*аттаахпын* ‘имею коня’ *ата суохпун* ‘не имею коня’); 2) *ат-ым* (-ын, -а, -ныт, -кыт, -тара) *суох*. Эта форма соответствует сказуемостному сложному предложению (*Мин оџом суох* ‘Мой ребенок отсутствует; У меня ребенок отсутствует; У меня ребенка нет’) Например: *Мин дџонум массынаата суохтар* ‘Мои родители не имеют машины’. *Биһиги массынаабыт суох* ‘У нас машины нет (У нас машина отсутствует); Мы не имеем машины’.

Данные причастные аналитические формы, видимо, схожи по структуре с отрицательным именным изафетным сказуемым: 1) *бар-ааччы+та суох-пун* (-хун, -0, -пут, -хут, -тар) ‘У меня нет уходящего’, ‘я обычно не уходил’; 2) *бар-ааччы+м* (-ын, -а, -ныт, -кыт, -тара) *суох*, ‘Мой уходящий отсутствует’, ‘я обычно не уходил’, но по семантике представляют совсем иные образования, что связано с функциональной и глагольной особенностями причастия.

Выражение *ата суох+пун* обозначает ‘я не имею коня’, а *бар-ааччыта суохпун* имеет двойное значение: 1) ‘я не имею человека, который совершал действие’; 2) ‘я обычно не уходил’. Здесь второе значение невозможно вывести из первого, так как значение ‘я не имею уходившего’ не может превратиться в ‘я не уходил’. Здесь, видимо, мы имеем дело с омонимами: 1) *бар-ааччы+та* – ‘его уходящий (изафет)’; 2) *бар-ааччы+та* (этэ) – ‘уходил было’ (спряжение).

Некоторые исследователи склонны считать, что предикативное спряжение произошло из изафета. Такое суждение кажется абстракцией. *Барааччым* (‘мой уходящий’) – имя деятеля, а не имя действия. Поэтому *барааччым суох* ‘мой уходящий отсутствует (у меня нет уходящего)’ не может так просто перейти в личный глагол ‘(я) не уходил’. А причастие *барааччы этим* ‘я

не уходил’ может стать глагольным сказуемым. *Барааччыта суохпун* (‘уходящего у меня нет’) тоже трудно преобразовать в ‘я не уходил’. *Барааччыта* (он) уходил бывало’ *суохпун* ‘я нет’, возможно, выражает ‘я не уходил бывало’. Проследим аналогию превращения подобного сочетания в аналитическое единство. Есть симулятивное выражение от *барбыта буол* ‘будь, стать уходящим’, как будто превратилось в ‘притворно уходить’. Здесь также *барбыта буол* первоначально имел значение ‘соверши, будто уход сделал, кажется, будто уходил’, т. е. форма *бар+быт+а* – не изафет причастия ‘его уходящий’, а личный глагол ‘он уходил’. Поэтому образуется симулятивность ‘кажется, будто уходил’. Таким же образом *барааччым* и *барааччыта* в сочетаниях *барааччым суох* и *барааччыта суохпун* – не причастные составные сочетания, а предикативные словосочетания.

Вторичные причастия, образованные аффиксом на -лаах, все имеют одинаковое спряжение и имеют личнопредикативное употребление: спряжение со связкой *э-ти+м* (-н, -0, -бит, -гит, -лэр) имеет одинаковое значение со стяженным спряжением -ым (-ын, -а, -быт, -гыт, -лара).

Спряжение причастия на -быттаах/-батахтаах со связкой *э-ти-* и ее стяженной формой. Положительная форма: *бар+быттаах э-ти+м* (-н, -э, -бит, -гит, -лэр); *барбыттаах+ым* (-ын, -а, -быт, -гыт, -лара) ‘уходил было раз’. Отрицательная форма: *бар+батахтаах э-ти+м* (-н, -э, -бит, -гит, -лэр); *барбатахтаах+ым* (-ын, -а, -быт, -гыт, -лара) ‘не уходил было раз’. Данная форма обозначает свидетельствуемое говорящим лицом давнопрошедшее результативное эпизодическое законченное действие, например: *Былыр спартакиадаба мас тардыспыттаах этим* (*тардыспыттаабым*) – ‘Давно (один раз) в спартакиаде перетягивал палку (было)’; *Биирдэ саас кыталык үнкүүтүгэр түбэспиттээбим* (*түбэспиттээх этим*) – ‘Однажды весной случайно попал на танец стерхов’; *Эн хомуньуустуу субуотунньукка кыттыбатахтаах этинг* – ‘Было раз, ты не принимала участие в коммунистическом субботнике’.

Спряжение причастия на -ардаах/-баттаах со связкой *э-ти-* и ее стяженной формой. Положительная форма: *бар-ардаах э-ти+м* (-н, -э,

-бит, -гит, -лэр); *барардаах-ым* (-ын, -а, -быт, -гит, -лара) 'обязан был уходить'. Отрицательная форма: *бар-барбаттаах э-ти+м* (-н, -э, -бит, -гит, -лэр); *барбаттаах-ым* (-ын, -а, -быт, -гит, -лара) 'обязан был не уходить'. Данная форма выражает свидетельствуемое и воспринятое в прошлом как обязательство говорящим лицом долженствовательное действие, например: *Сайын бырааппар дьиз тутуһардаабым* – 'Летом обязан был помочь брату построить дом'; *Кини эпэтэбэ буоллар, кэлбэттээх этим* – 'Если он бы не напомнил (сказал), я мог бы не приехать'. Отрицательная форма часто обозначает невозможное действие *кини ыллаабаттаах этэ* 'он не обязан был петь (он не спел бы)'.

Спряжение причастия на *-ыхтаах/-мыахтаах/-ья суохтаах* со связкой *э-ти-* и ее стяженной формой. Положительная форма: *бар-ыхтаах э-ти+м* (-н, -э, -бит, -гит, -лэр); *барыхтаах+ым* (-ын, -а, -быт, -гит, -лара) 'должен был уходить'. Отрицательная форма: *бар+ымыахтаах/-ья суохтаах э-ти+м* (-н, -э, -бит, -гит, -лэр); *бар+ымыахтаах/-ья суохтаах+ым* (-ын, -а, -быт, -гит, -лара) 'должен был не уходить'. Данная форма выражает свидетельствуемое говорящим лицом долженствовательное в прошлом действие, например: *Куораттан тахсан, боломуочунай холкуос окко бэлэмин көрүүхтээбэ* – 'Уполномоченный, приехав из города, должен был посмотреть готовность колхоза к сенокосу'; *Биһиги нэһилиэк олохтоохторо быыбарга сүүс бырыһыан кытыахтаах этибит* – 'Население нашего наслега в выборах должно было участвовать на сто процентов'; *Эһиги эдэр дьон арыгыны букатын иһиэ суохтаах этигит* – 'Вы молодые люди спиртное совсем не должны были употреблять'. Отрицание на *-ья суохтаах* образуется от формы на *-ья суох* по типу: *барардаах* – *барбаттаах*; *иһиэхтээх* – *иһимиэхтээх* – *иһиэ суохтаах*. А форма *-ья суох* образована аналогично: *кини аттаах* – *кини ата суох*, но *кини бар+ыха+а суох* происходит от *кини барыха (-ья) э+ти*. Это – предикативное словосочетание, т.е. спряжение.

Вторичные причастия на *-быттаах/-батахтаах*, *-ардаах/-баттаах*, *-ыхтаах/-мыахтаах/-ья суохтаах*, с аффиксом сказуемости спрягаются одинаково и выражают установленную говорящим лицом в момент речи досто-

верную модальность, соответствующую по семантике данных причастий.

Причастие на *-быттаах/-батахтаах* при спряжении аффиксом сказуемости. Положительная форма: *барбыттаах+нын* (-хын, -0, -ныт, -хыт, -тар) 'уходил(и)'. Отрицательная форма: *барбатахтаах+нын* (-хын, -0, -ныт, -хыт, -тар) 'не уходил(и)' выражает давнопрошедшее результативное эпизодическое достоверное прошедшее действие, установленное говорящим лицом в момент речи. Например: *Биһрдэ мин кыраныысса таһыгар сылдыбыттаахпын* – 'Однажды я побывал за границей'; *Биһиги онно сылдьан, кинини көрсүбүттээхпит* – 'Мы там и с ним встретились (его встретили)'; *Кини кэпсээниттэн долгуйан, утуйбатахтаахпын* – 'Разволновавшись его рассказам, не спал (было)'.

Причастие на *-ардаах/-баттаах* при спряжении аффиксом сказуемости. Положительная форма: *бар-ардаах +нын* (-хын, -0, -ныт, -хыт, -тар) 'обязан (ы) уходить'. Отрицательная форма: *бар-баттаах +нын* (-хын, -0, -ныт, -хыт, -тар) 'обязан(ы) не уходить' выражает долженствовательное, воспринятое как обязательство действие, установленное говорящим лицом в момент речи, например: *Мин быйыл мабыыстыр диссэртээссийэтин суруйардаахпын* – 'Нынче я обязан написать магистерскую диссертацию'; *Оччоҕо эн быйыл уопускаҕа барбаттааххын* – 'Тогда ты в этом году в отпуск не сможешь уходить'; *Кини ийэтигэр харчы ытардаах* – 'Он должен (обязан) отправить деньги матери'.

Причастие на *-ыхтаах/-мыахтаах/-ья суохтаах* при спряжении аффиксом сказуемости. Положительная форма: *бар-ыхтаах +нын* (-хын, -0, -ныт, -хыт, -тар) 'должен (должны) уходить'. Отрицательная форма: *бар-ымыахтаах/-ья суохтаах +нын* (-хын, -0, -ныт, -хыт, -тар) 'должен (должны) не уходить' выражает долженствовательное, воспринятое как необходимое желание действие, установленное говорящим лицом в момент речи, например: *Мин быйыл хайаан да үөрэххэ кириэхтээхпин* – 'В этом году я обязательно должен поступить на учебу'; *Бу суругу кини көрүү да, билиэ да суохтаах* – 'Это письмо он не должен читать и знать'; *Үлэһиттэр хамнастарын кэмигэр ылаахтаахтар* – 'Рабочие зарплату должны получать вовремя'.

Все вышесказанное можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица

Спряжение причастий современного якутского языка

Причастия	э+ти+м	Стяженный вариант	Аффикс сказуемости	Аффикс принадлежности	э+бит афф. сказ.
-ар	+	+	+(?)	?	+
-бат	+	+	+	?	+
-быт	+	(+)?	+	(+)?	+
-батах	+	(+)?	+	(+)?	+
-ыа	+	(+)?	нет	(+)?	+
-ыах	+	(+)?	нет	(+)?	+
-мыах	+	(+)?	нет	(+)?	+
-ыа(м) суоҕа	нет	+?	нет	(+)?	эбит
-тах	нет	(+)?	нет	(+)?	нет
-ардаах	+	+	+	?	+
-баттаах	+	+	+	?	+
-ыахтаах	+	+	+	?	+
-ыа суохтаах	+	+	+	?	+
-ымыахтаах	+	+	+	?	+
-быттаах	+	+	+	?	+
-батахтаах	+	+	+	?	+
-ааччы	+	+	+	?	(+)
-ааччыта суох	+	+	+	?	(+)
-ааччым суох	нет	(+)	нет	(+)?	эбит
-а/-ыы илик	+	+	+	?	+

В якутском языке финитные причастные формы спрягаются следующим образом:

1) все вторичные причастия: с полным аффиксом сказуемости, связками *э+ти+древний аффикс сказуемости*, её стяженной формой (*э+ти+м* – *им*, *э+ти+н* – *ин*, *э+ти* – *э*, *э+ти+бит* – *ибит*, *э+ти+гит* – *игит*, *э+ти+лэр* – *лэр(э)*) и связкой *э+бит+полным аффиксом сказуемости*;

2) все первичные причастия: связками *э+ти+древний аффикс сказуемости*, её стяженной формой и связкой *э+бит+полным аффиксом сказуемости*;

3) причастие на *-ар* в 1-м и 2-м лицах ед. и мн. ч. имеет форму *-а/-ыы+аффикс сказуемости*, таким образом в этих лицах не имеет предикативной формы: *барарбын*, *бараргын*, (*барарбыт*, *бараргыт* – это омоформы) со значением настоящего времени.

4) причастия на *ыах/-ымыах* и *-тах* также не спрягаются с полным аффиксом сказуемости;

5) только причастие на *-быт/-батах* имеет все формы спряжения: с полным аффиксом сказуемости, связками *э+ти+древний аффикс сказуемости*, её стяженной формой и связкой *э+бит+полным аффиксом сказуемости*;

6) причастие на *-тах* спрягается только стяженной формой *-м, -н, -а, -пыт, -хыт, -тара*, производной от спрягаемой формы связки *э+ти+ древний аффикс сказуемости*;

7) значения нестяженной и стяженной форм спряжения связки *э+ти+древний аффикс сказуемости* у причастий на *ых/-ымах, -быт/-батах* и *-тах* изменились;

8) значения спряжения причастия на *-быт/-батах* с полным аффиксом сказуемости и связкой *э+бит+аффикс сказуемости* идентичны, что приводит к мысли, что краткая форма могла произойти от стяжения спряжения связки *эбит* с аффиксом сказуемости (*э+бит+пин – пин, э+бит+кин – кин, э+бит+0 – эбит, э+бит+пит – пит, э+бит+кит – кит, э+бит+тэр – тэр*). Так как семантика спряжения *-быт+нын* (*барбыппын* ‘оказывается, ушел’) очень близка значению связки *эбит+аффикс сказуемости* (*барбыт эбитпин* ‘оказывается, ушел’).

Из вышеизложенного можно сделать следующее заключение.

1. Причастные личные глагольные формы образуются по типу именных сказуемых (предикативных членов): во-первых, аффикс сказуемости выражает то, что сказуемое имеет значение настоящего времени или свидетельствует о былом действии, которое обнаруживается в момент речи; во-вторых, спряжение со связкой *э+ти* с древним аффиксом сказуемости показывает, что сказуемое относится к прошедшему времени или свидетельствует о прошлом действии; в-третьих, для образования будущего времени используется вспомогательный глагол *буол – ‘будь’* в форме будущего времени на *-ых/-ымах/-ья суох*.

2. Причастные аналитические личные формы глагола создаются по типу составных именных сказуемых: *киһи мин – киһибин* ‘человек - я’; *оьо+то мин – оьотобун* ‘ребенок его - я’; *оьом (-н, -то, -бут, -ьут, -лоро) суох* ‘у меня (тебя, него...) ребенка нет’; *киһи буол+аффикс времени+аффикс лица* ‘человек будь + время’; *учуутал э+ти+древний аффикс сказуемости* ‘учитель (ем) был’.

3. Оглаголивание причастных предикативных форм, по нашему предположению, происходит благодаря глагольной природе основы причастия, видо-время-модальной семантике причастия и глагольной семантике спрягаемой

формы. *Барбытым баар* ‘ушел я – есть’, ‘мой уходящий есть’; – *барбытым суох* ‘ушел я – нет’, ‘мой уходящий отсутствует (нет)’; *Барбытым (этим) баар* ‘есть то, что ушел’, ‘уходящий мой – есть’; *барбытым (этим) суох* ‘нет то, что ушел; не уходил было’, ‘мой уходящий – отсутствует (нет)’; *барыам суоҕа (суох этэ)* ‘не уйду’; *барыабым суоҕа (суох этэ)* ‘не было уходящего’, ‘уйду – не было’; *барааччым суох* ‘мой уходящий нет (отсутствует)’, ‘нет моего уходящего’, ‘уходил – нет’; *барааччым (этим) суох* ‘обычно, я не уходил’; *барыахпын* ‘уходящий – я’.

Таким образом, в якутском языке существуют два омонимичных аффикса: аффикс принадлежности и стяженный новый аффикс спряжения. Стяженный аффикс содержит, кроме значения прошедшего времени, глагольную суть, которая придает спрягаемой форме глагольность. Аффикс сказуемости, видимо, также имеет омоформу, образованную от связки *э+бит+аффикс сказуемости*. Эта форма имеет значение очевидности и результативности, констатации освидетельствования момента речи и глагольности.

4. Аффикс сказуемости употребляется при сказуемом со значением настоящего времени (причастия на *-ар/-бат, -илик*) или когда говорящий констатирует действие в момент речи (причастия на *-быт/-батах, -ааччы/-ааччыта суох, -ыхтаах/-ымахтаах/-ья суохтаах, быттаах/-батахтаах, -ардаах/-баттаах*), а причастия на *-тах, -ых/-ымах* с аффиксом сказуемости не спрягаются, причастия на *-ых/-ымах* и *-ар* с аффиксом сказуемости не имеют признаков личного глагола.

5. Связка *э+ти+древний аффикс сказуемости* дополняет причастный показатель значения лица и числа, а также относительным прошедшим временем, которое, соотносясь с семантикой причастия, образует видо-время-модальное значение аналитической формы (сказуемого). Связка, стягиваясь, образует аффикс лица со значением прошедшего времени. С этим аффиксом спрягаются все причастные формы. Из них форма на *-тах* спрягается только с этим аффиксом. В якутском языкознании многие исследователи спряжение причастий на *-быт/-батах, -ых/-ымах, -тах* и *-ар/-бат* с этим аффиксом неправомерно (ошибочно) считают спряжением с аффиксом принадлежности.

6. Вспомогательный глагол *буол* 'будь' с причастиями образует перифрастическую форму, т. е. к ней могут присоединяться все функциональные формы глагола, которые в соотношении со значением причастия создают различные видо-время-модальные аналитические формы и конструкции. А спряжение в форме причастия будущего времени (например, в якутском языке формой на *-ыха/-мыах/-ыа(м) суоҕа*) образует форму будущего времени.

7. Если значения именных составных предикатов мотивированы значениями составляющих их частей, а временное значение исходит из спряжения сказуемого, то причастное составное сказуемое создает аналитическое единство с единой видо-время-модальной семантикой в купе со значением всех составляющих его частей.

8. Таким образом, в современном якутском языке спряжение причастных личных форм глагола имеет развитую стройную систему (см. таблицу), которая сформировалась по типу сочетаний: *киһи+мин* 'я человек' и *кыһыл э+ти+древний* аффикс сказуемости *кыһыл+ым* 'я красный был'. Аффикс принадлежности не может быть личным показателем спряжения, так как причастия не присоединяют его в данной позиции и 'мой' не может абстрагироваться в 'я'. Мы полагаем, что в *барбытым, барыабым, бардабым* аффикс лица – не аффикс принадлежности, а аффикс лица, образованный путем стяжения аналитической формы (*барбыт, барыха, бардах*) + *э+ти+м(ым)*. В якутском языке причастия не спрягаются напрямую с древним кратким аффиксом сказуемости, а также в нем отсутствует характерное для других тюркских языков стяжение полного аффикса сказуемости, тем самым их дублированное употребление.

9. В современных тюркских языках функционирующие при спряжении причастных финитных форм так называемые аффиксы принадлежности с семантикой прошедшего времени на самом деле очевидно, являются омоформами, производными от стяжения связи *э+ти+древний аффикс сказуемости*.

То, что полный аффикс сказуемости связан со значением настоящего времени [*киһи+мин* в данный момент я – тот человек, *барар+бын* – в данный момент я – тот уходящий, *барыха+пын* – в данный момент я – тот будущий уходящий, *бара илик+пин* – в данный момент я – тот еще

не ушедший (не уходил), *барыхтаах+пын* – в данный момент я – тот должный уходить (должен уходить), *барааччы+бын* – в данный момент я – тот обычно уходящий (обычно уходил), *барбыт+пын* – в данный момент (узнал) я – оказывается, тот уходивший (уходил, оказывается), *барардаах+пын* – в данный момент я – тот обязанный уходить (обязан уходить)], который показывает его связь с категорией момента речи и совершения действия с определенным, конкретным субъектом действия 'тот' – показателя лица. Видимо, поэтому первичные неопределенные показатели лица – аффиксы лица – дополнительно присвоили себе элемент «н» со значениями эвиденциальности (освидетельствования), определенности («я – тот», «ты – тот», ...) и момента констатации настоящего времени (в данный момент субъект имеет такое отношение к действию). Вследствие чего личным глагольным формам с характерными временными значениями стало свойственно спряжение с полными формами сказуемости. А формы с относительными прошедшими временными значениями спрягаются с новым кратким аффиксом сказуемости -им, -ин, -э, -бит, -гит, -лэрэ [*э+ти+м* (-н, 0, -бит, -гит, -лэрэ)] – с омоформой аффикса принадлежности.

Литература

- Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск, 1976. – 346 с.
- Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.–Л.: Наука, 1950. – 304 с.
- Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1985. – 98 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
- Бетлингк О.Н. О языке якутов / Перевод с немецкого В.И. Рассадина. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
- Севортян Э.В. Категория принадлежности / История сравнительной грамматики тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: Наука, 1956. – 335 с.
- Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – М.–Л.: Наука, 1960. – 180 с.
- Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.
- Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). – Л.: Наука, 1981. – 183 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.

Сай С.С. Лично-числовое согласование независимых глагольных сказуемых в башкирском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН Т. XXXIII. Ч. 1. Исследования по грамматике башкирского языка. – СПб.: Наука, 2017. – С. 308–352.

Семина А.В. Употребление аффиксов сказуемости в башкирском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН Т. XXXIII. Ч. 1. Исследования по грамматике башкирского языка. – СПб.: Наука, 2017. – С. 353–375.

Ооржак Б.Ч-О. Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири). Автореферат диссертации ... доктора филол. н. – Новосибирск, 2018. – 52 с.

G.G. Filippov

The Development of Participle Conjugation Forms of the Yakut Language in the Nominal Type of Sentence Predicate

In Turkic linguistics, the conjugation of personal verb forms has been studied from different sides: both historically and synchronously. It seems that all the problems are thoroughly covered. But at the same time, unresolved problems still remain. First of all, what functional form is actually conjugated: the name of the action, the name of the activist, the participle, the personal form of the verb, the participle? There are also questions about which word forms are used as conjugation affixes. Many scholars, as an axiom, recognize that personal pronouns are the conjugation affix. There is also a claim that the affix of affiliation becomes the affix of conjugation. A. M. Scherbak writes that at present, the distinction between the two types of conjugation – personal-pronoun and possessive – is so indisputable and obvious that it would be at least strange not to notice or ignore it. Many researchers who agree that the affix of affiliation is one of the indicators of conjugation believe that affinity in its semantics contains the meaning of the past tense. At the same time, there is a provision by E.I. Ubryatova that the participial forms of the Turkic languages do not attach the affix of belonging.

We agree with the statement that the Turkic simple sentence has a nominal type of conjugation. This article provides a rationale for the origin of the form of personal conjugation - a homonym for the affix of affiliation by tightening the link in the position of conjugation of a nominal predicate in the past tense: e+ti+m (-н, 0, -bit, -git, -ler). To this end, we show the conjugation of participles in three temporary forms (participle predicate of past tense, participle predicate of present tense and participle predicate of future tense). We also prove that the affix of belonging cannot be an affix of conjugation of a nominal predicate.

Keywords: participle, action name, personal verb, conjugation forms, nominal conjugation type, affinity affiliation, predicate affix, personal pronoun, conjugation.

А.А. Петров

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.010

УДК 811.512.211+811.512.19

Оленеводческая лексика эвенского и долганского языков: опыт сравнительного анализа

Цель исследования – провести сравнительно-сопоставительный анализ оленеводческой лексики двух языков урало-алтайской языковой общности: эвенского и долганского. В статье выявляются общее и особенное тунгусо-маньчжурского и тюркского языков алтайской языковой семьи на основе большого фактического мате-

риала, собранного автором на протяжении последних пяти лет. Исследование базируется на данных двух опубликованных автором этнолингвистических словарей оленеводческой лексики эвенского и долганского языков, а также «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (Л., 1975-77) и «Древнетюркского словаря» (Л., 1969). Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в алтаистике проводится сравнительно-сопоставительный анализ оленеводческой лексики эвенского и долганского языка, а также проводится компаративистское изучение тунгусо-маньчжурских и тюркских языков России. Материалом работы послужили данные лексики эвенского и долганского языков, а также сведения из тунгусо-маньчжурских (эвенскийского, негидальского, солонского, нанайского, орокского, ороцкого, ульчского, удэгейского, маньчжурского, чжурчжэньского), монгольского, бурятского и якутского языков. Методологической базой статьи послужили теоретические разработки, легшие в основу научных трудов по северному оленеводству, этнографии и лингвистике Г.М. Василевич, М.Г. Левина, И.С. Гурвича, Б.О. Долгих, В.И. Цинциус, Н.Н. Поппе, А.А. Попова, М.Я. Бармич, И.В. Куликовой, А.Л. Мальчукова, Х.И. Дуткина, В.А. Роббека и др. При синхронном описании и диахроническом анализе использованы методы наблюдения, сбора и классификации лексического материала, сравнительно-сопоставительный метод. Семантический анализ показал, что в эвенской и долганской оленеводческой лексике имеются общие слова: названия оленей по возрасту, полу, характеру, функции, в бытовой лексике, сома-тизмах и названиях пастбищ и кормов оленей. Немало лексических параллелей отражено в говорах и диалектах тунгусо-маньчжурских языков. Представлены общетюркские (древнетюркские) и монгольские словарные единицы. В результате констатируется, что оленеводческая лексика эвенов и долган представляет собой исконную базовую часть словарного состава языков. Доказано, что оленеводческая лексика эвенского и долганского языков свидетельствует о генетическом родстве данных языков и их носителей.

Ключевые слова: эвенский (ламутский) язык, долганский язык, оленеводческая лексика, компаративистика, тунгусо-маньчжурские языки, тюркские языки.

Актуальность темы обусловлена значительным интересом учёных-североведов к исследованию производственной лексики коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в условиях глобализации, в частности к словарному составу традиционных отраслей хозяйствования.

Практическая значимость исследования заключается в том, что приведённый в статье материал может быть использован в практике вузовского и школьного преподавания, а также при написании программ, учебников, пособий, словарей по эвенскому и долганскому языкам.

Теоретической базой труда послужили работы в этой области Г.М. Василевич, М.Г. Левина, А.А. Попова, Б.О. Долгих, В.И. Цинциус, И.С. Гурвича, М.Я. Бармич, И.В. Куликовой, Х.И. Дуткина, А.А. Даниловой, С.В. Онинной, А.Л. Мальчукова, В.С. Элрики, З.И. Рандымовой, Х.М. Осениной и др. При классификации языков, говоров и диалектов использованы данные тунгусо-маньчжурского словаря (ТМС) [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, 1975, 1977].

Оленеводческая терминология занимает значительное место в лексике языков коренных

малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Это связано с тем, что она отражает один из основных традиционных видов их хозяйства – оленеводство (наряду с охотой, рыболовством, собирательством).

Олень с глубокой древности давал северному номаду всё необходимое для кочевой жизни: питание (в пищу это животное шло полностью, без особых отходов), в старину использовались все его кости, рога, копыта, из которых изготавливались различные хозяйственные предметы, орудия труда и охоты; разнообразную сезонную одежду, обувь, головные уборы; спально-постельные принадлежности, покрывала на зимне-летние жилища, утварь (вьюки, сумки, ремни, арканы, верховые седла, чехлы на разные предметы, детские люльки, мелкий инвентарь, сухожилия использовались в качестве ниток) и т.д.

Как основное средство передвижения по бездорожью тундры и тайги со сложным рельефом местности олень незаменим во все времена года.

С оленем у кочевых народов были связаны все древние верования и представления, бытовые традиции и обычаи, многие обряды: семейные, ритуальные, погребальные. Олень испокон веков занимал особое место в их духовной куль-

туре, в системе мировоззрения, в процессе формирования менталитета. Это нашло отражение в широком компоненте культур северных народов: народной философии, религии, мифологии, обрядах, народном устном творчестве и литературе, народной медицине, народной педагогике, народном искусстве. Так, например, исследователь декоративно-прикладного искусства долган В.А.Рандин отмечает: «...мужская шапка по долгански называется “чупра” (подобная голове оленя) и служит символом того, что обладатель ее – оленевод, хозяин оленей» [Рандин, 1992, с. 8]. Здесь же отмечается бисерный орнамент, символизирующий основания рогов оленей.

Лексика долганского языка, связанная с оленеводством, в настоящее время недостаточно изучена. Нет специальных лингвистических работ, в том числе компаративистского характера. Исключение составляют статья А.А. Попова «Оленеводство у долган», опубликованная в журнале «Советская этнография» в 1935 г. и переизданная в Санкт-Петербурге в 2003 г. [Попов, 2003], а также учебное пособие «Оленеводческая лексика долганского языка», написанное автором настоящей статьи [Петров, 2012].

Несмотря на очевидное взаимовлияние оленеводческой лексики долганского и эвенского языков, сравнительно-сопоставительные исследования в этой области не проводились. Имеется лишь единственная статья автора, посвященная этой теме на материале эвенкийского, эвенского и долганского языков [Петров, 2008, с. 95–104]. Также нами были опубликованы статья «Олень в духовной культуре тунгусов» [Петров, 1998] и этнолингвистический словарь [Петров, 2017].

Лексика долганского, эвенкийского (тунгусского) и эвенского (ламутского) языков, связанная с оленеводством, является для языков этих народов базовой. В разные годы изучением этого интересного пласта словарного состава занимались тунгусоведы Г.М. Василевич, К.А. Новикова, Н.И. Гладкова, А.Н. Мыреева, Х.И. Дуткин, В.С. Элрика, А.Л. Мальчуков, Х.М. Осенина и др. В эвенском языке описаны лексико-семантические группы слов в данном тематическом пласте Х.И. Дуткиным [Дуткин, 1986а, 1986б, 1990, 1995] и В.С. Элрикой [Элрика, 1988, 1989]; имеется статья о кличках оленей [Данилова,

1980], а также диалектологическая работа [Мальчуков, Осенина, 1999]. Эвенкийская лексика, связанная с оленеводством, была предметом изучения А.Н. Мыреевой [Мыреева, 2001, 2005] и Н.И. Гладковой [Гладкова, 1999].

Изучением лексики, связанной с оленеводством, занимаются ученые-филологи других языковых семей народов Севера. Исследователь ненецкого языка М.Я. Бармич написала статьи о названиях оленей по масти в самодийских языках и лексико-семантических группах наименований оленей у нганасан [Бармич, 1988, 1998]. Угроведы С.В. Онина [Онина, 2000, 2001, 2002], З.И. Рандымова [Рандымова, 2004] и палеоазиатовед И.В. Куликова посвятили свои исследования изучению оленеводческой лексики в чукотском и хантыйском языках [Куликова, 1984, 2014, 2016].

Изучение такого существенного пласта хозяйственной лексики, как оленеводческая, представляет не только большой филологический интерес, но может иметь также прикладное значение с точки зрения использования этой народной терминологии применительно к современной оленеводческой практике народов Севера, а также при создании словарей, особенно двуязычных, адресованных специалистам, молодёжи, работающей в оленеводстве и др.

При написании статьи были использованы следующие методы исследования: сбор, классификация и систематизация лексического материала; наблюдение и сопоставление; синхронный и диахронический сравнительный анализ; компаративистский подход к исследуемому фактологическому лингвистическому материалу.

При сравнительно-сопоставительном анализе приводятся долганские слова (см.: [Дулгаан-ныы-ньууччалы тылдьыт. Долганско-русский словарь]), а через знак соответствия // показаны примеры из эвенского языка (см.: [Петров, 2017]):

бугдии, букдиилар прил. пёстрый (-ые); *бугдии тугут* пятнистый оленёнок // *бувди К, буды Э, бувди ХД* – олень пестрой масти (С. 47);

амаркана суш., зоол. олень-самец пяти лет // *тунг.-маньчж.* *амаркаан* олень; *эвенк.* *амаркаан* П-Т, Алд, Е, З, И, Н, Урм, Учр, Чмк 1) олень (*бык пяти лет и старше*); 2) медведь (*самец от пяти лет и старше*); *эвен.* *амьркън* Ол, Б, П (*амаркан* К-О, Ох, *амьркън* М, Т, Ох, *амаркон* Ск) 1) до-

машинный олень (самец четырёх-пяти лет); 2) жеребец (четырёх-пяти лет); амьркьна Ол, Б, П (амарканчаан Ох, амьркьна М, Т) 1) дикий олень (самец четырёх-пяти лет); 2) дикий баран (с четырёх-пяти лет); амьркьнчан Ол, П (амарканчаан Ох, амьркьнчаан М, Т, амьркьнчаан) 1) лось (самец четырёх-пяти лет); 2) дикий олень (самец четырёх-пяти лет); 3) дикий баран (самец пяти лет); нег. амаркаан Н домашний олень (с трёх-четырёх лет); орок. хаматана олень (самец пяти-шести лет) [ТМС, т. I, с. 36];

арбагас суц. поношенная верхняя одежда из шкуры оленя (рабочая); вид женской повседневной одежды // тунг.-маньчж. арбауас одежда [ТМС, т. I, с. 49]; эвенк. арбауас, арбауаһи [< як.] А, 3, Сх, Тнг, Урм, Учр, Чмк: 1) одежда (мехом наружу, охотничья, ветхая); 2) 3, Тнг пола кафтана; 3) Учр иноск. шкура медведя; арбарга Сх, Урм растрепаться (о волосах); арбарин Сх, Урм косматый, лохматый; эвен. арбауа [< як.] Ск арбан а косматый, лохматый; арбај [< як.] Ох корни дерева [ТМС, т. I, с. 49];

аттаа глаг. кастрировать // тунг.-маньчж. акта- кастрировать оленя; эвенк. акта- (атта-Урм) кастрировать оленя; актакии (аһта Аг, Алд, Брг, С-Б, Сх, Тит, актавкии ~ актапкии Тнг, актавчаа Урм, актапчаа Алд, октај Урм) 1) кастрированный олень; Урм, Тит верховой олень (кастрированный); 2) Н человек, умеющий кастрировать оленя; акталаан человек, умело кастрирующий оленя; актамии В (актарии И, Сх, Урм, актачин Тит) человек, занимающийся кастрацией оленей; сол. акта 1) мерин; 2) Ив кастрированный бык; аттамал testiculi кастрированный (досл.: без яиц); эвен. аат [акта-] М, Ох, Ск кастрировать; ата Ох (атака Ск, атаани Алл) кастрированный олень; аатъб/-п- М (аатоб/-п- Ск) подвергаться кастрации; аатъбак М кастрация; атамат Ох недавно кастрированный; аатъпча М (агапча ~ атопча Ск) кастрированный; ааткичан Ол, П (ааккичан Ск, ааткичан М, Ск) верховой олень (кастрированный); нег. актавчаа Н 1) кастрированный олень; 2) верховой олень (кастрированный); орок. хакта кастрированный олень; хакта- кастрировать; хактапула кастрированный; нан. акта мории(н-) Бк мерин; хакта-Нх кастрировать; хактакто/у Нх кастрированный; хактоаха Бк лошадь; ма. актаа морин мерин; акта ушэ 1) кожаная подпруга; 2) кожа, на-

тянутая на барабане, стуле; актала- 1) кастрировать животных; 2) оскотить преступников; 3) садиться верхом; 4) перекидывать через спину; 5) подцеплять дужкою за ушко сосуда; актаһан 1) вьючный мешок, перемётная сума; 2) перекидной (через спину животного) чемодан (для платья и постели); актара факси коновал, кастрирующий животных; др.-тюрк. ат лошадь; як. ат кастрированный; ат огус вол; аттаа-кастрировать; агтакы-аттыкы кастрированный [ТМС, т. I, с. 26];

атталлыбыт атыыр прил. кастрированный бык /олень/ // атыыр суц., зоол. 1) олень-самец, олень-бык; атыыры суц., вин. п., зоол. оленя-быка; 2) бык-производитель; 3) самец нехолощённый // см. выше;

бастын 1. прилаг. передовой олень, олень-вожак в стаде; 2. суц. место (положение, достиженье); үлэгэ бастын передовик производства // бастаан < як Ск сперва, сначала [ТМС, т. I, с. 76].;

бастынга суц. наголовник уздечки, недоузок; таба быатын бастыната наголовник оленьей уздечки; бастыыр глаг. руководить; бастыыр таба суц. главный олень (вожак) // см. выше; матакага батта поместилось в сумку из оленьей шкуры // матафа сумка, котомка, мешок (из рыбьей кожи) [ТМС, I, с. 533];

борон прил. серый, тёмно-серый; үөрбүтүгэр борон таба элбэк у нас в стаде много оленей тёмно-серой масти // тунг.-маньчж. боро серый; эвенк. боро 1. Брг, В, И серый; 2. Брг телёнок (одного года); боронкөн П-Т (борон Алд, Хнг) 1) серый, коричневатый-серый; 2) кличка оленя; Тк серый (о масти оленя); бура Хнг белое платье; бурдалат М, бурнадај Тт олень серо-бурой масти; ма. боро шляпа (из соломы и ковыля); боро доби тёмнобурая лисица; боро ихан бурая корова; боро лэфу бурый медведь; бороко мучу чёрный виноград; монг. бор 1) серый, сивый; 2) простой; бур. боро 1) серый, сивый; 2) перен. невзрачный; 3) простой; др.-тюрк. boz серый; як. боролхоі, борон серый (П. 20. 81, 117) [ТМС, т. I, с. 96];

бугдии, букдиилар прил. пёстрый; бугдии ту-гут пятнистый оленёнок; бугдиилар прил. пятнистая масть оленей; бугдииска прил. крупнопятнистая масть оленя // тунг.-маньчж. бугди пёстрый; эвенк. бугди (бугй; эвенк. бугди (буууди Вт, Е, Н, буди П-Т) пёстрый, пегий

(о масти животных); бугдикээн 1) М, Сх, Урм белая полоска на морде оленя; 2) Тк белопятнистая (кличка важенок); эвен. буди Ол, Б, Ох, П (бувди Ск, Т, бууди М, буд К-О) 1. пёстрый, рябой, пегий (о масти животных); 2. Ск орёл-стервятник; будил Ол, Б, Ох, П (бувдил Ск, Т, буудил М) пестреть; будинъа Ол, Б пятнистый (кличка оленя); будина Ол, Б, П, Т 1) Ол крохаль (утка); 2) Ол пеструшка (грызун); 3) Б, П, Т пегий олень; будуня Т пёстрый, пегий олень; орок. бугъи 1. пёстрый (о масти с белой мордой); 2. кличка оленя [ТМС, т. I, с. 101];

буоракии прил. упрямый, непослушный (об олене) (когда уходит стадо, олень-вожак неуправляемый) // боорамааган ХД нелюбящий одиночества /особенно во время перекочевок/ (С. 23);

буруна суц., зоол. олень седой масти // бурка ХД черно-бурый, седоватый (С. 44); бурнули ХД седой (С.45);

буур суц., зоол. 1) самец (олень); бык-кастрат; 2) олень-самец от пяти до десяти лет // др.-тюрк. бууга, монг. буур [ДТС, с. 120]; монг. буур (Поппе, с. 345) [Артемьев, с. 77]; др.-тюрк. буца бык-производитель [ДТС, с. 125];

буура суц. (принадлежность кому-то) его олень-самец; буурдар, буураттар суц., мн. ч. самцы; буурдааччыбын глаг., перен. как олень-самец с силой, настойчивостью // бур К кастрированный олень (С. 20);

булдэ суц., анат. связки, мышцы ног оленя // тунг.-маньчж. буллэ сухожилие; эвенк. буллэ Алд, Сх, Тк, Тмт, Урм (булли И, Н, булдэ М, Тк, Тт, Учр) 1) сухожилие; 2) Алд хрящ (в копыте); буллэмэ М, Тк, Тт, Учр есть хрящи, сухожилия; эвен. булр Ол, П (булдэ ~ булдээ Ск, булдь М, Т, булдра К-О, булль Б, буллэ Ох, булчим Арм) 1) сухожилие; 2) анат. связка; булчим Арм есть (съедать) сухожилие; нег. булэ Н, В сухожилие (на ногах оленя, лося); нан. бултэ Нх, Бк 1) хрящ (неотвердевшая кость); 2) неокрепшее растение; перен. неприспособленный человек; монг. булх сухожилие; бур. бүлхи(н) – бэлхи(н) 1) сухожилие (толстое); 2) утолщённая часть сухожилия (в месте соединения с костью) [ТМС, т. I, с. 108];

гадаар прил. упрямый, несговорчивый (о человеке, об олене) // кличка оленя по нраву: Кадьярлаан Д1 Занузванный от кадыар – удила (С.65);

гэдэрээ, кэдэрээ суц. скобель (кривой или прямой нож с двумя поперечными ручками) для выделки оленьих шкур; гэдэрээлээ глаг. выделывать шкуру скобелем (кривым или прямым ножом с двумя поперечными ручками); гэдэрээлиир глаг. скоблит, работает со скобелем (кривым или прямым ножом с двумя поперечными ручками) // кэрдэ – кожомялка, кэрдэ = Д – разминать кожу; КА – скоблить шкуру, кожу, камусы во время выделки длинным с зазубринами скребком (С.104);

дьактар туркута суц. женские нарты // эвен. турки нартты;

иктээнэ суц., зоол. олень-самец трёх лет // тунг.-маньчж. иктээнэ олень; эвенк. иктээнэ (ектана Ткм, иктано ~ иктоно ~ иктенэ Тит) 1) олень (домашний, двух-трёх лет); 2) Тт лось (трёх лет); сол. итээ телёнок (на втором году); эвен. иитээн [иктээнэ] Ол, Алл, М, Ох, П, Ск, Т (этан К-О) олень (домашний, двух-трёх лет); итээнкэн Ол, Алл, М, Ох, П, Ск, Т 1) олень (дикий, трёх лет); 2) лось (трёх лет); иитээнэ Ол, М, Ох, Ск (иитээнэ Т) баран (горный, каменный, трёх лет); нег. иктээнэ Н, В олень (домашний, двух-трёх лет); иктээнэкээн Н, В олень (дикий, двух-трёх лет); орок. иктээнэ олень (домашний, двух-трёх лет); ма. итэн телёнок (двухгодовалый с длинными рогами, приносимый в жертву) [ТМС, т. I, с. 301];

иннэ, ингнэ суц. иголка, игла; иннэбин суц., ед. ч., 1-е л., вин. п. мою иглу; иннэтин суц., ед. ч., 2-е л., вин. п. его иглу // эвенк. инмэ 1) игла; 2) острей [Колесникова, с. 46]; тунг.-маньчж. инмэ игла; эвенк. инмэ (илмэ А, Чмк, иммэ П-Т, Алд, Е, Н, имна К, инмэкээн С-Б) 1) игла (для шитья); 2) острей; 3) В-Л, С-Б, Тит хрящ (в виде иглы); инмэкэ Сх, Урм, Чмк крючок, удочка; инмэкэчин 1) Е кратегус (растение); 2) Сх, Урм ужение; инмэрук (иммэрук В) 1) игольник (футляр для игл); 2) П-Т, Кч коробка (рукодельная); мешочек; инмэтэ У (инмата Тит) 1) игла большая (для шитья сёдел); 2) Тит боярышник; сол. иммэ игла; эвен. инмэ Ол, Алл, Б, М, П, Т (иммэ ~ инмэ Ск, иинму К-О, инмэ Арм, Ох) игла (для шитья); инмькэт, инмьнгэ Ол (инмэнгэ Ох) 1) игла, хвоя; 2) Ох поросль; инмьнгэпчи Ол хвойный; инмьрук Ол, Алл, Б, П, Т (инмээрук Ск) игольник (футляр для игл); нег. инмэ Н, В игла; инмэјэчин Н хвоя; инмэсих Н (инмэсик В) игольник (футляр для игл); орок. иммэ (имма Л)

игла (стальная); иммэси игольник (мешочек из рыбьей кожи); иммэсиги Ш (иммэсиги Л) игольное ушко; уд. инмэ Хор, Бик, Смрг игла; инмэгдугу Хор коробка (берестяная, для хранения принадлежностей шитья); инмэси- Хор колоть иглой; ульч. хулмэ(н-) коробка (берестяная, круглая, для мелочей); орок. хулмэ игла; нан. хурмэ Нх, Бк (имнэ К-У) игла; хурмэлэ- Нх проколоть (иглой); хурмэнкулэ Нх колючка, шип (у растений); ма. улмэ игла (для шитья) [ТМС, т. I, с. 316];

караама суц., осн. п. олень чёрной масти, с тёмным окрасом шерсти // карав Э сивый, темно-серый олень;

лабыкта суц., бот. лишайник (олений мох) // эвенк. лавикта ягель (олений мох) [Колесникова, с. 54]; тунг.-маньчж. лавикта ягель; эвенк. лавикта П-Т, А, Д, Е, И, Н, С-Б, Ткм, Тн, У, Тит (лабикта Вл, И, лабукта Тк, лавукта Алд, И, Нрч, Олкм, Тк, Тмт, Урм, Учр, Члм, Чмк, Тит, лам А, Сх, Урм, лом И, С) ягель (олений мох); лавлаа-С-Б пастись на ягельнике (об оленях); лавнан Члм место, покрытое ягелем; эвен. навть Ол, Алл, Б, М, П, Т (наавта Арм, Ох, наавто Ск, нааута К-О) ягель; наавтычи Ол, Алл, Б, М, П (наавтопчи Ск), наавтыпчун Ол ягельный, богатый ягелем; нег. лавукта Н (лаукта Ш) ягель; орок. лаукта Л ягель; уд. лабуга Хор, Бик, Смрг (лабига Хор) ягель (олений мох), мох (растущий на деревьях); лабуган Хор ягельник; орок. лавикта ягель. Ср.: як. лабыкта [< тунг.] ~ лабыкча ~ лабырча белый мох, олений мох, ягель, лишайник [ТМС, т. I, с. 485];

маабут, маабыт суц. маут, аркан; маабыкка суц., ед. ч., дат. п. мауту; маабыттары суц., мн. ч., вин. п. мауты; маабатынан суц., ед. ч., оруд. п. от маута // маавут – маут, аркан, лассо (С.40);

мукалкаан суц. мужская бисерная доха // мука ХД штаны до колен, мука РР – доха, малица /женское зимнее пальто из зимней оленьей шкуры мехом наружу/ (С.105);

муойкаа суц., зоол. годовалый оленёнок (самец и самка); муойкаалары суц., зоол., мн. ч., вин. п. годовалых оленят (самца и самку) // мойкаа К – домашний олень одного года (С.15);

мөйээлдэ, мөннээлдэ суц. подшейный волос (длинный) оленя // мөелрэ / мүелдэ ХД – подшейный волос оленя (длинный) (С.53);

ньонуу, ньунуу суц. вожжи //эвенк. ньогу вожжи; нёёгу передний, вожжи [Артемов, ч. I,

с. 79] ньонууһут прил. передовой, ньунууһут суц. передовой олень в упряжи, ньунууһутун суц. свой передовой олень // эвенк. нёгусик олень-вожак в стаде; передовой олень в упряжке [Колесникова, с. 63] // нег РР 1.узда, повод, вожжи, ремень; 2. передовой, головной, ведущий (о ездовом олене, о ездовой собаке); ньооб Д – узда, повод, вожжа (С.38);

ньории, нуории суц. женский посох // эвенк. нёрии посох (женский, при переколёвках) [Артемов, ч. I, с. 79] // Нери РР – наконечник женского посоха; нери ХД – женский посох (С.41);

ньямаркана суц. олень-самец четырёх лет // неркан РР олень-бык 3-4 лет, неркана РР – лось 4 лет, ньоркан К – олень-самец 4 лет; неркан ГР – дикий четырехлетний олень (С.21);

ондоото суц., ед. ч. олень – приманка для дикого оленя // тунг.-маньчж. ондоогдо олень-манщик; эвенк. ондоогдо Алд, И, Учр (эндэдэ И) олень-манщик (домашний олень, обученный для охоты на дикого оленя); эвен. ондоо Ол, Алл, Арм, Б, К-О, М, Ох, П, Т 1) пойти на охоту с оленем-манщиком; 2) приблизиться к дикому оленю с оленем-манщиком; ондад Ол, Ох, П (ондаб Б, ондоо Алл, К-О, М, Т ондоор Арм) 1) олень-манщик; 2) Арм манок (деревянная утка для приманивания водоплавающей птицы); нег. ондоогдо Н олень-манщик; орок. онъича 1) Ш олень-самец; 2) изюбр (малый); як. ондоодо [< тунг.] олень-манщик (с которым выходят на промысел) [ТМС, т. II, с. 19] // ондад – олень-манщик (С.15);

онко суц. пастбище; онколоро суц. их пастбище; онкотгон суц. с пастбища; онкотун суц. своё пастбище; онко уһуга граница пастбища // тунг.-маньчж. онко корм; эвенк. онко (онко Тнг), онкокиит/ч- 1) корм (подножный); пастбище; ягельник; 2) П-Т, В-Л ягода; онко (онко Тнг), онкојо- кормиться, находиться на подножном корму, пастись; онков-, онковутча- пасти (олений); онковукиит/ч- Алд, З, Н, Сх, Учр, Урм выпас; онкој- Сх пастись (о гусях); онкокто- пастись; онкоктоёк пастбище (прежнее); онкоктура (онкоттура Тнг) пастбище (хорошее); место, изобилующее ягелем; онколии- 1) пастись; 2) есть ягоды с куста; онкоми (онкоји И) старое пастбище; онкочии имеющий ягель; онкочо наевшийся (об олене); эвен. онкъ Ол, Б, П (онка Ох, онкъ Алл, М, Т, онко Ск), онкау Ох, Ск, Т корм (подножный), пастбище; ягельник;

онкълкан Ол, Б имеющий ягель; онкуј- Ол, П кормиться, питаться (о боровой птице); нег. онко Н, В корм (подножный), пастбище; ягельник; онко- Н 1) кормиться, находиться на подножном корму, пастись (об олене, о лосе); 2) есть ягоды (с куста); ороч. онко- кормиться, пастись; уд. онкоси- Хор кормиться, пастись; онкосивэн- Хор пустить пастись, выгнать на пастьбу; ульч. онко пастбище, лежбище (животных); онко- кормиться, пастись; орок. окко [онко-] 1) кормиться, пастись; 2) есть ягоды (с куста); нан. онко- Бк, К-У кормиться, пастись; ма. онко 3, Сиб пастбище, выгон (для скота); онко морин лошадь из табуна на подножном корму; онко- Сиб кормиться, пастись [ТМС, т. II, с. 21] // онка РР – подножный корм, кормовище, пастбище, ягельник, онкадяк РР – пастбище, место пастьбы оленей, онкад= КА – пастись (С. 74);

ороотии суц. 1) оленёнок (родившийся поздно); 2) важенька (поздно телящаяся) // тунг.-маньчж. ораати важенька; эвен. ораати Ол, М, Ох, П (оруһу Ск) важенька (поздно телящаяся) [ТМС, т. II, с. 23] // орати Э1 – поздно телящаяся важенька. Орати РР – важенька (поздно телящаяся); ороһу К важенька /поздно телящаяся/ (С. 18);

хары 1. суц. ровдуга; замша; 2. глаг., перен. облысеть (о шкуре животных) // чари – сары (непромокаемая обувь). Чаари РР – 1) оленья шкура без шерсти; 2) сары /обувь непромокаемая, обычно из нерпичьей кожи/ (С. 114);

хогдооку суц. старая важенька // навди көрбэ К – олень-самец старше 6 лет (С. 21), эвенк. сагдаку старый олень, хогдооку суц., зоол. старая важенька, самка десяти лет // хагды көрбэ – дикий олень, лось (старше 5-6 лет). Ср.: хагды – 1) старый, дряхлый, немолодой; 2) взрослый, большой (С. 16);

һэнкирэ суц., бот. багульник // эвенк. сэнкирээ можжевельник (Колесникова, с. 82), тунг.-маньчж. сэнкирээ багульник, эвенк. сэнкирээ П-Т, 3, М, И, Тмт, Тт, Урм, Учр, Члм, Чмк (сэмкирээ П-Т, сэмкирээ И, Ткм, И, һэнкирээ Е, И, Тмт, чэмкирээ Олкм, Тк, чэнкирээ Тк, шэмкирээ П-Т, С) багульник, можжевельник; сэнкирээ Тмт, Учр, Члм (һэнкирээ Тмт) заросли багульника, можжевельника; сэнкирээмэ И, 3, Сх, Урм, Учр можжевельниковый; эвен. һэнкэс ~ һынкэс Ол, И, Т (һэнкэс Ск,

һэнкэс Ох, һэнкыһ М, Т энкэс Б) багульник; нег. сэнкијээ [сэнкирээ] И, В багульник; ороч. сэнки багульник; уд. сэнкиэ Хор, Ан багульник; ульч. сэнкурэ багульник; орок. сэккурэ [сэнкурэ] багульник; нан. сэнкурэ Нх, К-У багульник; ма. сэнкири хян название растения (вереск, листья которого служат курением при жертвоприношениях); шэнкири орхо название растения (травянистого) [ТМС, т. II, с. 143];

тугут суц., зоол. оленёнок до года; тугуту суц., ед. ч., вин. п. оленёнка; тугутун суц., ед. ч., вин. п. своего оленёнка; тугуккааным суц., ед. ч., осн. п. мой оленёнок; тугуттуу суц., сравн. п. как оленёнок; тугуттуу этэ һылдыа суц., сравн. п. как оленёнок будет хorkать, созывать, тугут төрүүр ыйа суц. май, тугуттар суц., мн. ч., осн. п. оленьята; тугуттарган суц., мн. ч., исх. п. от оленьят; тугуттары суц., мн. ч., вин. п. оленьят, тугуттаак тыһы суц., ед. ч., осн. п. важенька с оленёнком // тугут К – оленёнок (С. 15) // тыһы тугут суц., зоол. самка оленя до шести месяцев;

туһак суц., анат. копыто; туһактар суц. копыта; туһактара суц. его (её) копыта // төөннэкэ РР – копыто коровы, лошади, оленя (С. 86); туокии танһак суц., зоол. лось; туокии огото суц., зоол. лосёнок // эвен. токи лось;

турку суц. нарты на широких полозьях, ездовые сани // турки – нарты, сани, дровни (С. 42);

угучак, уучак суц., осн. п. верховой олень; угучакка суц., ед. ч., дат. п. верховому оленю; угучак үөрэттиэн, бигэтик олоруон обучишь (объездишь) для себя оленя, крепко будешь сидеть // эвенк. угучак, уучак верховой олень [Колесникова, с. 92]; угучактаа глаг. оседлать оленя, ехать верхом // учак ГР, уучак Ц, учок К, учик Э1, Ц – верховой олень (С. 31).

Семантический анализ оленеводческой лексики эвенов и долган показал, что словарные составы эвенского и долганского языков имеют много общих точек соприкосновения. А именно: в области именной лексики (существительные и прилагательные) это названия оленей по полу: буур олень-самец от пяти до десяти лет; оротии важенька и др.; по возрасту амаркана олень-самец пяти лет; тугут оленёнок до года и др.; по масти бугдии пёстрый, борон серый; буруна седой и др.; по характеру: буоракии упрямый, непослушный, гадаар упрямый, несговорчивый и др.; по функции: угучак верховой олень; ондоогдо олень-манщик и др. Имеются

семантические параллели в области бытовой лексики, связанной с оленеводством: арбагас поношенная верхняя одежда из шкуры оленя, гэдэрэ скобель (для обработки оленьей шкуры), һарыы замша и др. Есть соответствия и в соматической лексике (названиях частей тела): ту-няк копыто, булдэ связки, мышцы ног оленя и др. Эвенские и долганские слова имеют сходство в значениях и в названиях пастбищ и корма оленей: лабыкта мох, ягель, онко пастбище и др. Из глагольной лексики следует отметить следующие лексемы: аттаа кастрировать (оленя), маа-быттаа ловить оленя арканом, маутом и др.

Анализируемая лексика имеет распространение в разных говорах и диалектах тунгусо-маньчжурских языков: ондоото олень — приманка для дикого оленя // *тунг.-маньчж.* ондоогдо олень-манщик; *эвенк.* ондоогдо Алд, И, Учр (эн-дэдэ И) олень-манщик (*домашний олень, обученный для охоты на дикого оленя*); *эвен.* ондоо Ол, Алл, Арм, Б, К-О, М, Ох, П, Т 1) пойти на охоту с оленем-манщиком; 2) приблизиться к дикому оленю с оленем-манщиком.

Долганские слова восходят к общетюркскому (древнетюркскому) и монгольскому лексическим пластам. Об этом свидетельствуют следующие примеры: аттаа кастрировать // *др.-тюрк.* ат лошадь; *як.* ат кастрированный; ат огу вол; аттаа- кастрировать; агтакы-аттыкы кастрированный; буур 1) самец (оленя); бык-кастрат; 2) олень-самец от пяти до десяти лет // *др.-тюрк.* бууга, *монг.* буур ; *монг.* буур ; *др.-тюрк.* буца бык-производитель и др.

На основе всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Оленеводческая лексика эвенского и долганского языков имеет много общих соответствий, базисные пласты которых основаны на общей тунгусо-маньчжурской платформе. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из эвенкийского, негидальского, солонского, нанайского, ульчского, орокского, орочского, удэгейского, маньчжурского и чжурчжэньского языков. Вместе с тем широко представлена распространённая тюркская (древнетюркская) лексика, прежде всего через родственный якутский язык. Имеются лингвистические параллели и в монгольских языках (монгольском и бурятском). Приведенный фактический языковой материал подтверждает общую урало-алтайскую

генетическую общность эвенского и долганского языков.

Список сокращений Источники

Артемов – *Артемов Н.М.* Долганский язык. Ч. 1. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 128 с.

Болдырев – *Болдырев Б. В.* Русско-эвенкийский словарь. Около 20 000 слов / Отв. ред. М. Д. Симонов. – Новосибирск: ВО «Наука», 1994. – 499 с.

ГР – *Роббек Г.В.* Игры и состязания эвенов. Лингвистический аспект. – Новосибирск: Наука, 2011. – 135 с.

Д – *Данилова А.А.* Бытовая лексика эвенского языка. – Якутск: ЯИЯЛИ СО РАН, 1991. – 116 с.

Д1 – *Данилова А.А.* Заметки о кличках оленей у эвенов // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1980. – С.70–74.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.

К – *Кузьмина Р.П.* Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 115 с.

КА – *Кейметина А.Д.* Эвенско-русский тематический словарь. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2003. – 54 с.

Колесникова – *Колесникова В.Д.* Словарь эвенкийско-русский и русско-эвенкийский : ок. 4000 слов : пособие для учащихся нач. шк. – 2-е изд., дораб. – Л. : Просвещение, Ленингр. отделение, 1989. – 254 с.

П – *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. T.1. – Wiesbaden, 1960.

Поппе – *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адап. – М.–Л., 1938. – 453 с. Труды Института востоковедения. XIV.

РР – *Роббек В.А., Роббек М.Е.* Эвенско-русский словарь (свыше 14000 слов). – Новосибирск: Наука, 2005. – 356 с.

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю / Под ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975. Т. 1. – 672 с.; 1977. Т. 2. – 992 с.

ХД – *Дуткин Х.И.* Тематический эвенско-русский словарь для оленеводов. – Якутск, 1990. – 47 с.

Ц — Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. — Л.: Учпедгиз, 1947. — 270 с.

Э — Элрика В.С. Лексико-семантическая группа названий оленей по масти в эвенском языке // Структура языка и его эволюция. Лингвистические исследования. 1989. — М.: ИЯ АН СССР, 1989. — С. 204–208.

Э1 — Элрика В.С. Лексика, связанная с оленеводством в эвенском языке // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР. — Л.: ЛГПИ им.А.И. Герцена, 1988. — С. 39–49.

Языки. Диалекты. Наречия. Говоры

Бурятский язык

бур. — бурятский язык

Древнетюркский язык

др.-тюрк. — древнетюркский язык

Долганский язык

долг. — долганский язык

Маньчжурский язык

Сиб — сибирский диалект

Монгольские языки

мо. — монгольский язык

Нанайский язык

Бк — бикинский говор

К-У — кур-урмийский говор

Нх — найхинский говор

Негидальский язык

В — верхне-амгунский говор

Н — нижне-амгунский говор

Орочский язык

т — тумнинский говор

х — хадинский говор

Русский язык

рус. — русский язык

Солонский язык

Д — говор осолонившихся дагуров

Тунгусо-маньчжурские языки

тунг.-маньч. — тунгусо-маньчжурские языки

ма. — маньчжурский язык

нан. — нанайский язык

нег. — негидальский язык

орок. — орокский язык

ороч. — орочский язык

сол. — солонский язык

уд. — удэгейский язык

ульч. — ульчский язык

чж. — чжурчжэньский язык

эвен. — эвенский язык

эвенк. — эвенкийский язык

Тюркские языки

тюрк. — тюркские языки

як. — якутский язык

Удэгейский язык

Бик — бикинский говор

Смрг — самаргинский говор

Хор — хорский говор

Эвенкийский язык

А — аянский говор восточного наречия

Аг — говор эвенков Агаты и Большого порога северного наречия

Алд — алданский говор восточного наречия

Бнт — баунтовский говор южного наречия

Брг — баргузинский говор южного наречия

В — ванаварский говор южного наречия

Вл — вилюйский говор восточного наречия

Втм — витимский говор восточного наречия

Д — дудинский говор северного наречия

Е — ербогоченский говор северного наречия

З — зейский говор восточного наречия

И — илимпийский говор северного наречия

Кч — качугский говор восточного наречия

Н — непский говор южного наречия

Нак — наканновский говор северного наречия

Нрч — нерчинский говор восточного наречия

Олкм — олёмминский говор восточного наречия

П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия

С — сымский говор южного наречия

С-Б — северо-байкальский говор южного наречия

Сх — сахалинские говоры восточного наречия

Тк — токкинский говор восточного наречия

Ткм — токминский говор южного наречия

Тмт — томмотский говор восточного наречия

Тнг — тунгирский говор восточного наречия

Тт — тоттинский говор восточного наречия

У — учамский говор южного наречия

Урм — урмийский говор восточного наречия

Учр — учурский говор восточного наречия

Хнг — хинганский говор восточного наречия

Члм — чульманский говор восточного наречия

Чмк — чумиканский говор восточного наречия

Эвенский язык

Арм — арманский диалект

Б — быстринский говор восточного наречия

К-О – колымо-омолонский говор восточного наречия

М – момский говор среднего наречия

Ол – ольский говор восточного наречия

Ох – охотский говор восточного наречия

П – пенжинский говор восточного наречия

Ск – саккырырский говор западного наречия

Т – томпонский говор среднего наречия

Прочие сокращения

анат. – анатомическое

бот. – ботаника

букв. – буквально

вин. п. – винительный падеж

зоол. – зоология

иноск. – иносказательное

исх. п. – исходный падеж

мн. ч. – множественное число

осн. п. – основной падеж

перен. – переносное значение

прил. – имя прилагательное

сравн. п. – сравнительный падеж

сущ. – имя существительное

Условные знаки

< – заимствовано из...; образовано от...

> – перешло в...

/ – или, вариант

// – соответствие

Литература

Бармич М.Я. Названия оленей по масти в самодийских языках // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Севера СССР. – Л., 1988. – С. 28–39.

Бармич М.Я. ЛСГ наименований оленей у нганасан // Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – СПб., 1998. – С. 58–70.

Гладкова Н.И. Оленеводческая терминология в эвенкийском языке // Экология культуры и образование на Севере. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 147–149.

Данилова А.А. Заметки о кличках оленей у эвенов // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1980. – С. 70–74.

Дулгаанны-ньууччалы тылдьыт. Долганско-русский словарь. Около 9000 слов. Составители: Е.Е. Аксёнова, А.А. Барболина, Н.С. Кудрякова, Н.Н. Жаркова, С. Фудзисиро, А.А. Петров / Научный ред. А.А. Петров. – СПб.: Алмаз-Граф, 2019. – 608 с.

Дуткин Х.И. Термины оленеводства в эвенском языке (лексико-семантические группы названий оленей) // Актуальные вопросы языков народностей Севера. – Якутск, 1986а. – С. 106–112.

Дуткин Х.И. Термины выючно-верхового и нартенного оленеводства у эвенов // Тезисы докладов VI республиканской конференции молодых учёных и специалистов, посвящённой XXVII съезду КПСС. Ч.1. – Якутск: РИО Госкомиздата ЯАССР, 1986б. – С. 45.

Дуткин Х.И. Тематический эвенско-русский словарь для оленеводов. – Якутск: Ассоциация народов Севера, 1990. – 47 с.

Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. – СПб.: Наука, 1995. – 144 с.

Куликова И.В. Оленеводческая лексика в современном чукотском языке. Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984. – 250 с.

Куликова И.В. Оленеводческая лексика в современном чукотском языке. – Якутск: Изд-во «Первый класс», 2014. – 142 с.

Куликова И.В. Олень – в языке, жизни и душе чукчей. – СПб.: Изд-во «Лема», 2016. – 213 с.

Мальчуков А.Л., Осенина Х.М. Материалы по оленеводческой лексике охотских эвенов // Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 75–80.

Мыреева А.Н. Лексика эвенкийского языка. Растительный и животный мир. – Новосибирск: Наука, 2001. – 104 с.

Мыреева А.Н. Лексика эвенкийского языка. Традиционное хозяйство. – Новосибирск: Наука, 2005. – 111 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т.8).

Онина С.В. Оленеводческая лексика хантыйского языка: семантические группы и словарь: Научное издание / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2000. – 76 с.

Онина С.В. История изучения оленеводческой лексики хантыйского языка // Материалы IV Югорских чтений. – Ханты-Мансийск, 2001. – С. 53–60.

Онина С.В. Оленеводческая лексика в хантыйском языке. Дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2002. – 170 с.

Петров А.А. Олень в духовной культуре тунгусов // Фольклор и этнография народов Севера. – Якутск, 1998. – С. 46–53.

Петров А.А. Тунгусская лексика в долганском языке (на материале оленеводческой терминологии) // Языки и духовная культура народов циркумполярной Арктики. Североведческие исследования. Вып.4. Посвящен 70-летию со дня рождения В.А. Роббека. – СПб., 2008. – С. 95–104.

Петров А.А. Оленеводческая лексика долганского языка. Этнолингвистический словарь. Учебное пособие. – СПб.: Алмаз-Граф, 2015. – 80 с.

Петров А.А. Оленеводческая лексика эвенского языка. Этнолингвистический словарь. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 128 с.

Петров А.А. Оленеводческая лексика эвенского языка. Этнолингвистический словарь. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 128 с.

Попов А.А. Оленеводство у долган // Попов А.А. Собрание трудов по этнографии. Т.1. / Сост. А.А. Барболина. – СПб.: «Изд-во «Дрофа» Санкт-Петербург», 2003. – С. 221–252.

Рандин В.А. Орнаменты: Долганы. Нганасаны. Ненцы. – СПб.: отд-е изд-ва «Просвещение», 1992. – 56 с.

Рандымова З.И. Оленеводческая культура приуральских ханты. – Томск, 2004. – 134 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (Материалы к этимологическому словарю) / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 1. А-Н. – Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1975. – 672 с.; Т. 2. О-Э. – Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1977. – 992 с.

Элрика В.С. Лексика, связанная с оленеводством в эвенском языке // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР. – Л., 1988. – С. 39–49.

Элрика В.С. Лексико-семантическая группа названий оленей по масти в эвенском языке // Лингвистические исследования. Структура языка и его эволюция. – М., 1989. – С. 204–208.

A.A. Petrov

Reindeer-Breeding Vocabulary of the Even and Dolgan Languages: Comparative Analysis Experience

The article studies the vocabulary of the Even and Dolgan languages related to reindeer husbandry in a comparative aspect. This problem has not been the subject of research in Altaic studies. For the first time, the terms of reindeer husbandry are considered on the basis of the Tungus-Manchu (Even) and Turkic (Dolgan) languages. The author has collected language material from various sources over the past five years. This includes dictionaries, articles, and ethnographic and folklore literature. First of all, the author's ethnolinguistic dictionaries, as well as data from the "Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages" (L., 1975; 1977) and the "Ancient Turkic dictionary" (L., 1969). In the analysis of the actual material, the comparative-historical method is used, as well as the method of collecting and classifying lexical material in synchronous and diachronic aspects. As a result of comparative research, the genetic affinity of the Even and Dolgan languages within the Ural-Altaic language community is proved.

Keywords: Even (Lamut) language, Dolgan language, reindeer herding vocabulary, comparative studies, Tungus-Manchu languages, Turkic languages.

Т.Е. Андреева, Е.Ф. Афанасьева

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.011

УДК 811.512.212'34

Экспериментально-фонетические исследования эвенкийского языка

В статье обобщены результаты экспериментально-фонетических исследований звукового строя эвенкийского языка с использованием инструментальных методов. Перед исследователями звуковой системы эвенкийского языка и его диалектов, говоров стоит задача – дать наиболее полное объективное описание основных звуко-

типов вокализма и консонантизма, определить звуковые особенности некоторых говоров эвенкийского языка, охарактеризовать их артикуляционно-акустическую базу, сопоставить с данными литературного языка. Артикуляционно-акустическая база эвенкийского языка в области согласных имеет основные доминантные признаки: 1) общая относительно слабая мускульная напряженность при артикуляции всех согласных фонем, выражающаяся в наличии позиционно-комбинаторного варьирования смычности–щелинности в реализации губных, средняяязычных, задняяязычных согласных; 2) как следствие общей слабой артикуляторной напряженности отмечается распространенность имплозивных смычных согласных и факультативная назализованность согласных; 3) наличие четырех артикуляторных рядов согласных: губно-губные, передняяязычные, средняяязычные, задняяязычные; отсутствие палатализации передняяязычных согласных (т, д в словоформах тыгдэ ‘дождь’, тыгэ ‘посуда’, дылкээн ‘муха’, адыл ‘сеть’), ограниченное употребление ротового дрожащего *p* (не употребляется в начальной позиции слова, только в середине и конце словоформы: орон ‘олень’, ороп ‘олени’).

Ключевые слова: эвенкийский язык, экспериментально-фонетические исследования, звуковой строй, гласные, согласные, релевантность, артикуляционно-акустическая база.

Основной особенностью современного эвенкийского языка является диалектная раздробленность: в нем более 50 говоров, объединенных в 3 наречия. На этих говорах говорят эвенки, расселенные в 11 субъектах РФ в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эвенкийский язык по состоянию языковой ситуации на современном этапе относится к «особым» случаям, поскольку степень его сохранности и распространения в значительной мере зависит от региона. Группы эвенков слишком широко расселены по Северу, Сибири и Дальнему Востоку, чтобы можно было говорить о какой-то одной языковой ситуации. Процент владеющих эвенкийским языком также различается по регионам. Повсеместно наблюдается двуязычие (второй или первый – русский), кое-где трехязычие (якутский или бурятский). Это результат многовековых хозяйственных и культурных связей эвенков со многими народами.

Планомерная исследовательская работа по языкам народов началась с конца 20-х годов XX в. в связи с созданием письменности. Необходимость выбора диалектной базы и разработка алфавита выдвинули на первый план диалектологическое и фонетическое обследование [Аврорин, 1975, с. 130]. Экспериментально-фонетические исследования начались около столетия назад. В конце прошлого – начале нашего века в отечественной фонетической литературе появляется большое количество исследований, в которых описываются акустические и артикуляционные свойства звуков речи.

В России существуют два основных направления в учении о фонеме: московская фоноло-

гическая школа (или морфологическое направление) и ленинградская фонологическая школа (фонетическое направление). Важнейшее положение московской школы заключается в необходимости применения морфологического критерия при определении фонемного состава языка. В рамках московской школы разработаны теория фонологических позиций и учение о варьировании фонемы. Представителями данной школы были Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, А.А. Реформатский и др. ученые. Основателем ленинградской фонологической школы является Л.В. Щерба, среди других представителей были Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, М.И. Матусевич. Л.В. Щерба, ученик И.А. Бодуэна де Куртене, разработал на основе бодуэновской теории дивергенции (фонетически обусловленных чередований) теорию оттенков фонемы. Он определил фонему как единицу, способную дифференцировать слова и их формы, т.е. фонема есть кратчайшая (неделимая во времени) звуковая единица языка, способная быть в нем единственным средством различения означающих морфем и слов.

Эти два подхода непримиримы, дискуссия идет несколько десятков лет.

Фонетические лаборатории, созданные при Казанском и Петроградском университетах, становятся хорошо оборудованными научными центрами, во главе которых стоят крупнейшие лингвисты: В.А. Богородицкий (1857–1941) в Казани и Л.В. Щерба (1880–1944) в Петрограде. Изучение фонетических явлений при помощи специальных методов сочеталось у этих ученых с тщательнейшим слуховым анализом материа-

ла. В начале XX в. началось широкое экспериментально-фонетическое исследование русского языка и языков других народов. Во многих городах при научных и учебных центрах создаются специальные лаборатории (Новосибирск, Якутск, Улан-Удэ, Горно-Алтайск, Абакан, Элиста, Томск, Кемерово, Новокузнецк, Барнаул, Улан-Батор) [Андреева, 2008, с. 9].

В ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в 1973 г. при секторе грамматики и диалектологии якутского языка впервые была создана лаборатория экспериментально-лингвистических исследований под руководством И.Е. Алексеева. С 1986 по 1988 гг. лаборатория была преобразована в сектор диалектологии и экспериментальной лингвистики. В секторе велись исследования якутского, эвенкийского и юкагирского языков. В те годы были использованы соматические методы дентопалатографирования и кинорентгенографирования, электроакустический метод пневмоосциллографирования. В работах использовалась фоническая транскрипция академика Л.В. Щербы на основе алфавита МФА, уточненная и дополненная В.М. Наделяевым [Наделяев, 1960].

Теоретические результаты, полученные при анализе звукового строя того или иного языка, использовались как база для теоретических построений, для осмысления сложных процессов, происходящих в языке.

Особенно большие успехи в области экспериментального изучения языков народов Сибири имела Лаборатория экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР, организованная в 1966 г. В.М. Наделяевым, заслуженным деятелем науки Тувинской АССР, выдающимся специалистом по древним и современным монгольским и тюркским языкам (руническим памятникам, уйгурскому, долганскому, якутскому, тувинскому, тофскому и другим), знатоком тунгусо-маньчжурских (эвенкийского и эвенского) языков, крупным специалистом в области экспериментальной фонетики и общего языкознания. За годы работы в ИИФФ СО АН СССР (1966–1985) он открыл новое направление в изучении языков и территориальных диалектов Сибири и создал сибирскую фонологическую школу, в которой воспитал более 150 лингвистов-сибиреведов.

В ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР была создана оригинальная аппаратура (ПОГ), позволившая разработать новую методику исследований по 23 языкам и диалектам Сибири и сопредельных регионов. Исследования велись по следующим направлениям: 1) изучение звукового состава языков народов Сибири; 2) исследование ритмомелодики – совершенно новая область изучения экспериментальными методами фонетики языков народов Сибири [Убрятова, 1981, с. 5–31]. Активнее всего разрабатывается тюркологическая проблематика, отмечает И.Я. Селютина [Селютина, 2007, с. 211].

При изучении фонетики и фонологии коренных народов Севера и Сибири ставятся две основные теоретические задачи:

- усовершенствовать артикуляционную классификацию звуков речи, учитывая массовый экспериментальный материал по типологически различным языкам и диалектам Сибири и Дальнего Востока, а также привлекая данные по звуковым системам языков других районов мира;
- разработать теорию артикуляционно-акустической базы.

Проблема типологии и специфики артикуляционно-акустических баз (ААБ) впервые была поставлена в 1980-е гг. основателем ЛЭФИ В.М. Наделяевым [Наделяев, 1986, с. 3–91].

В имеющейся научной литературе звуковые системы языков коренных малочисленных народов Севера отражены недостаточно, поскольку описывались субъективным слуховым методом со свойственными ему искажениями, ошибками, неточностями. Использование теории артикуляционно-акустической базы в качестве историко-лингвистического источника позволило В. М. Наделяеву выдвинуть и научно обосновать ряд гипотез об этногенезе народов Севера и Сибири [Наделяев, 1986]. Он предположил следующее:

- 1) монголы центральных аймаков Республики Монголии – тюрки по происхождению: ААБ современных халха-монголов – это преобразованная (не ранее XI в.) ААБ древних тюрков, которой было свойственно тройное противопоставление согласных звуков по степени мускульного речевого напряжения: согласные противопоставляются как сильные/слабые/сверхслабые;

2) якутский народ складывался на Средней Лене в результате этнического слияния древних тюрков (курыкан) с монголами (киданами) в XI–XII вв.;

3) эвены как этнос мигрировали в IX–X вв. новой эры из Прибайкальско-енисейского региона на северо-восток; при этом они усвоили в ходе миграции новый для себя тунгусо-маньчжурский язык, но проявили в нем свою артикуляционно-акустическую базу, для которой характерна фарингализация гласных, что резко отличает ААБ современных эвенов от ААБ других тунгусо-маньчжурских народов;

4) тофы и тувинцы в России, а также уйгуро-уряхайцы в Монголии имели другой этнический субстрат в отличие от северных алтайцев (куманды, чалканду, туба-кижи); северные алтайцы близки по своим ААБ к самодийцам и обским уграм (языки северных алтайцев – тюркские, а ААБ во многом угро-самодийская);

5) признаки ААБ позволили высказать гипотезу о том, что в состав древнего алтайского лингвистического союза входил более молодой (I–XII вв. н.э.) циркумбайкальский языковой союз, который, в свою очередь делился на байкало-саянский подсоюз с характерной для него фарингализацией гласных и алтае-саянский подсоюз со свойственными ему системами согласных, обусловленными субстратами угро-самодийского типа [Наделяев, 1986, с. 3–4].

В эвенкийском языкознании 30-е годы XX в. совпали с началом нового экспериментального этапа в изучении фонетики эвенкийского языка, когда большинство ученых-фонетистов восприняли концепции ленинградской фонологической школы Л. В. Щербы и его последователей М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндера, развивая вместе с тем научные положения известного советского монголоведа В.М. Наделяева.

В настоящее время в тунгусо-маньчжурскую языковую семью входят 10 языков (8 в РФ, 2 в КНР), и угроза исчезновения любого из этих языков является невосполнимой утратой для всего человечества, поэтому важнейшей и актуальнейшей задачей, стоящей перед тунгусо-маньчжуроведами Сибири, является планомерное и последовательное изучение и теоретическое описание этих языков и территориальных диалектов на всех уровнях: лексическом, грамматическом и, прежде всего, фонетическом. За-

дача фиксации, инструментального исследования и научного описания звуковых систем данных языков, находящихся на грани исчезновения, не терпит отлагательства. Если грамматический строй и словарный состав тунгусо-маньчжурских языков нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей и в дальнейшем могут изучаться и уточняться путем анализа текстовых материалов, то возможности объективного изучения звуковой системы, в особенности артикуляторного ее аспекта, уходят вместе с последним носителем языка. Сохранить для науки особенности артикуляционно-акустических баз исчезающих языков – приоритетная задача фонетистов.

Экспериментальный метод изучения звукового строя эвенкийского языка был впервые применен в начале 30-х гг. XX в. в лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета М.И. Матусевич, которая провела со студентами-эвенками первые экспериментальные исследования звукового строя эвенкийского языка на базе ербогачёнского говора, которые были опубликованы в 1960 году [Матусевич, 1960]. В этой же лаборатории О.А. Константинова провела экспериментальное исследование долгих гласных при описании полигусовского говора как литературной базы эвенкийского языка [Константинова, 1964].

Дальнейшие исследования звукового строя эвенкийского языка с применением экспериментальных методов были продолжены лишь в 80-е годы XX в. в ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР (г. Новосибирск). Так, экспериментальные методы были частично использованы при исследовании баунтовского говора М.Д. Симоновым [Симонов 1976а, 1976б], полигусовского говора Г.В. Гулимовой [Гулимова, 1982]. Более полное и детальное экспериментальное фонетическое исследование вокализма и консонантизма томского говора восточного наречия было проведено Т.Е. Андреевой в ЛЭФИ ИИФФ АН СССР [Андреева, 1988]. В этой лаборатории также ею проведено исследование словесного ударения на материалах говоров эвенков Якутии [Андреева, 2001]. Научная новизна в данной работе заключается в том, что впервые была предпринята попытка на основе фактического материала ответить на вопрос: если существует

словесное ударение, то каковы его фонетическая характеристика и функция в звуковых оболочках словоформ? Было проанализировано около 2000 слов, сделаны записи материала от трех дикторов: д. 1 – А.Н. Мыреева, д. 2 – Н.Р. Дивдевилов, д. 3 – Е.М. Трынкина. Были определены релевантность/нерелевантность потенциальных для эвенкийского языка фонематических признаков словесной ударенности: квантитативность, тональность и интенсивность. Полученные результаты показали, что из трех перечисленных акустических признаков интенсивность нерелевантна для языка, квантитативность нестабильна по кратким гласным, а по долгим намечается тенденция к относительной удаленности первого долгого. Тональность в словоформах характеризуется повышением основного тона в пределах всей вокальной оси дисиллаб и трисиллаб, достигающих максимума на гласном последнего слога. Таким образом, тоновый коррелят в силу стабильности данного признака следует считать основным, что позволяет определить ударение в эвенкийском языке музыкальным (тоническим) [Андреева, 2001, с. 94–98]. В 2013 г. ею были обобщены результаты экспериментально-фонетического исследования полигусовского говора, на основе которого функционирует эвенкийский литературный язык [Андреева, 2013].

Результаты исследования показали, что артикуляционно-акустическая база в области гласных определяется как слабая по степени мускульной напряженности речевого аппарата. Релевантным признаком эвенкийского вокализма является длительность. Признак долготы – краткости, характерный для всех тунгусо-маньчжурских языков, играет важную роль в фонологической системе эвенкийского языка, как и признак лабиализации. Долгота гласных играет смыслоразличительную роль. Примеры: осыкта ‘поцарапаю-ка я’ – ъсыкта ‘звезда’; эри ‘этот, данный’ – ъри ‘кричать, приглашать’ и др.

Долгота гласных не связана с его положением в словоформе: долгими могут быть гласные любого слога, т.е. в начале, середине и в конце словоформы. Она зависит в некоторой степени от типа гласного (ингерентная длительность): открытые гласные, как правило, длительнее закрытых. Однако установить зоны длительности для долгих и полудолгих, кратких и сверхкрат-

ких гласных трудно. Аккомодационные процессы реализуются в пределах слога, а не слова, т.е. сингармонизм в эвенкийском языке имеет ступенчатый характер. Проанализированы вариативность гласных по степени устойчивости или неустойчивости дифференциальных признаков: ряд и подъем, стабильность артикуляции, долготы – краткость, огубленность – неогубленность.

Артикуляционно-акустическая база эвенкийского языка в области согласных имеет основные доминантные признаки: 1) общая относительно слабая мускульная напряженность при артикуляции всех согласных фонем, выражающаяся в наличии позиционно-комбинаторного варьирования смычности – щелинности в реализации губных, средняяязычных, задняяязычных согласных; 2) как следствие общей слабой артикуляторной напряженности отмечается распространенность импловзивных смычных согласных и факультативная назализованность согласных; 3) наличие четырех артикуляторных рядов согласных: губно-губные, передняяязычные, средняяязычные, задняяязычные; отсутствие палатализации передняяязычных согласных (т, д в словоформах тыгдэ ‘дождь’, дылкэн ‘муха’ и т.д.), ограниченное употребление ротового дрожжающего р (не употребляется в начальной позиции слова и др.).

Подводя итог работы, автор отмечает, что звуковой состав полигусовского говора в количественном и качественном отношении почти не отличается от других говоров и имеет общие принципы организации звуковой системы эвенкийского языка [Андреева, 2008, с. 84–85]. В последние годы экспериментальные исследования звукового строя эвенкийского языка с использованием новейших методов не проводились. Современные технические возможности комплексного экспериментально-фонетического анализа языкового материала, развитие информационных технологий, широкое внедрение средств компьютерного анализа речи существенно позволяют исследовать звуковую форму. Такие исследования проводятся по языкам народов Сибири, Севера и Дальнего Востока в лаборатории экспериментальной фонетики Санкт-Петербургского университета. Так, на базе лаборатории был проведен ряд исследований языкового материала баргузинского говора эвенкийского языка и некоторые его результаты

были опубликованы [Раднаева, Афанасьева, 2012]. В настоящее время в Бурятском государственном университете создан мультимедийный (звуковой) фонд баргузинского говора современного эвенкийского языка на представительном звуковом материале. Содержание фонда: звуко- и видеозаписи собирались в ходе полевых экспедиций на территории Баргузинского и Курумканского районов. Цель разработки фонда связана с проблемой документирования звуковой формы языка в компьютерном виде, хранение собранной лингвистической информации с возможностью использования материала в исследовательских и образовательных целях.

В данной работе дается фонологическая характеристика звуковых единиц баргузинского говора эвенкийского языка в сравнении с эвенкийским литературным языком на основе слухового анализа и некоторых экспериментальных данных.

В современном эвенкийском языке имеются три наречия: южное, северное, восточное. Основопологающим признаком, по которому говоры эвенкийского языка разделены на три наречия, является соответствие согласного /s/ в южном наречии согласному /h/ в северном. К восточному наречию отнесены говоры смешанного характера, которые имеют черты как северного, так и южного наречий. В говорах данного наречия, в том числе баргузинском, в начале слова, как и в южном, преобладает /s/, а в положении между гласными, как в северном, в основном употребляется согласный /h/. Это закономерно как в начале слова, так и в положении между гласными. Согласно этому признаку баргузинский говор отнесен к восточному наречию современного эвенкийского языка. Так, в баргузинском говоре в начале слова употребляется /s/: сārэн /sa:ɾɛn/ 'знает', сагды /saɡdi/ 'старый', секта /sekta/ 'тальник', а в середине слов между гласными – /h/: ahū /ahi:/ 'женщина', биһин /bihiŋ/ 'есть, имеется', бһа /ɔ:ha/ 'камус'.

В баргузинском, как в полигусовском, томотском, илимпийском, тимптонском и др. говорах эвенкийского языка 11 гласных фонем /a/, /a:/, /ɛ/, /ɔ/, /ɔ:/, /i/, /i:/, /u/, /u:/, /e/, /e:/, 18 согласных фонем: /b/, /β/, /g/, /d/, /dʲ/, /j/, /k/, /l/, /m/, /n/, /nʲ/, /ŋ/, /p/, /r/, /s/, /t/, /h/, /tʃ/.

Гласные и согласные фонемы противопоставлены друг другу и используются для обра-

зования и различения звуковых оболочек значимых единиц языка: слов и морфем. Например: аран /aɾan/ 'едва' – ирин /iɾin/ 'время созревания чего-либо' – урун /uɾun/ 'радость' – эрин /ɛɾin/ 'дыхание' – āрэн /a:ɾɛn/ 'он поспал' – йрэн /i:ɾɛn/ 'он вошел' – үрэн /u:ɾɛn/ 'он соскреб скребком мездру шкурки' – бран /ɔ:ɾan/ 'он что-либо сделал', нама /naɱa/ 'седло' – няма /nʲaɱa/ 'тепло', дяка /dʲaka/ 'воротник' – даку /daɱu/ ' меховая шуба' – няка /nʲaka/ 'хорошо, неплохо' – нэкүн /nɛku:n/ 'младший брат (сестра)' – һэку /hɛku/ 'жарко' и т.д.

Все гласные встречаются в начале, середине и конце слова, за исключением /e:/, которая встречается только в середине и конце эвенкийских слов. В баргузинском говоре внутри слова не свойственно стечение гласных.

В отличие от гласных эвенкийского литературного языка в баргузинском говоре имеется краткая фонема /e/. Это было отмечено еще В.А. Горцевской по материалам Н.Поппе [Горцевская, 1936, с. 5].

Согласная фонема /r/ не встречается в начале эвенкийских слов, в конце слов никогда не употребляются согласные фонемы /b/, /d/, /dʲ/, /nʲ/, /tʃ/, /h/. Согласная фонема /h/ внутри слова не сочетается ни с одной согласной, т.е. она может быть только в положении между гласными. Согласный /dʲ/ никогда не употребляется перед согласными. Только в качестве второго компонента может следовать за /β/, /g/, /j/, /l/, /n/, /ŋ/, /r/. Не входит в состав грамматических формантов.

На основании дистрибуции согласных также можно констатировать, что в баргузинском говоре нет стечения согласных ни в начале, ни в конце словоформ. Внутри слова допускается стечение двух качественно одинаковых (гомоорганных или геминированных) согласных, как в корне слова: гемми 'потом', дуннэ 'земля', олло 'рыба', так и на стыке морфем: сурум-мен 'тотчас ушел', гүн-нэ 'сказав', бһ-ла 'стали делать'. На стыке корня с суффиксом могут быть и другие согласные: бикит-ту 'на стойбище', дыв-ва 'лодку', угир-рэн 'он поднял'.

Внутри словоформ в баргузинском говоре существует определенный порядок комбинирования. Далеко не все согласные могут вступать в комбинации с любым другим согласным и занимать в комбинациях как первое, так и второе место. Так, если согласные /m/, /n/ могут сочетать-

ся с 11 фонемами, то согласный /n/ сочетается только с одним согласным /n/. Согласный /d/ никогда не употребляется перед согласными, только в качестве второго компонента может следовать за /β/, /g/, /j/, /l/, /n/, /ŋ/, /r/. Не входит в состав грамматических формантов.

Необходимо отметить и тот факт, что одни сочетания характерны для большого количества слов и встречаются в корнях слов, внутри суффиксов и на стыке корней с суффиксами, тогда как другие встречаются в очень ограниченных случаях.

Среди лингвистов, исследующих эвенкийский язык, нет однозначного решения относительно фонологической трактовки отдельных фонем.

В полигузовском говоре – базовом говоре современного эвенкийского литературного языка – гласные характеризуются как гласные переднего ряда /a/, /ā/, /i/, /ī/, /ē/, смешанного ряда /э/, /̄э/, заднего ряда /y/, /̄y/, /o/, /̄o/ [Константинова, 1964, с.7] (авторское написание фонем нами соблюдено).

В баргузинском говоре эвенкийского языка нашими экспериментальными данными выявлено, что гласные /a/, /ā/ по своим артикуляторным характеристикам относятся к гласным заднего ряда и по Международному фонетическому алфавиту (МФА) должны обозначаться знаками /a/, /a:/. Например: анаран /anaran/ ‘толкнул’, н̄алэ/ηa:lɛ/ ‘рука’ [Афанасьева, 2010a, с.157].

Как одну из особенностей эвенкийского языка, в том числе и баргузинского говора, ученые-тунгусоведы отмечают наличие двух типов фонем /i/, /u/ [Горцевская, 1936, с. 9–11].

Первый тип /i/ – /u/, «широкий», «твердый»: ин̄акта /in̄akta/ ‘шерсть животного’, иргакта /irgakta/ ‘овод’, киваран /kiβaran/ ‘ненастье’, удя /ud̄a/ ‘след’, нӯан /nūan/ ‘он’. Второй тип /i/ «узкий», «мягкий»: ин̄эктэ /in̄ekte/ ‘черемуха’, иргэ /irge/ ‘головной мозг’, ним̄эн /n̄im̄en/ ‘глоток’, кирэ /kire/ ‘срок, время’, уллэ /ul̄e/ ‘мясо’, хутэ /hute/ ‘ребенок’. Данные примеры свидетельствуют о том, что в прошлом наличие двух фонем /i/, /u/ было связано с составом гласных слова в целом, но в современном баргузинском говоре различают только одну фонему /i/ и одну фонему /u/. По звуковому составу эти слова являются омонимами, тогда как в прошлом

дифференцировались по значению различными типами /i/, /u/. Например: ники ‘утка’ – ники ‘заика’, хугун ‘пар от дыхания’ – хугун ‘сказание’, но при склонении они имеют разные сингармонические ряды: никивэ ‘утку’ – никива ‘заику’ (вин.п.), хугунмэ ‘пара от дыхания’ – хугунма – ‘сказания’ (вин.п.).

В вокалической системе баргузинского говора выделяется фонема, обозначаемая исследователями буквой <э>. Трактовка данной фонемы разная. Так, в говорах северного наречия (в наканновском, качутском, илимпийском) данная фонема характеризуется как очень открытая фонема, приближающаяся по звучанию к /ɔ:/ /mɔnɔkɔn/ ‘я сам’, /sɔksɔ/ ‘кровь’. Эти говоры отнесены к окающим [Константинова, 1964, с.14]. Как считает Горцевская, это характерно и для баргузинского говора [Горцевская, 1936, с. 7]. По данным наших экспериментальных исследований, в современном баргузинском говоре эта фонема характеризуется как /a:/ /manɔkan/ ‘я сам’, /saksɔ/ ‘кровь’ [Афанасьева, 2010a, с. 157].

В других говорах эвенкийского языка согласный /β/ трактуется по-разному. Так, по данным экспериментального исследования ербогачёнского говора, губной щелевой звонкий согласный /β/ имеет несколько аллофонов: может артикулироваться либо как шумный щелевой, либо как сонант [Матусевич, 1960, с. 157]. В полигузовском говоре – основе литературного языка – он характеризуется как плоскощелевой /β/, так же, как и в ряде говоров северного и восточного наречий, в частности, в баргузинском говоре. В говорах южного наречия, в частности в сымском, определяется как круглощелевой /w/ [Василевич, 1948, с.66]. В отличие от русского /v/, эвенкийский /β/ характеризуется как губно-губной, а не губно-зубной согласный. Он не имеет парной глухой фонемы, но имеет глухой аллофон: перед глухими согласными и в конце слов оглушается. Например, эвчэ [ɛftʃɛ] ‘легкие’, та̄нивка [tan̄ifkɫ] ‘счет’, дяв [d̄ɪaf] ‘лодка’, бакачав [bakɫɪʃɫ] ‘я нашел’. Необходимо отметить, что в баргузинском говоре слов как с начальным, так и с конечным /β/ немного. В литературном языке значительно шире конечный /β/ распространен как суффиксальный показатель и входит в состав ряда грамматических формантов, но в баргузинском говоре /β/ в суффиксах

переходит в /p/. Для сравнения: *һунāt-вэ* /huna:t-βɛ/ (лит.) – *һунāt-пэ* /huna:t-pɛ/ (барг.) «дочь – вин.п.», *муриндук-ви* /murinduk-βi/ (лит.) – *муриндук-пи* /murinduk-pi/ (барг.) «от своего коня – отл.п.». Как некоторую особенность баргузинского говора надо отметить соответствие согласного /β/ согласному /g/ в литературном языке: *увигит* /uβigit/ (барг.) – *угигит* /ugigit/ (лит.) ‘сверху’, *увиркэл* /uβirkɛl/ (барг.) – *угиркэл* /ugirkɛl/ (лит.) ‘подними’. Такое чередование встречается в основном в сочетании /uqi-/.

Среди сонантов в эвенкийском языке выделяется фонема /nʲ/, которая учеными-тунгусоведами характеризуется по-разному. Так, А.Ф. Бойцова относит /nʲ/ к переднеязычным палатализованным [Бойцова, 1952, с.194], а О.А. Константинова описывает ее как среднеязычную [Константинова, 1964, с.23]. В баргузинском говоре, по нашим экспериментальным данным, согласный /nʲ/ характеризуется как среднеязычный смычный малолучный сонантный согласный. В словах встречается только в начале и середине слова. Не употребляется перед согласными, за исключением /ŋ/. И в качестве второго компонента он может следовать только за /ŋ/. Например: *һālэ* /ŋɑ:lɛ/ ‘рука’, *һуһнякһи* /nʲuŋnʲɑki:/ ‘гусь’ [Афанасьева, 2008, с. 75].

Шумные фонемы /tʃ/, /dʃ/ характерны для всех тунгусо-маньчжурских языков. Но учеными они трактуются по-разному. Так, М.И. Матусевич для одного из говоров эвенкийского языка – ербогачёнского – фонемы /tʃ/, /dʃ/ определены как палатализованные переднеязычные аффрицированные /tʃ/, /dʃ/, но с оговоркой, что развились они «из типа среднеязычных согласных» [Матусевич, 1960, с. 145]. Такого же мнения придерживается А.Ф. Бойцова [Бойцова, 1952, с.195]. Г.М. Василевич считает фонему /tʃ/ переднеязычной как аффрикату [Василевич, 1948, с.21]. В томмотском говоре восточного наречия, по экспериментальным исследованиям, согласные фонемы /tʃ/, /dʃ/ определяются как среднеязычные [Андреева, 1988, с. 122]. В баргузинском говоре фонема /dʃ/ является среднеязычной, фонема /tʃ/ по своим характеристикам является аффрикатой [Афанасьева, 2010б, с. 16].

Заднеязычный смычный согласный /g/ в баргузинском говоре имеет несколько аллофонов. В начале и в середине слова перед согласными и

после них он характеризуется как заднеязычный смычный [g]: *гара* [ɡɑɾɑ] ‘ветка’, *дяддаглү* [dʲɑɡdʲɑɡli:] ‘по сосняку’, *бургу* [burɡu] ‘жирный’, а в положении между гласными реализуется как звонкий щелевой [ɣ]: *дага* [dɑɣɑ] ‘близкий, близко’, *того* [tɔɣɔ] ‘огонь’ и в конце слова как глухой [k]: *гак* [ɡɑk] ‘лебедь’, *чүкаг* [tʃu:kɑk] ‘луг’ [Афанасьева, 2008, с. 75].

В консонантной системе баргузинского говора выделяется фарингальная /h/, которая многими учеными-тунгусоведами трактуется не как самостоятельная фонема, а лишь как вариант фонемы /x/. Произношение заднеязычного щелевого глухого /x/ не характерно для баргузинского говора [Афанасьева, 2008, с. 75], как и в целом для эвенкийского языка. По характеру соответствия /s/ /h/ в начале и в середине слова баргузинский говор относится к сибилантно-спирантной группе говоров эвенкийского языка. В начале и в конце словоформ, как и в литературном языке, независимо от характера гласного, также рядом с согласным в баргузинском говоре употребляется /s/: *сәрэн* /sɑ:rɛn/ ‘знает’, *сулакү* /sulaki:/ ‘лиса’, *үксэ* /u:kse/ ‘рукав одежды’, *эмэксэ* /ɛmɛkse/ ‘придя’, а в середине слова между гласными, в отличие от литературного, всегда /h/: *аһү* /ɑhi:/ ‘женщина’, *уһо* /uħɔ/ ‘потолок’.

Вместе с тем необходимо отметить, что в эвенкийском языке много слов, которые во всех трех наречиях имеют в начале слова фарингальный /h/: *һавā* /hɑβɑ:/ ‘работа’, *һелакү* /he:laki:/ ‘куропатка’, *һокто* /hɔktɔ/ ‘дорога’, *һунāt* /huna:t/ ‘девушка’ и т.д. В настоящее время в баргузинском говоре начальный /h/ сохранен только в некоторых говорах, в баунтовском и северобайкальском – говорах эвенков Республики Бурятия – начальный /h/ утрачен [Афанасьева, 2008, с. 76].

В баргузинском говоре носовые согласные в своем составе не отличаются от литературного эвенкийского языка. Это согласные /m/, /n/, /nʲ/, /ŋ/. Но нельзя не отметить и некоторые их особенности. Так, если в литературном языке и в баргузинском говоре в начале слова перед широкими гласными употребляется, как правило, /ŋ/: *һаһтэ* /ŋɑ:ŋtɛ/ ‘пихта’, *һэнэкэл* /ŋɛnɛkɛl/ ‘сходи’, *һоним* /ŋɔnim/ ‘длинный’, то перед узким гласным /i/ в баргузинском говоре вместо /ŋ/ употребляется /n/: *ни* (барг.) – *һи*

(лит.) 'кто', нинтэ (барг.) – нинтэ (лит.) 'корень'. В отдельных словах в баргузинском говоре происходит замена начального /ɲ/ на /m/. Например: манмакта 'комар' вместо лит. ъанмакта, мур 'кобель' вместо лит. нур [Афанасьева, 2010б, с.19].

Проведенные исследования показали, что баргузинский говор современного эвенкийского языка имеет как общие, так и отличительные черты с литературным эвенкийским языком.

В 2014 г. исследователи И.Я. Селютина, Н.С. Уртегешев, А.А. Добринина, Т.Р. Рыжикова опубликовали результаты по новейшим технологиям в аппаратных исследованиях звуковых систем языков Сибири на материале эвенкийского языка. Они рассказали о том, что впервые с использованием новейших технологий магнитно-резонансного томографирования и дигитального рентгенографирования получен и введен в информационное поле научного сообщества объективный экспериментально-фонетический материал по исчезающим языкам. Анализ комплексных инструментальных данных по фонетике эвенкийского языка позволил выявить место его консонантизма в типологической классификации и определить доминантные характеристики артикуляционно-акустической базы этноса. Ими было отмечено, что специфической чертой эвенкийского консонантизма в его селемджинском варианте, сближающей его с одним из контактных тюркских языков – якутским, является превалирование в системе смычных по способу образования согласных (11 единиц) над щелевыми (4 единицы). Переднеязычные согласные по типу настройки основного произносительного органа определяются как дорсальные; кончиковых – апиальных и какуминальных, констатируемых в большинстве языков Сибири и сопредельных регионов, в эвенкийском (селемджинском) не зафиксировано [Селютина и др., 2014].

Специфика артикуляционно-акустической базы эвенкийского языка определяется общей более передней по сравнению с большинством обследованных языков Сибири локализацией произносительных настроек согласных. Губные, переднеязычные и передне-среднеязычные артикуляции (14 единиц) преобладают, класс гуттуральных фонем представляют лишь 4 фонемы; при этом классические увулярные реали-

зации в системе не зафиксированы. Манифестации заднеязычно-мягконебных фонем [k] и [a] реализуются при взаимной активности промежуточно-заднего участка спинки языка и средней части мягкого неба, без включения в настройку увулы (аналогичные артикуляции зафиксированы во всех южносибирских тюркских языках [Селютина и др., 2012], но наряду с чисто увулярными вариантами).

Звуковой состав полигусовского говора в количественном и качественном отношении почти не отличается от других говоров языка, имеет много общих признаков и некоторые отличия в дистрибуции согласных фонем.

Согласно исследованным материалам, артикуляционно-акустическая база в области гласных и согласных определяется как слабая по степени мускульной напряженности речевого аппарата. Релевантным признаком эвенкийского вокализма является длительность. ААБ в области консонантизма имеет основные доминантные признаки: 1) общая относительно слабая мускульная напряженность при артикуляции всех согласных фонем, выражающаяся в наличии позиционно-комбинаторного варьирования смычности – щелинкости в реализации губных, среднеязычных, заднеязычных согласных; 2) как следствие общей слабой артикуляторной напряженности отмечается распространность импловзивных смычных согласных и факультативная назализованность согласных; 3) наличие четырех артикуляторных рядов согласных: губно-губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные; отсутствие палатализации переднеязычных согласных (т, д в словоформах тыгдэ 'дождь', дылкэн 'муха' и т.д.), ограниченное употребление ротового дрожащего *p* (не употребляется в начальной позиции и др.).

Дальнейшие исследования звуковых систем говоров эвенкийского языка с использованием новейших высокоточных технологий позволят не только выявить специфику артикуляционно-акустических баз локальных этнических групп эвенков, но и установить причины, детерминирующие различия в структурно-таксономической организации вокальных и консонантных систем, выявить ретроспективу и прогнозировать пути дальнейшего развития фонетических систем [Селютина и др., 2014, с.80].

Литература

- Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
- Андреева Т.Е.* Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка: Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1988. – 142 с.
- Андреева Т.Е.* Словесное ударение в эвенкийском языке (на материалах эвенков Якутии): Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2001. – 150 с.
- Андреева Т.Е.* Принципы организации звуковой системы эвенкийского языка. – Новосибирск: Наука, 2008. – 93 с.
- Афанасьева Е.Ф.* Баргузинский говор современного эвенкийского языка // Вестник Читинского гос. ун-та. – 2008. – №6 (51). – С. 70–76.
- Афанасьева Е.Ф.* Гласные фонемы современного эвенкийского языка: принципы классификации // Вестник Бурятского гос. ун-та. Филология. – 2010а. – Вып.10. – С. 155–159.
- Афанасьева Е.Ф.* Принципы классификации согласных фонем эвенкийского языка // Вестник Читинского гос. ун-та. – 2010б. – № 6(63). – С. 14–20.
- Афанасьева Е.Ф.* Особенности реализаций губных согласных баргузинского говора эвенкийского языка (на материале звуковой базы данных) // Современная филология: теория и практика: материалы XV междунар. науч.-практ. конф., г. Москва. 2 апреля 2014 г. – М.: Изд-во «Спецкнига», 2014. – С. 35–39.
- Бойцова А.Ф.* Сравнительная характеристика согласных звуков эвенкийского и русского языков // Известия АПН РСФСР. – 1952. – №40. – С. 194.
- Василевич Г.М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л.: Учпедгиз, 1948. – 352 с.
- Горцевская В.А.* Характеристика говора баргузинских эвенков (По материалам Н.Н. Поппе) / В.А. Горцевская. – М.-Л.: Учпедгиз, 1936. – 104 с.
- Гулимова Г.В.* Настройки гласных полигусовского говора эвенкийского языка (по данным рентгенографирования) // Экспериментальная фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1982. – С. 96–132.
- Константинова О.А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. – Л.: Наука, 1964. – 272 с.
- Матусевич М.И.* Очерк системы фонем ербогачёнского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Учёные записки ЛГУ. – Л., 1960. – Т. 237. – С. 132–169.
- Наделяев В.М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). – Л., 1960.
- Наделяев В.М.* Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 3–4.
- Раднаева Л.Д., Афанасьева Е.Ф.* Разработка звукового фонда современного эвенкийского языка в Бурятском государственном университете // Вестник Бурятского государственного университета. – Сер. Филология. – 2012. – Вып.10. – С. 90–95.
- Симонов М.Д.* Опыт спектрографического анализа эвенкийских гласных (На материале баунтовского говора) // Исследование по фонетике сибирских языков. – Новосибирск, 1976а. – С. 153–174.
- Симонов М.Д.* Относительная длительность гласных в двусложных словоформах эвенкийского языка (На материале баунтовского говора) // Сибирский фонетический сборник. – Улан-Удэ, 1976б. – С.3–17.
- Селютин И.Я.* В.М. Наделяев – основатель сибирской фонологической школы // Подвижники сибирской филологии: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г. – Новосибирск: Наука, 2007. – С. 211–214.
- Селютин И.Я., Уртегешев Н.С., Летягин А.Ю. и др.* Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – С. 211–214.
- Селютин И.Я., Уртегешев Н.С., Добринина А.А., Рыжикова Т.Р. и др.* Новейшие технологии в аппаратных исследованиях звуковых систем языков Сибири: эвенкийский язык // Северо-Восточный гуманитарный вестник – 2014. – № 2. – С. 75–80.
- Убрятова Е.И.* Крупный исследователь языков Сибири // Экспериментально-фонетические исследования сибирских языков. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 3–29.

T.Ye. Andreeva, E.F. Afanasyeva

Experimental - Phonetic Studies of the Evenk Language

The article summarizes the results of experimental-phonetic studies of the sound structure of the Evenk language using instrumental methods.

Researchers of the sound system of the Evenk language and its dialects are faced with the task of giving the most complete objective description of the main sound types of vocalism and consonantism, determining the sound features

of some dialects of the Evenk language, characterizing their articulatory-acoustic base, and comparing them with the data of the literary language.

The articulatory-acoustic base of the Evenk language in the area of consonants has the main dominant features: 1) general relatively weak muscular tension during articulation of all consonant phonemes, expressed in the presence of positional-combinatorial variation of the stop-gap in the implementation of labial, mid-lingual, posterior-lingual consonants; 2) as a consequence of the general weak articulatory tension, the prevalence of implosive occlusive consonants and the facultative nasalization of consonants are noted; 3) the presence of four articulatory rows of consonants: labial-labial, anterior-lingual, middle-lingual, posterior-lingual; lack of palatalization of front-lingual consonants (m, d in word forms *tygde* “rain”, *tyge* “dishes”, *dylkeŪn* “the fly”, *adyl* “fish net”), limited use of mouth trembling p (not used in the initial position of the word, only in the middle and end of the word form : *oron* “deer”, *oror* “deer”(plural form)).

Keywords: Evenk language, experimental-phonetic research, sound system, vowels, consonants, relevance, articulatory-acoustic base.

Г.Н. Курилов

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.012

УДК 811.554

О лексеме *хонмэрау* ‘карус’ в тундренном диалекте юкагирского языка

Этимологический анализ лексических единиц тундренного диалекта юкагирского языка, или вадульского языка, на букву Х зафиксировал внимание на раскрытии семантики лексемы *хонмэрау* ‘карус’ и однокоренных слов. Сравнительно-сопоставительный и структурно-морфологический анализ лексических единиц вадульского языка с чуванским и одульским языками выявил архаическое слово *хонмэ*, определил значение этимона *хон-*. При этом изучение этнонимов юкагирских племен или родов дало определенную этнографическую информацию. С выявлением семантики древнего корня *хон-* получили морфологическое уточнение лексемы с корнем *хан-*. Определены этимологические значения слов с этимоном *хон-*: *хонмэдауур* ‘вместилище для ног в меховом одеяле’, *хонмэраудугурчэ* ‘торбаса из оленьих карусов’; значения слов с *хон-~хан-*: *хануойидьяачэ~хонуойидьяачэ* ‘кочевник’, *хандьяачэ~хондьяачэ* ‘человек, занимающийся сватовством’, *хандаачэ~хондаачэ* ‘проводник’, ‘некто, сопровождающий кого-либо’ или ‘некто, делающий сопровождение кому-либо’. Сравнение языковых отличий вадульского языка (тундренного диалекта юкагирского языка) и одульского языка (лесного диалекта юкагирского языка), указало на их фонетические и лексические изменения. Данные языковые изменения, а также грамматические отличия в очередной раз дали основание утверждать о самостоятельности этих близкородственных языков.

Ключевые слова: вадульский язык, одульский язык, этноним, акающий говор, окающий говор, архаизм, этимон, фонетические изменения, лексические изменения, языковые отличия.

В настоящем этимологическом исследовании актуальность обусловлена тем, что живые диалекты юкагирского языка ныне квалифицированы, как самостоятельные языки. Тундренный диалект юкагирского языка можно обозначать как вадульский язык. Это название языка происходит от самоназвания юкагиров тундры Нижнеколымского района Якутии – *вадулов*. Лесной диа-

лект юкагирского языка, соответственно, одульский язык – от самоназвания *одул* (верхнеколымские юкагиры). Отметим, что семантика этнонимов *вадул* и *алайи* рассмотрена нами при этимологическом исследовании тундренного диалекта юкагирского языка [Курилов, 2015, с. 104–106].

Основной целью настоящей статьи является этимологическое изучение лексемы *хонмэрау*

‘камус’ и других однокоренных слов, поиск и выявление этимона, определение исконного значения лексемы. Укажем, этимон – это древний корень, от которого произошло то или иное слово.

Особо отметим, что первоначально, до настоящего этимологического анализа, мы полагали, что *хонмэraw* ‘камус’ представляет собой только отдельное самостоятельно оформленное слово, но оказалось, что оно является сложным именем существительным, состоящим из компонентов *хонмэ* ‘нога’ и *raw>rawa<rawa* ‘шкура’. В нем совершенно непонятным было значение звукосочетания *хонмэ*, но поскольку буквально *хонмэraw* обозначает ‘камус’ (т.е. ‘шкура оленьей ноги (лапы)’), отсюда логически архаизм *хонмэ* нужно было понимать как обозначение понятия ‘нога’. В современном вадульском языке данное понятие обозначается словом *угурчэ* ‘нога’, соответственно при этом вадульское слово *угурчэ* является обозначением еще понятия ‘обувь’: *Мэт угурчэ йагдаба эл аавэйэн* – ‘Из-за того, что болела нога, я не спала’; *Тэт угурчэ пудэ силбальэск!* – ‘Свою обувь высуши на улице!’

Значение рудимента *хонмэ* как обозначение только понятия ‘нога’ в вадульском языке тундренных (нижнеколымских) юкагиров подкрепилось выявлением сложного имени существительного *хонмэдаур*, состоящего из компонентов *хонмэ* ‘нога’ и *аур* ‘вместилище’, прикрепленных друг к другу соединительным согласным *д*. Этим сложным словом тундренные (нижнеколымские) юкагиры называют часть мехового одеяла, в которое засовывается голая нога человека во время сна ночью. Данная лексема буквально переводится как ‘вместилище одеяла для ноги’. Например: *Аавишба хонмэдаурэн льэл тадаа чингичэлмэн ааваарэ угурчэлэн сэвриэнунул* – ‘В одеяле мешочек (на конце одеяла) имеется, туда ночью, когда спишь, ноги засовывали’.

Кстати говоря, по словарю омокских и чуванских слов Ф.Ф. Матюшкина [Врангель, 1841], в омокском языке слову ‘нога’ соответствует лексема *хамна* [Курилов, 2003, с. 37]. Мы полагаем, что здесь, вероятно, допущена небольшая ошибка – видимо, слово это звучало так: *ханма* ‘нога’. Это омокское слово для нас важно еще тем, что оно дало две информации: во-первых, об «акающем» говоре омокского

языка, во-вторых, вероятно, об «акающем» говоре древнего языка, служившего основой формирования современного языка тундренных юкагиров, который и ныне является «акающим». В отличие от вадульского языка, одульский, (язык лесных юкагиров), является «окающим». Сравним: *савба* ‘тарелка’, *чабул* ‘море’, *нада* ‘волк’ (Т) и *шобого* ‘тарелка’, *чобул* ‘море’, *нодо* ‘зверь’ (Л) и т.д.

Здесь с особой теплотой и радостью хочется сказать, что благодаря небольшому словарю омокских и чуванских слов, собранных лицейским другом великого русского поэта А.С. Пушкина Федором Федоровичем Матюшкиным, ставшим впоследствии адмиралом флота, мы узнали об омокском и чуванском языках. Эти собранные слова стали достоянием юкагирологии как неоценимо важные сведения об исчезнувших языках омоков и чуванцев в XVIII в. Напомним, что этот бесценный труд Ф.Ф. Матюшкина был опубликован в приложении книги Ф.П. Врангеля «Прибавления к путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах».

Какими же еще сведениями располагаем о таинственных омоках и чуванцах и об их языках? Прежде всего отметим, что этноним *омок* является истинно юкагирским со значением «название этнической принадлежности», т. к. *омо* означает ‘народ’: *Мэт омо* – *вадулэн* – ‘Моя национальность – вадул’ (скажет тундренный юкагир) (Т); *Мэт омо* – *одулэн* – ‘Моя национальность – одул’ (скажет лесной юкагир) (Л); *Мэт алайиш нодьэн* – ‘Я есть алайи’ (ответит тундренный юкагир о своей родовой или племенной принадлежности) (Т); *Мэт хабулмэ шоромобат нондьэн* – ‘Я происхожу от людей рода (или племени) Воронов’ (ответит лесной юкагир) (Л).

Но тут возникает вопрос: почему какая-то группа юкагиров себя называла омоками? Насколько нам известно, на ярмарке в г. Среднеколымске омоками, точнее – омуками (по-якутски), называли юкагиров и чукчей, в отличие от эвенов, которых называли *тонус*.

Поэтому, вероятно, в тех местностях, где проживало разнородное население, во время переписи юкагироразличные племена, отделяя себя от соседей чукчей, тунгусов – ламутов,

якутов и русских, назывались омоками, и, возможно, поэтому мы имеем такие сведения про род омоков на реках Анюй на Чукотке. А в одном сборнике переписи конца 20-х гг. XX века в отчете о Якутии даже написали, что в Оленинском наслеге Нижнеколымского района Якутии были обнаружены исчезнувшие омоки. Далее было написано, что они носили фамилию Катаевых. На самом деле это была группа людей, именующая себя эвенами *илкэн* (*илкан* ‘настоящий, истинный человек’). Но мы считаем, что они были потомками *хододьыл* (они так отличали свою родовую принадлежность). А этноним *хододьыл* юкагиров – переселенцев с берегов Охотского моря происходил от *ходонджи* ‘люди племени *ходол*’ (*ходол* ‘лодка’, ‘челнок’, ‘ветка’) [Иохельсон, 2005, с. 465]. Они, как и усть-янские юкагиры, забыли родной язык и общаются на эвенском, якутском и русском языках. Также сведения о восьми родах омоков можно прочесть в книге барона фон Майделя [Майдель, 1894].

А теперь рассмотрим, какие сведения мы имеем о чуванцах. Напомним, что этноним чуванцы произошло от юкагирского чуванского слова *чуванджи* – сложного слова, которое состоит из первого компонента, являющегося атрибутивной формой слова *чувал* ‘море’ и второго компонента *-чжи* < *-дьи* < *-чи* ‘люди’. Все образование переводится как ‘поморы’ – буквальный перевод: ‘морские люди’ (т.е. ‘люди моря’). При рассмотрении чуванского диалекта, согласно словарю Ф.Ф. Матюшкина, предполагаем, что их язык являлся «акающим».

Чуванцы обрусели еще в XVIII в., сейчас чуванцы-оленьеводы знают еще по-чукотски. Они живут не только на Чукотке, но и в поселке Марково Магаданской области. Их численность, по последней Всесоюзной переписи, составляет 2,5 тысячи человек. В одной из своих работ, а именно в капитальном труде «Лексикология современного юкагирского языка», мы писали свое мнение об омокских и чуванских языках в их отношении к колымскому и тундренному диалектам юкагирского языка. Там мы отмечали, что имеются сходные лексические единицы, сближающие их в какой-то степени с тундренным диалектом, нежели с колымским диалектом юкагирского языка [Курилов, 2003, с. 36]. От этого своего мнения мы не отказываемся. Поэ-

тому, оставив эту тему, приступим к непосредственному этимологическому анализу первого компонента сложного слова *хонмэрау* ‘карус’.

Архаизм *хонмэ* ‘нога’, сохранившийся в составе сложных слов *хонмэрау* ‘карус’ и *хонмэдауур* ‘вместилище для ног в меховом одеяле’, *хонмэраудугурчэ* ‘торбаса из оленьих карусов’ [Курилов, 2001, с. 522], состоит из древнего корня *хон-* и словообразовательного форманта *-мэ* со значением предметности. Поскольку *хонмэ* в древности употреблялось для обозначения понятия ‘нога’, рудимент *хонмэ* буквально можно перевести как ‘часть тела для передвижения по земле’. Отсюда следует, что буквальный перевод *хонмэрау* ‘карус’: ‘шкура ноги (лапы)’: *Илэн хонмэраубанэ өмгэги кэврэлэн угурчэлэк ииэнунгумлэ* – ‘Оленьего каруса мездру сняв, обувь делают’.

Перевод слова *хонмэ* как ‘часть тела для передвижения (по поверхности земли)’ считаем правильным и необходимым. В процессе определения этимона *хон-*, его обобщенного абстрактного значения ‘передвижение по земле’ и дальнейшего поиска слов с данным корнем в материалах В.И. Иохельсона по языку верхнеколымских юкагиров выявился глагол с корнем *хон-* ‘выходить’ [Иохельсон, 2005, с. 466].

Поэтому мы поспешили спросить у П.Е. Прокопьевой, знающей язык верхнеколымских юкагиров (и продолжающей им овладеть при помощи знатока языка Л.Н. Деминой), об этом слове. Она сообщила, что в колымском диалекте такой глагол употребляли в речи при сообщении о поездке на участок, находящийся недалеко от говорящих. Так говорили будто бы тогда, когда надо было ехать или кочевать на небольшое расстояние. В связи с этим сообщением П.Е. Прокопьевой мы понимаем, что словарная единица *хануойидьаачэ* ‘кочевник’ [Курилов, 2003, с. 509] и однокоренные ей слова должны были писаться через [о] после начального фриктивного [х], а именно, как *хонаа-* (3 л. мэ *хонаай*; *хонаал*) ‘кочевать’, *хонуойи-* (3 л. мэ *хонуойий*; *хонуойил*) многокр. от *хонаа-*, *хонуойийуол-* (3 л. мэ *хонуойибуонь*, *хонуойибуолэл*) ‘быть любителем почаще кочевать’ и т.д. Однако в «Юкагирско-русском словаре» и всех современных юкагирских текстах надо сохранять разговорные варианты: *хануойидьаачэ*, *ханаа-*, *хануойи-* и т.д.

Надо особо подчеркнуть, что у юкагиров Нижней Колымы понятие ‘нога’, ‘лапа’ обозначалось ныне архаичным словом *хонмэ*. В нем, в отличие от современного вадульского *угурчэ* 1. ‘нога’, 2. ‘обувь’, отсутствовало значение ‘обувь’.

Однако повременим с этимологическим анализом нарицательного имени существительного *угурчэ*, а рассмотрим однокоренные, по нашему мнению, лексические единицы с архаичным словом *хонмэ* ‘нога’. Мы полагаем, во-первых, что словарные единицы *хандэ*- (3 л. мэ *хандэм*; *хандэл*) ‘проводить’, ‘сопровождать’, *хандаачэ* ‘проводник’, ‘сопровождающий кого-л.’, *хондьяа*- (3 л. мэ *хондьяай*; *хондьяал*) 1. ‘свататься’, 2. ‘отрабатывать калым в семействе невесты’, *хондьяачэ* ‘человек, идущий свататься’ в инициале должны писаться через *хон*-, а не *хан*-, как в «Юкагирско-русском словаре», зафиксировавшем приведенные слова [Курилов, 2003, с. 507–508]. Так они были приведены при произношении нашими информаторами. Этого правила надо придерживаться и в будущем. Здесь мы указываем на это лишь в научном, этимологическом анализе данных слов с целью уточнения их происхождения. Во-вторых, у приведенных лексических единиц корень *хон*= означает ‘двигаться’, ‘передвигаться (по земле)’.

Нарицательное имя существительное *хонуойидьяачэ* ‘кочевник’ прежде всего распадается на производную глагольную основу *хонуойидьяа*- (3 л. мэ *хонуойидьяай*; *хонуойидьяал*) ‘заниматься кочеванием’ и словообразовательный формант *-чэ*. *Хонуойидьяа*- распадается в свою очередь на глагольную основу *хонуойи*- и словообразовательный формант *-дьяа*. Далее основа *хонуойидьяа*- разделяется на основу *хонуойидьи*- (3 л. мэ *хонуойидьай*; *хонуойидьил*) многократно продуцированной от глагольной основы *хонуойи*- (3 л. мэ *хонуойий*; *хонуойил*) многокр. от *ханаа*- (3 л. мэ *ханаай*; *ханаал*) ‘откочевать’ [Курилов, 2003, с. 507]. Буквальный перевод всего образования выглядит так: ‘некто, постоянно, многократно занимающийся кочеванием’. Например: *Хонуойидьяачэлэк хануойий кэдэлэн моннунгумлэ* – ‘Кочевником называют того, кто кочует’.

Нарицательное имя существительное *хондьяачэ* ‘жених, отрабатывающий свой калым в семействе невесты’, ‘человек, занимающийся сватовством’, образованное от глагольной осно-

вы *хондьяа*- (3 л. мэ *хондьяай*; *хондьяал*) 1. ‘свататься’, 2. ‘отрабатывать калым в семействе невесты’ и именного деривата *-чэ*, продуцировано от глагольной основы *хондьи*- (3 л. мэ *хондьий*; *хондьил*) многокр. от основы *хон*- (3 л. мэ *хонни*; *хоннул*). Данное имя существительное буквально можно перевести словами ‘некто, многократно ходящий свататься’ или ‘некто, много раз отрабатывающий калым в семействе невесты’: *Танниги чупчэн кэдэ митинь хондьяачэ голдэн эврэй* – ‘В то время у нас чукча ходил как жених’.

Нарицательное имя существительное *хондаачэ* ‘проводник’, ‘сопровождающий’ состоит из деривативного форманта *-чэ*, который развивает значение производной глагольной основы *хондаа*- (3 л. мэ *хондаай*; *хондаал*) *неперех.* ‘быть провожатым’, ‘сопровождать’, продуцирован от глагольной основы *хондэ*- (3 л. мэ *хондэм*; *хондэл*) *перех.* ‘сопровождать кого-либо’. Буквальный перевод данного имени существительного: ‘некто, сопровождающий кого-либо’ или ‘некто, делающий сопровождение кому-либо’: *Тэн мэт хондаачэ голдэн тунг пэлдудиэ кэчимэн* – ‘Вот я как проводник этого старика привел сюда’.

На этом этапе исследования мы обязаны со всей категоричностью констатировать, что в недавнем, видимо, прошлом, в языке тундренных юкагиров происходило целенаправленное изменение не только лексической, но и грамматической системы языка. Одним из примеров этой реорганизации лексического состава языка является нарицательное имя существительное *хонмэ* ‘нога’, образованное от древнего корня *хон*- [в 3 лице единственного числа: *хонни* ‘ходил-он’].

Архаизм *хонмэ* ‘нога’ ныне сохранился лишь в составе трех сложных имен существительных: *хонмэрау* ‘карус’, *хонмэдауур* ‘часть одеяла, куда засовывается нога (во время сна ночью)’, *хонмэраудугурчэ* ‘торбаса из оленьих карусов’. Глагол *хони* ‘идти’, ‘уйти’ сохранился лишь в языке лесных (верхнеколымских) юкагиров [Николаева, Шалугин, 2002, с. 77]. В современном языке тундренных юкагиров Нижней Колымы вместо *хонмэ* употребляется слово *угурчэ* 1. ‘нога’, 2. ‘обувь’. Оно образовано при помощи деривативного аффикса *-чэ* от основы *уу*- (3 л. мэр *ууй*; *уул*) *неперех.* ‘идти’, *эгуу--эгуорэ* – ‘поставить ногу’ [Курилов, 2003, с. 584].

При этом необходимо сказать, что основа *уу-* в прошлом произошла от звуко сочетания *угу-*, также как долгое гласное [и] в слове *ииги-+-йэ* ‘веревка’ (ср. *иирэ-* (3 л. мэр *иирэм*; *иирэл*) *перех.* ‘привязать’). А вот слово *иисии* 1. ‘вымя’, 2. ‘молоко’ произошло от *иивисэ-* (3 л. мэр *иивисэм*; *иивисэл*) *перех.* ‘дать сосать’. Сравним, у лесных юкагиров *ибииши* 1. ‘вымя’, 2. ‘молоко’.

Рассмотрим однокоренные слова с основой *уу-* ‘идти’, см. *уусэ-* (3 л. мэр *уусэм*; *уусэл*) *перех.* ‘отнести что-либо куда-либо’. Или возьмем основу *уучиш-* (3 л. мэр *уучич*; *уучиш*) *неперех.* ‘пройти через какой-либо пункт до следующего пункта’. Мы полагаем, что первоначально эти слова звучали как: *угусэ-*, *угучиш-*. В связи с первой основой напомним, что некоторые тундренные юкагиры говорят *угусчэ* 1. ‘нога’, 2. ‘обувь’, а не *угурчэ*. В общем надо прямо сказать, что новое обозначение понятия ‘нога’ построено по тому же принципу, что и архаизм *хонмэ*. Оба эти слова можно буквально перевести так: ‘то, что помогает передвигаться (по земному пространству)’: *Чавлабандэ вадуллэ угурчэлэк илэлэ иэриэнунга* – ‘Северные юкагиры пешком оленей пасут’.

В одульском языке словом *угурчэ* обозначают понятие ‘лыжи, обернутые мехом’ [Николаева, Шалугин В, 2002, с. 71]. Также в языке лесных юкагиров существуют слова *нойл* ‘нога’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 48] и *мурэ* ‘обувь’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 45]. Как видим, и в прошлом, и в настоящем времени имела существенная разница в обозначении ног и обуви.

Эти сведения из языка лесных юкагиров нам сообщила П.Е. Прокопьева. Еще она сообщила, что у них тополь почему-то называют *угурчэраа* [Николаева, Шалугин, 2002, с. 71], на что мы тут же ответили, что из тополя изготавливают лыжи. Заметим, что такие слова с названными значениями в современном языке тундренных юкагиров не существуют или же утрачены. Отметим, что в работах исследователей по истории и археологии имеются сведения о предметах юкагирской материальной культуры. В одной из статей исследователя истории и культуры юкагиров Л.Н. Жуковой описывается древняя юкагирская обувь [Жукова, 2019, с. 28].

Надо особо отметить, что в ныне живых языках юкагиров постоянно происходят заметные

изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе и в словарном составе. Такие изменения, по нашим наблюдениям, особенно активно происходили в вадульском языке. Приведем лишь несколько фактов из материалов одульского языка. Так, если в XIX веке В.И. Иохельсон зафиксировал такие слова, как *одьи* ‘вода’, *чубодьэ* ‘сердце’, *адьуу* ‘язык’ [Иохельсон, 2005], то в современном одульском языке звук [дь] везде заменен звуком [ж] – соответственно *оожии* ‘вода’, *шубэдьэ* ‘сердце’, *ажуу* ‘язык’ [Николаева, Шалугин, 2002] и т.д. В словарном составе одульского языка лексема ‘старуха’ обозначается русским заимствованием *тэрикэ*, в вадульском языке говорят *апаналаа* ‘старуха’: *Одуллэ апаналаалэ моннунги «тэрикэ» – таби «старуха» нодьэ аруулэ одун аруулэк пулгэрэйуолэн* – ‘Одулы старуху называют «тэрикэ» – от слова «старуха» выведенное слово’.

Приведенные примеры в звуковом и словарном составе языка юкагиров Верхней Колымы указывают на то, что в нем происходили заметные изменения, но в грамматической системе существенных и качественных новых изменений не наблюдалось. Укажем, что отличием языка тундренных (нижнеколымских) юкагиров является система морфологического выражения логического ударения.

Здесь, немного отступая от основной темы, рассмотрим, что привнесено было в грамматическую систему вадульского языка. Это прежде всего обнаруженная в 30-е годы XX столетия Е.А. Крейновичем система морфологического выражения логического ударения в языке тундренных (нижнеколымских) юкагиров [Крейнович, 1958]. Суть системы морфологического выражения в следующем: 1) если в разговорной речи говорящий логически хочет выделить предикат сообщения, то предикатом появляется утвердительная частица *мэ* (когда предикат начинается с согласного звука) и *мэр* (когда предикат начинается с гласного звука): *Мэт мэ кэлуйэн* – ‘Я именно пришел’; *Мэт, Егор мэ кэлуйэн* – ‘Егор (я) пришел’; *Мэт мэр өрньэйэн* – ‘Я именно кричал’; *Мэт, Егор мэр өрньэйэн* – ‘Я, Егор, именно кричал’.

Если говорящий логически хочет выделить подлежащее, то личное местоимение 1 и 2 лица оформляется суффиксом *-эк*, а имя существительное интонационно выделяется. В таком со-

общении предикат стоит в форме на -(у)л: *Мэтэк кэлул* – ‘Именно я пришел’; *Мэтэк, Егор, кэлул* – ‘Именно я, Егор, пришел’.

Если подлежащим служит нарицательное имя существительное, то оно оформляется суффиксом -лэн: *Илэлэн кэлул* – ‘Именно олень пришел’ (*илэ* ‘олень’).

Если же говорящий логически хочет выделить прямое дополнение, то оно оформляется суффиксом -лэн (если дополнение состоит из одного нарицательного имени существительного): *Пуогэрэхат альбалэн кэчимэк* – ‘Из погребка именно рыбу принес’.

Если же прямое дополнение является именным словосочетанием, то определяемое нарицательное имя стоит в форме на -к: *Пуогэрэхат чаахандэ альбак кэчимэн* – ‘Из погреба именно мерзлую рыбу принес’.

Вообще надо сказать, что подлежащее – именное словосочетание под логическим ударением, как и сложное слово, оформляется суффиксом -к: *Ньяауэй лаамэк кэлул* – ‘Именно собака белой масти пришла’; *Ан мэт адаа чуоду-расаак абуолэл* – ‘Вдруг (вижу) там стоит железная ураса’; *Коля тадаат чуондолиик мэньмэлэ* – ‘Коля именно железную трость взял оттуда’.

Эти последние факты оформления суффиксом именных словосочетаний примечательны тем, что говорят о словосочетании *маархан лаамэк* ‘одна собака’ или *ньяауэй лаамэк* ‘белая собака’ как о конкретном (определенном) предмете и в этом смысле они, как и местоимение *мэт* в форме на -к (*мэтэк* ‘именно-я’), указывают на единичность и предметность, конкретность предмета разговора.

А это приводит к теории о номинативной и сигнификативной функциях имен существительных. Проявлением этой теории в юкагирском языке является то, что собственные имена, как названия единичных предметов (в широком понимании этого слова), никогда не оформляются суффиксом =н в роли атрибутивного члена именных словосочетаний. Наричательные же имена существительные ведут себя двояко: в одних случаях они не оформлены суффиксом -н (*илэ йауул* ‘след оленя’), в других случаях они стоят в форме на -н (*илэн йауул* ‘олений след’) [Курилов, 1977]. Отметим, что юкагиры, конечно же, думали просто. Впервые, они считали, что *Көндиз*, *Хальархаа* и

др. связаны как собственные имена с конкретным человеком, а слово *илэ* ‘олень’ в одних случаях выступает как обозначение одного конкретного оленя, в других случаях – как название оленей в общем как множества.

Здесь надо заметить, что система морфологического выражения логического ударения в грамматической системе одульского языка не обнаружена. Несмотря на то, что несколько статей по грамматике данного языка сделал сам Е.А. Крейнович. Он, как говорили выше, такое открытие сделал на материалах вадульского языка.

Таким образом, в результате сравнительно-сопоставительного, структурно-морфологического анализа лексемы *хонмэрау* ‘кабус’ и др. однокоренных слов, определился этимон *хон* =, обозначающий понятия: ‘двигаться’, ‘передвигаться (по земле)’. Понятия ‘нога’, ‘лапа’ обозначались архаичным словом *хонмэ*, в котором отсутствовало значение ‘обувь’. Поэтому рудимент *хонмэ* буквально можно переводить как ‘часть тела для передвижения (по земле)’.

Итак, сложные имена существительные определяются следующим образом: *хонмэрау* ‘кабус’ – ‘шкура ноги (лапы)’, *хонмэдауур* – ‘вместилище для ног в меховом одеяле’, *хонмэраудугурчэ* – ‘торбаса из оленьих кабусов’. Этимологическое значение лексем *хануойидьяачэ~хонуойидьяачэ* ‘кочевник’: ‘некто, постоянно, многократно, занимающийся кочеванием’, *хандьяачэ~хондьяачэ* ‘жених, отработывающий свой калым в семействе невесты’, ‘человек, занимающийся сватовством’: ‘некто, многократно ходящий свататься’ или ‘некто, много раз отработывающий калым в семействе невесты’, *хандаачэ~хондаачэ* ‘проводник’: ‘некто, сопровождающий кого-либо’ или ‘некто, делающий сопровождение кому-либо’.

Утверждение о самостоятельности вадульского языка (тундренного юкагирского) и одульского языка (лесного юкагирского) как близкородственных языков в очередной раз обосновывалось на анализе фонетических, лексических и грамматических изменений, определении языковых отличий.

Сокращения

- (Т) – тундренный диалект юкагирского языка
(Л) – лесной диалект юкагирского языка

Литература

- Жукова Л.Н. Кросскультурные контакты в древней истории юкагирского народа // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 3 (28). – С. 26–40.
- Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 680 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 5).
- Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 288 с.
- Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка (Развитие лексики и роль в нем якутского языка). – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.
- Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. – Л.: Наука, 1977. – 120 с.
- Курилов Г.Н. Термины родства, отражающие древнюю культуру тундренных юкагиrow // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – № 2. – С. 218–222.
- Курилов Г.Н. Этимологическое значение юкагирских этнонимов вадул и алайи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10 (52): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 104–106.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
- Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 годах / Пер. с нем. В.Л. Бианки. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. 599 с. – (Прил. к LXXIV т. Зап. Имп. Акад. Наук. № 3).
- Матюшкин Ф.Ф. Собрание слов чуванского и омокского языков // Врангель Ф.П. Прибавления к путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах. – СПб., 1841.
- Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (Верхнеколымский диалект). – СПб., 2002. – 224 с.

G.N. Kurilov

About the Lexeme Honmeraw ‘Kamus’ in the Tundra Dialect of the Yukagir Language

The etymological analysis of the lexical units of the tundra dialect of the Yukagir language, or the Wadul language, on the letter [X] fixed attention on the disclosure of the semantics of the lexeme honmeraw ‘kamus’ and cognate words. Comparative-contrastive and structural-morphological analysis of lexical units of the Wadul language with the Chuvan and Odul languages revealed the archaic word honme, determined the meaning of the etymon hon=. At the same time, the study of the ethnonyms of the Yukagir tribes or clans gave certain ethnographic information. With the identification of the semantics of the ancient root hon=, a morphological refinement of the lexeme with the root han= was obtained. The etymological meanings of words with etymon hon= have been determined: honmedawur ‘a container for feet in a fur blanket’, honmerawdugurche ‘torbasa from reindeer kamus’; meanings of words with hon= ~ han=: hanuoyidyaache ~ honuoyidyaache ‘nomad’, handyaache ~ hondyaache ‘a person engaged in matchmaking’, handaache ~ hondaache ‘guide’, ‘someone accompanying someone’ or ‘someone accompanying someone’. Comparison of the linguistic differences between the Wadul language (the tundra dialect of the Yukagir language) and the Odul language (the forest dialect of the Yukagir language) indicated their phonetic and lexical changes. These linguistic changes, as well as grammatical differences, once again gave grounds to assert the independence of these closely related languages.

Keywords: Wadul language, Odul language, ethnonym, accent dialect, occult dialect, archaism, etymon, phonetic changes, lexical changes, language differences

Б.М. Атаев, М.О. Ибрагимова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.013

УДК 81'272(470.67)

Национально-языковая политика в Дагестане: современное состояние и перспективы

В эпоху всеобщей глобализации становится весьма насущным безотлагательное решение такой важной научной и гуманитарной проблемы, как комплексный анализ современной языковой жизни на постсоветском полиэтническом пространстве и прогнозирование развития событий в этой области. Необходимость исследования языковых процессов в полиэтническом регионе обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. В Республике Дагестан до сих пор остается нерешенной проблема «рационального распределения» общественных функций между русским языком и языками Дагестана. В качестве перспектив развития языковой ситуации приводится следующее: в ареале распространения дагестанских языков можно отметить рост числа дагестанцев, заинтересованных в сохранении языка этносов, обучении детей родному языку; расширение круга билингвов, стремящихся к овладению русским и родным языками в совершенстве; стирание противоречий между суверенным правом личности на выбор языка общения, образования и интересами сохранения этногенетического фонда малочисленных народов. Неоднородность языков народов Дагестана с социолингвистической точки зрения обуславливает необходимость пристального внимания лингвистов к правовым вопросам функционирования языков. Назрела необходимость принятия глубоко продуманной целевой государственной программы по сохранению, развитию и функционированию языков Дагестана, базирующейся на единой республиканской государственной концепции языковой политики, которую следует разработать с привлечением всех компетентных специалистов.

Ключевые слова: национально-языковая политика, дагестанские языки, языковая ситуация, сохранение языков.

После распада СССР национально-языковая политика в Российской Федерации проводилась, как правило, в режиме «гашения» текущих проблем. Некоторому снижению общественно-политической напряженности вокруг этноязыковых проблем способствовало принятие 25.10.1991 Закона «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, внесенными Федеральным законом от 24.07.1998) [Закон РФ «О языках народов Российской Федерации»; Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон «О языках народов РСФСР»].

Этот закон провозглашает равенство языков, статус русского языка как государственного языка Российской Федерации, действующего на всей территории страны, право национальных республик устанавливать свои государственные языки. В 1990-е и последующие годы в РФ был также принят ряд законов, которые прямо или

косвенно регламентируют национально-языковую сферу жизни россиян. Это законы «Об образовании» [Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»], «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Основы законодательства Российской Федерации о культуре], Федеральный закон «О национально-культурной автономии» [Федеральный закон «О национально-культурной автономии»], Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [«О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»] и др. Однако принятие этих законов не сняло полностью напряжение в вопросах национально-языковой политики в Республике Дагестан, и эта проблема все еще остается нерешенной в этом многонациональном регионе.

И от того, насколько верная языковая политика будет проводиться в Республике Дагестан,

будет зависеть не только судьба языков народов Дагестана с их самобытными культурами, но, возможно, и судьба самих народов – носителей этих языков и культур.

Согласно Конституции РФ, её субъекты имеют право закреплять в республиканских конституциях в качестве государственных языков, наряду с русским языком, и местные языки. Цель придания языку того или иного статуса состоит не только в символической записи в Конституции, но и в обеспечении правовых гарантий свободного его функционирования.

В Дагестане четырнадцать «конституционных» языков: русский, аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, чеченский, цахурский. Статус остальных языков (андийского, арчинского, ахвахского, багвалинского, бежтинского, ботлихского, гинухского, годоберинского, гунзибского, каратинского, тиндинского, чамалинского, хваршинского, цезского) в Конституции Дагестана не определен.

Из всех народов Дагестана к малочисленным были отнесены агульцы, андийцы, арчинцы, ахвахцы, багвалинцы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, горские евреи и таты, гунзибцы, каратинцы, рутульцы, тиндинцы, хваршинцы, цахурцы, чамалинцы, цезы.

Этнографическим курьезом можно назвать то, что сказано о «коренных малочисленных народах» Республики Дагестан в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», принятом 30.04.1999. Статья 1 этого закона гласит: «Учитывая уникальность этнического состава населения Республики Дагестан по числу проживающих на ее территории народов, Государственный Совет Республики Дагестан определяет количественные и иные особенности ее коренных малочисленных народов, а также устанавливает перечень этих народов с последующим включением его в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» [«О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»]. Стало быть, власть (а не естественная природа народонаселения) «определяет количественные и иные особенности коренных малочисленных народов»?

С социолингвистической точки зрения языки народов Дагестана также неоднородны, что обуславливает необходимость пристального внимания лингвистов к правовым вопросам функционирования языков [Биткеева, 2018; Алексеев, 1992; Алексеев, 2013, с. 11–12; Магомедов, 2019, с. 94–98; Языки народов России, 2002; Государственные языки в Российской Федерации, 1995; Габуниа, Тирадо, 2002 и др.].

Этнолингвистическое своеобразие Дагестана, в отличие от других республик, входящих в Россию, состоит еще и в том, что здесь нет ни титульной нации, ни титульного языка, а статусом государственных языков, согласно статье 10 Конституции РД, обладают «русский язык и языки народов Дагестана». Встает закономерный вопрос: считать ли государственными языками Дагестана дагестанские языки, представленные только в других государствах, например, в Азербайджане и Грузии – будухский, крызский, удинский, хиналугский? Являются ли (согласно Конституции РД) государственными языками Дагестана, например, одноаульные гинухский и арчинский языки, число носителей которых менее одной тысячи человек, или языковые единицы, по статусу которых (язык/диалект) нет единого мнения, например, кубачинский и кайтагский?

Эти вопросы Конституция РД пока оставляет без однозначного ответа. Специалисты могут подтвердить, что в качестве государственного языка в полинациональной республике не может функционировать, например, бесписьменный язык малочисленного этноса. Никак не может быть «государственным» язык, насчитывающий всего полсотни человек носителей, например, гинухский.

Кроме того, в силу некоторых причин политического характера Конституция РД не определилась также и с понятиями «дагестанский народ» и «народы Дагестана», «языки Дагестана» и «дагестанские языки». Лингвисты и этнографы, опираясь на строго научные методы, могут объяснить, какая разница между понятиями «дагестанские языки», «языки Дагестана» и «языки народов Дагестана».

Разница здесь заключается только в одном: в понятие «дагестанские языки» входят генетически родственные (т.е. имеющие общее происхождение) языки Дагестана, которые могут в

настоящее время быть локализованы и за пределами республики (например, будухский, крызский, хиналугский и удинский, носители которых проживают в Азербайджане и Грузии), а в понятие «языки Дагестана» включаются языки, распространенные на территории Дагестана, но не являющиеся родственными по происхождению «дагестанским языкам» (например, кумыкский, ногайский, азербайджанский, русский и др.). А в понятие «языки народов Дагестана» традиционно включаются языки четырнадцати «титовых народов Дагестана».

На сегодняшний день, накануне возможного принятия «Закона о языках Дагестана», перед специалистами стоит всего одна задача: выяснить, какой язык (языки) в Республике Дагестан является государственным (являются государственными) и, исходя из этого, предложить конкретные пути для решения языковой проблемы. Все остальные вопросы прямо вытекают из этого решения и не носят принципиального характера.

Сегодня никто не сможет отрицать, что только один язык – русский – успешно выполняет свою государственную функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в Дагестане. Ни один другой язык в Дагестане, как бы он ни декларировался, не выполняет и не может выполнять высокую миссию – быть государственным языком. Ни на одном из языков Дагестана в республике не говорит хотя бы треть населения. Ни один язык Дагестана, кроме русского (которым владеет 90,51% населения [Всероссийская перепись населения, 2010]), не является языком, объединяющим все дагестанские этносы.

Лингвисты Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук разработали и внесли на рассмотрение в Народное Собрание Республики Дагестан свои предложения по проекту «Закона о языках народов Дагестана» и твердо будут отстаивать научные профессиональные позиции, не принимая во внимание какие-либо идеологические и политические мотивы. Предлагается в «Законе о языках народов Дагестана» юридически закрепить фактическое положение русского языка в Дагестане в качестве государственного языка. (Впрочем, как государственный язык России русский язык уже является

таким для всех субъектов страны согласно действующей конституции).

Думается, что такое решение было бы и политически грамотным, и научно обоснованным. А все языки Дагестана следует признать «официальными языками Дагестана» с соответствующими полномочиями. При этом законодательно объявить их национальным достоянием, важнейшим элементом культуры, национального и гражданского самосознания дагестанцев. Получившие статус официальных языки Дагестана должны в полной мере выполнять свою высокую миссию на той территории, на которую распространяются пределы их компетенции. Официальные языки Дагестана, по нашему мнению, обязаны будут функционировать в полной мере в тех районах республики, где число их носителей составляет свыше 50% населения данного ареала.

Еще в 1953 г. в международных правовых документах предлагалось разграничить понятия «государственный язык» (national language) и «официальный язык» (official language). Выработанные экспертами ЮНЕСКО определения вполне адекватны и достаточно емки: «Государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства»; «Официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства» [Государственные языки в Российской Федерации, 1995, с. 10–11]. Вышеупомянутые определения свидетельствуют о том, что понятие «государственный язык» является более широким по сравнению с понятием «официальный язык», так как государственный язык включает не только официальные, политические, но и социальные, культурные сферы общения.

По нашему мнению, поскольку в Республике Дагестан сложилась уникальная ситуация, для создания реальных условий для самобытного развития многочисленных языков следует принять не противоречащий федеральному республиканский «Закон о языках РД», который в полной мере учитывал бы этноязыковую специфику Дагестана.

В таком законе должен быть четко определен статус каждого языка (во избежание вся-

кого рода спекуляций на эту тему). Здесь должно содержаться однозначное определение понятий «язык», «наречие», «диалект», «говор», «подговор» и дано научное объяснение существующей между ними разницы. Но даже в этом узкопрофессиональном вопросе позиция ученых-языковедов до сих пор не консолидирована.

Также в законе должен быть приведен полный список всех языков, диалектов и говоров языков Дагестана. Здесь должна быть объяснена разница между понятиями «государственный язык», «официальный язык», «письменный язык», «бесписьменный язык», «младописьменный язык» и т.д. Если будут оставлены двусмысленные, обтекаемые формулировки, то еще долго будут продолжаться спекуляции на эту тему, грозящие внести напряженность в межнациональные отношения.

Одновременно с этим необходимо принять и глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков Дагестана. Но прежде всего необходимо выработать единую республиканскую государственную концепцию языковой политики с привлечением всех компетентных специалистов и провести конференцию для научного решения всех возникающих вопросов по этой теме.

Видимо, не случайно Закон «О языках народов Российской Федерации» содержит упоминание о проведении «научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» [Закон РФ «О языках народов Российской Федерации»].

Дагестанцы-горожане во втором-третьем поколениях (даже при живых родителях) или вообще не знают родного языка, или могут лишь изъясняться при острой необходимости. В итоге сформировалась новая «социолингвистическая прослойка» горожан, которые «понимают (как они сами считают!), но не могут говорить».

Между этими условными группами горожан в плане речевой деятельности, по сути, нет различия, потому что все они на родном языке не общаются ни дома, ни на улице. Естественно, что горожане уже во втором поколении не умеют читать и писать на родном языке. Однако

абсолютное большинство дагестанцев, фактически перешедших на русский язык, все же своим родным языком считают язык своей национальности, видимо, видя в нем символ своей национальной (этнической) принадлежности. Только в этом смысле будет понятен и другой парадокс: 97,4% опрошенных горожан-дагестанцев, включая и тех, кто не владеет родным языком, считают, что их роднит со своим народом язык [Атаев, 2012, с. 167].

Мы полагаем, что в ареале распространения дагестанских языков намечаются следующие перспективы развития языковой ситуации.

1. Несмотря на нынешние, казалось бы, непреодолимые трудности, намечается рост числа дагестанцев, заинтересованных в сохранении языка этносов, обучении детей родному языку, что прогнозирует подъём этнического самосознания дагестанцев.

2. Интенсивно будет расширяться круг носителей национально-русского двуязычия, что приведет к повышению интереса к овладению обоими языками в совершенстве.

3. Активизация в области изучения родных языков горожанами-билингвами приведет к стиранию противоречий между суверенным правом личности на выбор языка общения, образования и интересами сохранения этногенофонда малочисленных народов.

4. В связи со спецификой полиэтнического региона не намечается принятие решения о требовании от граждан других национальностей, живущих в Дагестане, овладения одним из местных языков (по выбору). Такое требование, вполне оправданное в мононациональном регионе, в Дагестане выглядит капризом некомпетентных специалистов, так как в республике отсутствуют сферы общения, в недостаточной мере обслуживаемые русским языком. Алогизм постановки вопроса обусловлен изначальным отсутствием критериев выбора одного из дагестанских языков.

Исходя из «Декларации о языках народов России», Закона РФ «О языках народов РФ», Постановления ВС РФ «О порядке введения в действие Закона РФ «О языках народов РФ» и Конституции Республики Дагестан, предлагаем для обсуждения разработанный нами проект государственной программы «Развитие и функционирование языков Дагестана».

I. Функционирование языков Дагестана

1. Обеспечение конституционного права носителей языков Дагестана на их функционирование во всех учреждениях, предприятиях и организациях на территории Республики Дагестан.

2. Создание при правительстве Республики Дагестан постоянной Государственной комиссии по языкам Дагестана с целью осуществления контроля над их функционированием.

3. Создание благоприятных условий (финансового и учебно-методического обеспечения) для изучения родных языков во всех учреждениях и предприятиях, расположенных в местах компактного проживания носителей языков Дагестана.

4. Разработка образцов деловой документации на национальных языках Дагестана.

II. Научное изучение языков Дагестана

1. Составление и издание академических курсов языков Дагестана.

2. Составление энциклопедии «Языки Дагестана».

3. Составление толковых, этимологических, орфографических, фразеологических, исторических, морфемных словарей, а также словарей синонимов, омонимов, антонимов; переводных, терминологических, ономастических, частотных, обратных словарей языков Дагестана.

4. Научное изучение речи носителей языков Дагестана, проживающих за пределами республики; организация соответствующих экспедиций.

5. Создание национальных корпусов языков Дагестана.

6. Подготовка «Сводов памятников фольклора народов Дагестана».

7. Подготовка и выпуск академических изданий сочинений классиков дагестанской литературы; издание переводов классиков мировой литературы на языках Дагестана.

8. Научное изучение ономастики языков Дагестана; разработка научных принципов и практических рекомендаций для наименований и переименований географических объектов.

9. Составление и издание «Атласа языков и диалектов Дагестана».

10. Издание научно-популярной литературы (самоучителей, разговорников, занимательных грамматик) о языках Дагестана.

11. Организация регулярных симпозиумов и сессий дагестановедов с целью координации научной работы, дискуссии и обмена информацией.

12. Поддержка кафедр национальных языков на филологических факультетах гуманитарного профиля в вузах республики.

13. Укрепление и расширение научно-учебной и материально-технической базы в академических центрах, на факультетах гуманитарного профиля в вузах и педагогических колледжах республики с целью углубления изучения и фундаментального исследования языков Дагестана.

III. Преподавание языков Дагестана

1. Составление программ по развитию родной речи для различных возрастных групп детей в дошкольных учреждениях; подготовка соответствующей литературы и наглядных пособий. Подготовка и издание пособий по ускоренному обучению родной речи.

2. Разработка обновленных учебных программ, планов, научных методик, пособий, учебников и хрестоматий по родным языкам и литературам для школ, Дагестанского государственного университета, Дагестанского государственного педагогического университета и средних специальных учебных заведений, готовящих кадры учителей родных языков и работников дошкольного образования.

3. Разработка планов поэтапного обучения родным языкам в I-XI классах средних школ (правописание и речь, фонетика, основы грамматики, основные вопросы стилистики и лексикологии).

4. Поддержка и развитие кабинетов родных языков и литератур во всех школах и их обеспечение научной и педагогической литературой.

5. Содействие изучению родных языков и литератур во всех городских школах, вузах и других учебных и образовательных учреждениях республики.

6. Рассмотрение возможности открытия в районных центрах и крупных населенных пунктах филиалов вузов и педагогических колледжей.

7. Проведение регулярных научно-методических конференций и сессий по вопросам преподавания родных языков и литератур.

8. Оказание систематической действенной помощи центрам, кружкам и группам, изучающим родной язык за пределами республики

(снабжение соответствующей литературой, проведение выездных учебно-методических сессий и т.д.); максимальное комплектование их библиотек литературой на национальных языках.

9. Подготовка и издание учебников родного языка и литературы для дагестанцев, проживающих за пределами республики (с учетом языка региона проживания).

IV. Пресса, радиовещание и телевидение

1. Систематическое освещение в республиканской и районной прессе вопросов развития родного языка, литературы и культуры.

2. Введение в республиканской прессе специальной рубрики для освещения материалов по истории родных языков и их функционированию в современных условиях.

3. Поддержка редакций национального вещания на республиканском телевидении.

4. Увеличение числа каналов и объема радио- и телевещания на языках Дагестана.

5. Увеличение выпуска аудио- и видеоматериалов на языках Дагестана.

V. Организационные мероприятия

1. Создание республиканского Фонда развития родных языков.

2. Создание Центра координации фундаментальных исследований по дагестанской филологии.

3. Учреждение именных премий за заслуги в области достижений в изучении и популяризации дагестанских языков и стипендий для студентов факультетов дагестанской филологии.

4. Создание Координационного совета по реализации настоящей программы.

Полагаем, что принятие государственной программы «Развитие и функционирование языков Дагестана» позволит сохранить в республике положительный опыт этнической консолидации и проводить последовательную этноязыковую политику, ориентированную на развитие дагестанских языков.

Литература

Алексеев М.Е. Языки малочисленных народов СССР: современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987–1999 гг. – М., 1992. – С. 13–24.

Алексеев М.Е. Языки народов России и постсоветского пространства: проблемы изучения и перспективы развития // Родной язык. – 2013. – № 1. – С. 8–17.

Атаев Б.М. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. – Махачкала: АЛЕФ, 2012.

Биткеева А.Н. Языковая адаптация диаспоры: стратегия и перспективы развития // Acta Linguistica Petropolitana. – 2018. – Т. 14, Часть 3. – С. 57–81.

Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги по национальному и языковому составу населения и по регионам [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 10.05.2020)

Габуниа З.М., Тирадо Р.Г. Миноритарные языки в XXI веке. Кавказские языки. – М.: ИЯ РАН–КБГУ, 2002.

Государственные языки в Российской Федерации: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. ред. В.П. Нерознак. – М.: «Academia», 1995.

Закон РФ от 12.10.1991 №1807-1 «О языках народов Российской Федерации».

Магомедов М.И. Дагестанские бесписьменные языки в эпоху глобализации // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 2(27). – С. 94–98.

Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1–2. – М., 2004.

Основы законодательства Российской Федерации о культуре. Утв. ВС РФ 09.10.1992 г. №3612 (ред. 18.07.2019 г.).

Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон «О языках народов РСФСР», принят 24.07.1998 г.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ.

Федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями и дополнениями).

Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: «Academia», 2002.

Moseley Ch. Atlas of the World's Languages in Danger. Paris: UNESCO, 2010.

B.M. Ataev, M.O. Ibragimova

National Language Policy in Dagestan: Current State and Prospects

In the period of universal globalization, an urgent solution to such an important scientific and humanitarian problem as a comprehensive analysis of modern language life in the post-Soviet multi-ethnic space and forecasting the development of events in this area becomes urgent. The need to study language processes in a multi-ethnic region is due to a number of interrelated circumstances. The problem of “rational distribution” of social functions between the Russian language and the languages of Dagestan is still unresolved in the Republic of Dagestan.

As prospects for the development of the language situation: in the distribution area of the Dagestan languages can be noted the increase in the number of Dagestanis who are interested in preserving the language of the ethnic groups, teaching children their native language; the extension of the circle of bilinguals, seeking to learn Russian and native languages in perfection, erasing the contradiction between the sovereign right of the individual to choose the language of communication, education and interests of the preservation of ethnogeneza indigenous peoples.

The heterogeneity of the languages of the peoples of Dagestan from a sociolinguistic point of view makes it necessary for linguists to pay close attention to the legal issues of the functioning of languages. There is a need to adopt a well-thought-out targeted state program for the preservation, development and functioning of the languages of Dagestan, based on the unified Republican state concept of language policy, which should be developed with the involvement of all competent specialists.

Keywords: National language policy, Dagestan languages, language situation, language preservation.

М.А. Кириллина

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.014

УДК 821.512.157.09

Мифопоэтические особенности стихотворной драмы И.М. Гоголева «Дыхание железного века»

В аспекте мифопоэтического подхода рассматриваются особенности функционирования мифо-фольклорных архетипов и образов, мотивов, своеобразие авторского мифа на материале стихотворной драмы народного писателя Якутии И.М. Гоголева «Дыхание железного века». Мифопоэтика определяется как один из доминантных признаков, определяющих как жанровую модель стихотворной драмы, так и процесс лиризации, жанровых трансформаций и модификаций драматургического текста в целом. В драме «Дыхание железного века» выявляются жанровые признаки «драмы поэта»: интерпретация мифо-фольклорного нарратива, архетипических образов и мотивов, доминирование лирического сюжета, определенный тип конфликта и героя, двойничество персонажей. В тексте установлены внутренний сюжет и внутреннее действие, актуализирующие экзистенциальный, неразрешимый конфликт человека с миром, что в конечном итоге определяет мифопоэтичность и символичность как драм, так и всего творчества писателя. Образы времени и пространства определяются как одна из форм выражения авторского сознания, лирического начала в тексте. В результате анализа трагедии в стихах «Дыхание железного века» И.М. Гоголева выявлен синкретичный характер текста, в котором мифопоэтические элементы органично сочетаются с имманентными законами драматургии.

Ключевые слова: «драма поэта», стихотворная драма, лирическое начало, мифопоэтика, «авторский миф», художественное время и пространство, двойничество, архетип, мотив.

Творчество народного писателя Якутии Ивана Михайловича Гоголева-Кындыл, отличающееся глубиной философских проблем, уникальностью и необычностью художественного метода, представлено во всех трех родах литературы: поэзии, прозе и драматургии, что позволяет отнести его к ряду писателей – литературных билингвов, наравне с основоположниками якутской литературы П.А. Ойунским и А.И. Софроновым. Особенностью творческого метода И. Гоголева, объеди-

няющим началом художественной системы писателя является мифопоэтика, основанная на интерпретации и трансформации мифологических и фольклорных сюжетов и мотивов, архетипов и образов, создании неомифологических текстов, собственного «авторского мифа». В этом смысле И. Гоголев является продолжателем традиций А.Е. Кулаковского и П.А. Ойунского, в творчестве которых сложились основы неомифологизма и неотрадиционализма.

Своеобразие мифопоэтической картины мира в прозе и поэзии И. Гоголева основательно рассмотрено С.Е. Ноевой [Ноева, 2009], М.Н. Дьячковской [Дьячковская, 2015], Е.М. Ефремовой [Ефремова, 2018]. Между тем мифопоэтика в драматургии поэта как проблема специально не исследована. В рамках постановки проблемы «драмы поэта» как жанрового образования возникает необходимость рассмотрения мифологизированной поэтики как одного из доминантных признаков, определяющих жанровую модель стихотворной драмы, процесс лиризации, жанрово-родовых трансформаций и модификаций драматургического текста в целом. В связи с этим требуют специального исследования такие аспекты мифопоэтики, как выявление структуро- и сюжетообразующей функции мифо-фольклорных мотивов и сюжетов, системы архетипов и образов, создание «авторского мифа» в драматургических текстах И. Гоголева.

В творчестве писателя можно выявить семантическое единство архетипического комплекса, образной структуры произведений, мотивов и сюжетов, которые позволяют говорить об эстетическом, нравственно-философском единстве художественного мира И. Гоголева, целостности его авторской картины мира. Так, основу сюжета знаковых произведений якутского писателя составляют фольклорные нарративы (предания, легенды) о первопредках якутов Омобой и Элэй (части поэмы «Песнь о Лене», трагедия в стихах «Дыхание железного века»), о легендарном Тыгын Дархане (части поэмы «Песнь о Лене», трагедия в стихах «Утро Туймаады» и ее варианты), о национальном герое Манчаары (драма в стихах «Священный долг», роман «Манчаары»). В прозаических и поэтических текстах автора исследователями выявлена устойчивая система архетипов: *Великая Гора* (*Чочур Мыраан*, *Эбэ Хайа*), *Великая река* (*Лена*, *Виллюй*), *Мировое дерево* (*Аал Луук Мас*), *Слово*, *Сэргэ*, *Хомус* и т.д. [Ноева, 2009], [Дьячковская, 2015], [Ефремова, 2018]. Архетипы *Мировой Горы* (в образе *Чочур Мыраан*) и *Мирового Дерева*, определяющие расширение и углубление сценического пространства и времени, комплексно представлены и в стихотворных драмах, что обусловлено своеобразием авторской картины мира якутского писателя, по справедливому за-

мечанию М.Н. Дьячковской, основными архитетоническими принципами творчества которого являются цикличность и вариативность [Дьячковская, 2015, с. 166]. Все это позволяет считать необходимым и актуальным рассматривать уникальную драматургию И. Гоголева в аспекте изучения мифопоэтики как своеобразия творческого метода, индивидуально-авторского стиля, мироощущения и мировосприятия писателя-литературного билингва.

Драматургия И.М. Гоголева в первую очередь уникальна с точки зрения «пограничности», «литературного билингвизма», что позволяет определять ее как «драму поэта», которая рассматривается как сложное жанровое образование, тяготеющее к метажанру, специфика которого обусловлена объединением «самого объективного и самого субъективного родов литературы» [Журчева, 2007, с. 65], драмы и лирики, связанной с авторским «я». В драматургии мифопоэтика реализуется как на уровне сюжета и образов, так и на уровне разворачивания драматургического конфликта. В стихотворных драмах «Долина Кёряйи», «Дыхание железного века», «Священный долг» определен особый тип героя, которому присущи с одной стороны, черты страдающего героя античной трагедии, с другой стороны, романтического героя, способного на лирическое переживание, саморефлексию, открытого читателю/зрителю. Главный герой при этом выступает в образе избранного героя, правителя или воина (*Омобой*, *Элэй*, *Тыгын*, *Манчаары*). В текстах помимо внешнего сюжета и действия установлены внутренний сюжет и внутреннее действие, раскрывающие основные бинарные оппозиции: светлого и темного, внешнего и внутреннего, жизни и смерти, сознательного и бессознательного, чем и обусловлены двойственность героя, двойничество персонажей. На наш взгляд, именно внутренний, лирический сюжет, актуализирующий экзистенциальный, неразрешимый конфликт человека с миром, определяет мифопоэтичность и символичность как драм, так и всего творчества писателя.

С точки зрения выявления мифопоэтических особенностей в драме наиболее репрезентативной представляется трагедия в стихах «*Тимир уйэ тэнсигэ*» («Дыхание железного века»), сюжет которой основан на историческом предании

о первопредках народа саха Омоҕой Баай (Омогой) и Эллэй Боотур (Эллай). Заголовок текста «*Тимир үйэ тэнсигэ*» («Дыхание железного века») отсылает к внутреннему сюжету, раскрывающему бинарную оппозицию *прошлого и настоящего, старого и нового, статичного и динамичного*, персонифицированную в образах Омоҕой и Эллэй, которые, в свою очередь, представлены героями-двойниками. Указанные в ремарках землянка-холомо, костяная пальма-муос батыйа, принадлежащие Омоҕой, связаны с уходящим глиняным веком, и именно они обеспечивают относительную устойчивость существования персонажей (Омоҕой, Аан Далбар, Кындыа) в настоящем. Эллэй, напротив, предстает как носитель культурного кода динамичного, энергичного железного века со своими законами и нравами: «*Тимир хааннаах, тимир тириилээх / Тимир үйэ тэнсигэ биһигини буллаҕа*» [Гоголев, 2015, с. 23] (досл. *С железной кровью, железной кожей / Нашел нас гонец железного века*) (здесь и далее дословный перевод наш – М.К.). В якутском варианте заглавия архаизм «тэнсик» обозначает «гонец», «нарочный». Но в контексте стихотворной драмы И. Гоголева слово «тэнсик» предпочтительнее перевести как «дыхание» (як. «тыын»).

В «Дыхании железного века», таким образом, одним из главных и определяющих единство драмы элементов выступает образ времени, образ железного века. Важно заметить, что в «драме поэта» образы времени и пространства являются одной из форм выражения авторского сознания, лирического начала в тексте. Размышления поэта-драматурга о времени и вечности, о судьбе нации составляют внутренний, лирический сюжет, «второй план» действия трагедии. Несмотря на конкретно-историческое время-пространство – XIII в., долина Туймаада – ощущается вневременность и внеисторичность происходящего действия, что обусловлено мифопоэтической моделью мира, созданной автором. Сакральность, многоуровневость и многомерность времени и пространства, совмещающая прошлое, настоящее и будущее, Верхний, Средний и Нижний миры и соответствующая космологическим представлениям народа саха, значительно расширяет и углубляет драматургический текст, способствуя выражению авторской концепции создания нового мифа о рождении

этноса. Традиционный фольклорный нарратив представляется автором в трансформированном виде, что позволяет утверждать о создании оригинального «авторского мифа», о неомифологизации художественного текста. Следует отметить, что проблема авторского мифа в поэзии И. Гоголева как одно из характерных явлений поэтики писателя рассматривается Е.М. Ефремовой [Ефремова, 2018].

В тексте «Дыхание железного века» своеобразна авторская интерпретация фольклорного сюжета, согласно которой дочери у Омоҕой от разных женщин: старшая дочь Сыспай Сыһыах от его первой жены Аан Чыныһа (Симэхсин), а младшая Ньыкаа Харахсын от Айыы Далбар. Предание о первопредках якутов, таким образом, адаптируется под законы драмы, одновременно подвергаясь авторской трансформации. В то же время в тексте стихотворной драмы сохраняются основные мотивы фольклорного нарратива, представляющего Эллая как культурного героя: прибытие Эллая по реке на бревне, проведение первого национального праздника *ыһыах*, постройка берестяной юрты-*ураһа*, изобретение берестяной посуды.

Трагедия в стихах И. Гоголева представляет собой синкретичный текст, в котором мифопоэтические элементы органично сочетаются с имманентными законами драматургии. Так, в сюжетостроении основополагающая роль отводится мотиву прошлого, или, по определению К. Фрумкина, «власти прошлого», ломающей человеческие судьбы [Фрумкин, 2014, с. 314]. «Власть прошлого» при этом интерпретируется как неотвратимость Судьбы и Рока: согласно авторской трактовке, трагическая смерть младшей, любимой дочери Омоҕой, отвергнутой женихом, является возмездием за проступки отца, который в молодости оставил свою жену ради молодой Аан Далбар. В сюжетной линии, таким образом, выявляется мотив классического любовного треугольника (Омоҕой – Аан Далбар – Аан Чыныһа (Симэхсин) и Эллэй – Ньыкаа Харахсын – Сыспай Сыһыах), который приобретает в тексте дополнительные смыслы, усложненные мотивом двойничества.

Проявление феномена двойничества часто связывают с романтизмом, когда возникает двойственность мировосприятия, резкая поляризация мира на основе конфликта между суще-

ствующей действительностью и сознанием романтического героя, ощущением утраты внутренней гармонии и целостности личности. Феномен двойничества как художественный прием в творчестве И. Гоголева обусловлен романтическим мироощущением писателя, его философским мировидением. В тексте «Дыхание железного века» мотив двойничества определяется кризисным состоянием разрушения старого мира и наступления нового века. Отношения, связывающие Омоёй и Эллэй, представлены по типу двойников-антагонистов, конкурирующих и противоборствующих открыто. К этой паре двойников примыкают герои-двойники Аан Далбар и Аан Чынгыйа (Симэхсин), Ньыкаа Харахсын и Сыспай Сыһыах, по воле судьбы ставшие соперниками. С появлением в долине Туймаада чужака, прибывшего по реке на бревне, начинается разрушаться тихая и размеренная жизнь Омоёй и его семьи, что составляет внешний конфликт трагедии. Образ реки как путь, вечное движение, жизненная сила выступает связующей нитью между прошлым и настоящим, топосом, объединяющим суровую Туймааду и южные степи, озеро Байкал – историческую прародину Эллэй и Омоёй.

Авторская трансформация мифа, на наш взгляд, вполне оправданна и соответствует поэтике драматургического текста, усиливая драматизм и трагизм действия. Классическая ситуация «быть или не быть» заставляет героя (Эллэй) страдать из-за своего выбора: исполнить свою высокую миссию – стать прародителем народа саха, выбрав в себе в жены нелюбимую женщину. При этом мотив двойничества способствует наиболее полному раскрытию внутреннего конфликта героя, находящегося в ситуации выбора. Традиционный конфликт между чувством и долгом получает в тексте трагическое содержание, актуализируя мифологему одиночества и жертвенности во имя всеобщего блага и гармонии. Драматизм и трагизм ситуации заключается в том, что осознание собственной вины и роковой ошибки, момент прощения и покаяния к героям приходит лишь в конце их жизненного пути. При этом понимание жизни как вечного круговорота, вечного возвращения и возрождения, как неизбежной расплаты потомков за грехи своих предков или благословение за их добродетельные поступки основано

на мировоззренческих установках писателя, восходящих к национальной картине мира.

Особое значение в реализации трагического конфликта имеют «случайные эпизоды» и «случайные диалоги». Так, в первом действии влюбленный Эллэй преподносит младшей дочери Омоёй простреленного гуся, отказав в просьбе старика выпустить стрелу-онобос в белого жеребца. Старшая дочь в это время приносит в дом родившегося в лесу теленка. Данный эпизод получает развитие в диалоге сестер:

Сыспай Сыһыах: *Счастье свое / На руках держу я / Не отдам я тебе!*

Ньыкаа Харахсын: *Я свое счастье оципываю / чтобы сварить и съесть!*

Сыспай Сыһыах: *Ой! Счастье не оципывают / А крепко обнимают, как я* [Гоголев, 2015, с. 13].

Приведенные выше эпизод и диалог, казалось бы, не имеющие прямого отношения к действию, непосредственно связаны с содержанием конфликта и способом его реализации. Эллэй, отказавшись от белого жеребца, невольно решает свою судьбу и трагическую участь своей любимой. Эта «случайность» и нелепость выбора оборачивается смертью младшей дочери Омоёй, отвергнутой любимым человеком, обрекая Элल्या на вечные душевные страдания. В конечном итоге остается открытым вопрос, кто из девушек обрел настоящее счастье: Ньыкаа Харахсын, любовь к которой Эллэй хранил до конца своих дней, но чья душа вынуждена скитаться между мирами, или Сыспай Сыһыах, не познавшая истинной любви, но рядом с которой Эллэй прожил свою земную жизнь, став прародителем целого этноса.

Подобная противоречивость ситуации возникает и у бинарной пары Аан Далбар и Аан Чынгыйа (Симэхсин), обусловленная сложностью и неоднозначностью личностных отношений, непредсказуемостью самой жизни. Именно с образом Симэхсин, находящейся в пограничном состоянии, связан мотив прошлого, усиливающий и динамизирующий конфликт и действие. Наличие двойного имени (настоящее имя персонажа – Аан Чынгыйа), наречение именем персонажа олонхо, старухи-скотницы Симэхсин расценивается как деталь мифологического перевоплощения [Лотман, 2001, с. 281], отказ от собственного «я». Как отмечает С.Е. Ноева, по-

добное наблюдается и в романах писателя [Ноева, 2009, с. 91]. Классические приемы переодевания, создания запутанной интриги, перипетии в судьбах героев, отсылающие к шекспировским трагедиям, удачно сочетаются в тексте с мифопоэтической картиной мира.

Героев-двойников Аан Далбар и Аан Чыныйа связывает не только любовь к одному мужчине, но и повторяющиеся судьбы их дочерей. Двойственность и драматизм ситуации возникает в тот момент, когда Аан Далбар за свое счастье быть женой Омоёй расплачивается смертью любимой дочери, в то время как Аан Чыныйа-Симэхсин, в молодости отвергнутая любимым человеком, в старости обретает душевный покой и счастье, выдав свою дочь за Элляя. Трансформация образа Аан Чыныйа – Симэхсин – Аан Чыныйа, обновление души героя через обиды и прощение завершается благословением-алгыс («*Ааспыт хонуктар / Анараа өттүлэригэр / Алгыстаах тыллаах / Аан Чыныйа хотун диэн ааттаабым!..*» [Гоголев, 2015, с. 57] *В былые времена / Звали меня госпожа Аан Чыныйа с благословенными речами!..*). В заключительных словах Элляй, адресованных потомкам, выражается авторская мысль о жизни как вечном круговороте, о возмездии и расплате как непреложном законе вселенной: «*Үтүө барыта / Үтүө төлөбүрдээх эбит! / Аньыы-буруй барыта / Амырыын изстэбиллээх эбит!..*» [Гоголев, 2015, с. 63] *(За добро расплачиваются добром, зло имеет дурные последствия!..)*.

Следует заметить еще один важный аспект мифопоэтики писателя – идентификация героя с животным или растением, чаще всего происходящая в снах героев, сознании героев, находящихся в пограничном состоянии, камлании шамана. К таковым относится «вещий сон» Омоёй о трехглавом орле (*үс төбөлөөх өксөкү көтөр*), знаменующем душу-кут Элляй, с которого начинается развитие действия. Толкование сна женой Аан Далбар, трактовка ею образа трехглавого орла как предвестника потомка *Сун хаан сүнгэн эрэлик* (в як. миф. «дух-покровитель озер и рек») является своеобразной микромоделью основного сюжета: (досл.) «*Потомок почтенного сурового духа-покровителя озер и рек*

/ Возможно, это был его дух... / То, что оторвалась голова, поворачивающая назад – / Знак того, что он не вернется туда, откуда прибыл... / То, что он остался двуглавый – / Одновременно означает и беду, и защиту... / Дерево Аал Луук с шестью ветвями / Может быть приметой шести родов? [Гоголев, 2015, с. 7–8])¹». Важно заметить, что один из вариантов рукописи данного текста имеет заглавие «*Үс төбөлөөх өксөкү*» («Трехглавый орел»).

Толкование сна-предупреждения о небесном происхождении Элляй повторяется в конце первого действия в сцене камлания шамана Аан Эрэлик: «*Чужестранец небесного происхождения, он прибыл к нам с высокой миссией – стать прародителем народа саха*» [Гоголев, 2015, с. 36]. Превращение великого шамана «в орла с головой медведя-самца» во время камлания, его путешествие по трем мирам формируют совершенно другое сценическое время и пространство – ирреальный, сакральный мир, выход в который возможен только для героев, обладающих сверхсилой, особой миссией. Наравне с шаманом к таковому относится и главный герой Элляй. Встреча Элляя с мифологическим образом, духом земли Аан Алахчын, которая появляется в судьбоносные моменты его жизни, способствует развитию и усилению внутреннего действия и конфликта, раскрывает сквозные мотивы (мотив вечной любви, мотив прощения) трагедии.

В данном контексте концептуальные значения приобретают архетипические образы: дерево-*мунураат* (дерево с обрубленной верхушкой), образы березы и ели, *сэргэ* (коновязь). Как известно, с образом Мирового Древа в якутской мифологии и фольклоре связано представление о трехмерности времени и пространства, где корни (прошлое) уходят в Нижний мир, ствол (настоящее) поддерживает Средний мир, ветки, крона (будущее) устремлены в Верхний мир. Особым смыслом обладает в тексте архетипический образ дерева, а именно дерево-*мунураат* с обрубленной верхушкой, углубляющий его трагический и драматический пафос. Для Элляя дерево-мунураат несет в себе символ торжества жизни над смертью, возможность об-

¹Согласно преданиям, Элляй, женившись на старшей дочери Омоёй, стал прародителем шести родов-аба ууһа, от которых произошел народ саха.

речения надежды и веры в будущее («Словно я! Тянется упорно к солнцу»), но в тоже время дерево для героя олицетворяет непрерывность и неизбежность жизненного круговорота, и под этим деревом он вынужден проклинать свою судьбу, предопределенную свыше («Одун хаан онгоһуута, / Оо, тугун бабас амырынай! Хаарыаннаах доборбуттан / Хайдах киэр хайыһыамый?! / Хааннаах сүрэхпин көтүрү тардан / Хайдах хара буорга / Хаһытаппытынан бырабыамый?!» [Гоголев, 2015, с. 37] (Судьба, предначертанная Одун хаан / О, как ты жестока! Смогу ли я отказаться / От возлюбленной своей?! / Сердце с кровью вырвать / и бросить на землю?!)).

Отождествление обрубленного дерева с неудавшейся судьбой происходит и в сознании Симэхсин, которая в некогда «громადной, ветвистой лиственнице, под тенью которой встречались они с Омогоем», видит лишь обиталище злых духов, что обусловлено трансформацией данного образа. Именно под деревом-мунураат происходит момент раскрытия тайны прошлого, предвещающий кульминационную часть развития действия. Особым сакральным смыслом наделен образ дерева-мунураат для шамана Аан Эрэлик, где он прошел обряд посвящения в великого шамана. Не случайно под священным деревом шаман предсказывает предначертанную высшими силами судьбу Элэй, согласно которой молодым возлюбленным не суждено быть вместе. Таким образом, с деревом-мунураат в тексте связаны ключевые мотивы сюжета: мотив признания, мотив разоблачения, мотив расставания, мотив прощения.

В целом трагедия в стихах «Дыхание железного века» представляет собой синкретичный текст, в котором установлено гармоничное сочетание лирического и драматического, лирического и трагического, мифологического и реалистического. В тексте И. Гоголева выявлены

жанровые маркеры «драмы поэта»: интерпретация и трансформация мифо-фольклорного нарратива, архетипических образов и мотивов, доминирование лирического сюжета, внутреннего действия, определенный тип конфликта «человек и мир», избранность героя, двойничество персонажей. Мифопоэтика как творческий метод и индивидуально-авторский стиль позволяет писателю свободно выражать философские воззрения о любви как источнике жизни, о предназначении человека, о судьбе нации.

Литература

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 167 с.
- Дьячковская М.Н. К постановке проблемы художественного стиля и метода в поэтическом творчестве Ивана Гоголева // Избранные работы: вопросы якутского стихосложения. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. – С. 160–173.
- Ефремова Е.М. Мифопоэтическая картина мира в поэзии И.М. Гоголева: специфика архетипических образов (Великая гора, Мировое дерево) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 8 (86). – Ч.1. – С. 21–24.
- Журчева О. В. Автор в драме: формы выражения авторского сознания в русской драме XX века. – Самара: СГПУ, 2007. – 418 с.
- Карманова (Ноева) С.Е. «Герой пути» в романах В.С. Яковлева-Далана: эволюция героя и пространства // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. № 1 (22). – С. 119–125.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2001. – 704 с.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 2000. – 407 с.
- Ноева С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск: Наука, 2009. – 119 с.
- Фрумкин К.Г. Сюжет в драматургии. От античности до 1960-х годов. – М., СПб.: Нестор-История, 2014. – 528 с.

Mythopoetic Features of the I.M. Gogolev's Poetic Drama “The Breath of the Iron Age”

In the article, in the aspect of the mythopoetic approach, the features of the functioning of myth-folklore archetypes and images, motives, the originality of the author's myth in poem drama of the national writer of Yakutia I.M. Gogolev “The Breath of the Iron Age” are examined. Myth-poetics is defined as one of the dominant features that determine both the genre model of poetic drama and the process of lyricization, genre-gender transformations and modifications of the dramatic text as a whole. In the text “The Breath of the Iron Age” by I. Gogolev, the genre signs of the “poet's drama” are revealed: interpretation of myth-folklore narrative, archetypal images and motifs, dominance of the lyrical plot, a certain type of conflict and hero, the duality of characters. The text sets the internal plot and internal action, actualizing the existential, insoluble conflict of a person with the world, which, in the end, determines the mythological poetry and symbolism of both the dramas and the writer's entire work. The images of time and space are defined as one of the forms of expression of the author's consciousness, the lyrical beginning in the text. As a result of the analysis of the tragedy in the verses “The Breath of the Iron Age” by I. Gogolev, the syncretic nature of the text is revealed, in which mythopoetic elements are organically combined with the immanent laws of dramaturgy.

Keywords: “Poet's drama”, poetic drama, lyrical beginning, myth-poetics, “author's myth”, artistic time and space, duality, archetype, motive.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Тамара Егоровна – к.ф.н., в.н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, taan2001@mail.ru

Антонов Егор Петрович – к.и.н., доцент, в.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, antegor@yandex.ru

Атаев Борис Махачевич – д.ф.н., профессор, г.н.с. отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия, bm_ataev@mail.ru

Афанасьева Елизавета Федоровна – к.ф.н., доцент кафедры бурятской и эвенкийской филологии Восточного института Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, elizaveta_fedor@mail.ru

Данилова Надежда Ивановна – д.ф.н., г.н.с., зав. отделом якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, nadiv2008@mail.ru

Добжанская Оксана Эдуардовна – д.иск., доцент, профессор кафедры искусствоведения ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», г. Якутск, Россия, dobzhanskaya@list.ru

Дьяченко Владимир Иванович – к.и.н., с.н.с. Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, vid@kunstkamera.ru

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна – д.и.н., доцент, в.н.с. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, zhambalovas@yandex.ru

Ибрагимова Мариза Оглановна – д.ф.н., доцент, в.н.с. отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия, mariza71@mail.ru

Иванова-Унарова Зинаида Ивановна – профессор кафедры искусствоведения ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», г. Якутск, Россия, sign37@mail.ru

Кириллина Мария Афанасьевна – к.ф.н., с.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, makirillina@mail.ru

Курилов Гаврил Николаевич – д.ф.н., г.н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, ladinakuril@mail.ru, kurilov.gavril@mail.ru

Октябрьская Ирина Вячеславовна – д.и.н., доцент, в.н.с. отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, siem405@yandex.ru

Петров Александр Александрович – д.ф.н., профессор кафедры северной филологии Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, профессор кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, petrovalexspb@mail.ru

Попова Наталья Иннокентьевна – к.ф.н., в.н.с. отдела якутского языка, директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, nat.popova@rambler.ru

Романова Екатерина Назаровна – д.и.н., г.н.с. отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, e_romanova@mail.ru

Сем Татьяна Юрьевна – к.и.н., в.н.с. Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург, Россия, semturem@mail.ru

Филиппов Гаврил Гаврильевич – д.ф.н., профессор кафедры якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия, filippovgg@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Andreeva Tamara Yegorovna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, taan2001@mail.ru

Antonov Yegor Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, antegor@yandex.ru

Ataev Boris Makhachevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Grammatical Research of the Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia, bm_ataev@mail.ru

Afanasyeva Elizaveta Fedorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Buryat and Evenk Philology of the Oriental Institute of the Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude, Russia, elizaveta_fedor@mail.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, the Head of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, nadiv2008@mail.ru

Dobzhanskaya Oksana Eduardovna – Doctor of Art, Associate Professor, Professor of the Department of Art Criticism FSBEI HE “Arctic State Institute of Culture and Arts”, Yakutsk, Russia, dobzhanskaya@list.ru

Dyachenko Vladimir Ivanovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russia, vid@kunst-kamera.ru

Zhambalova Sesegma Gendenovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia, zhambalovas@yandex.ru

Ibragimova Mariza Oglanovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Grammatical Research of the Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia, mariza71@mail.ru

Ivanova-Unarova Zinaida Ivanovna – Professor of the Department of Art Criticism, FSBEI HE “Arctic State Institute of Culture and Arts”, Yakutsk, Russia, sign37@mail.ru

Kirillina Maria Afanasyevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, makirillina@mail.ru

Kurilov Gavril Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, ladinakuril@mail.ru, kurilov.gavril@mail.ru

Oktyabrskaya Irina Vyacheslavovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Ethnography of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia, siem405@yandex.ru

Petrov Alexander Alexandrovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Northern Philology of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Professor of the Department of Altai Languages, Folklore and Literature, Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia, petrovalexspb@mail.ru

Popova Natalya Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of the Yakut Language, Director of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, nat.popova@rambler.ru

Romanova Ekaterina Nazarovna – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, e_romanova@mail.ru

Sem Tatyana Yurievna – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg, Russia, semturem@mail.ru

Filippov Gavril Gavrilievich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Yakut Language Department of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosova, Yakutsk, Russia, filippovgg@mail.ru

**Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала
«Северо-Восточный гуманитарный вестник»**

В журнале публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе работы компаративного характера. К публикации принимаются статьи на русском или английском языках. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков). Статьи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman или Times Sakha, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – 2 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – от 5 до 10 ключевых слов. Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи, т.е. быть краткой, но содержательной. Рекомендуется, чтобы аннотация на английском языке представляла основное содержание статьи, при этом не состояла только из общих слов и не являлась калькой русскоязычной аннотации. В заголовке аннотации сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах без предварительной расшифровки не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписи под рисунками не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком в алфавитном порядке. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторам после текста необходимо указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция оставляет за собой право вносить изменения, не искажающие основные положения статьи.

Перед названием статьи указывается индекс УДК.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят проверку на антиплагиат (допускается наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 30% от общего объема рукописи), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции: svgy2010@mail.ru или предоставлять в печатном виде по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 105. Тел. 8(4112) 35-49-96.

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать ??.09.2020. Дата выхода в свет 21.09.2020.

Формат 60х90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.18,25. Уч.-изд. л. 16,06. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 8 (4112) 35–68–69

Индекс П2454